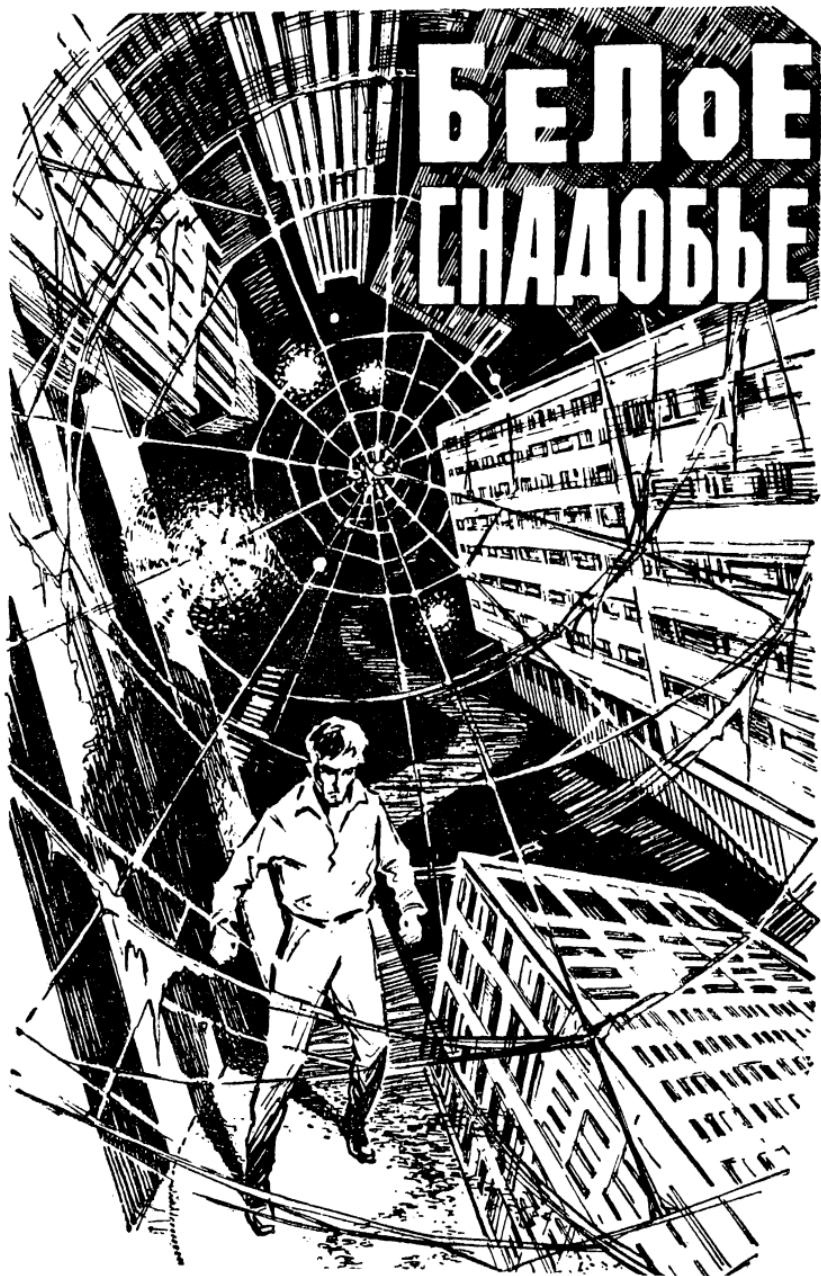

З. ЮРЬЕВ

БЕЛОЕ СНАДОБЬЕ

Фантастический роман-памфлет

КЛИФФОРД МАРКВУД

Глава I

Я отлично помню тот день. Помню хотя бы потому, что, за исключением письма от Карутти, он ровно ничем не отличался от сотен таких же обычных пустых, скучных дней. Антидней. Думаете, я пытаюсь подсунуть вам сомнительный маленький парадоксик? Упаси меня господь бог от изобретения парадоксов и парадоксиков, их хоть пруд пруди и без меня. Логики в жизни маловато, но на парадоксы хоть распродажу объяляй. Четко помню все обычное, а все то, что хоть мало-мальски, хоть на шаг выходит из шеренги будней, представляется мне вскорости в каком-то утрированном, может быть, даже искаженном виде. Наверное, потому, что память то и дело возвращается к этому необычному событию, крутит его так и эдак, подгоняет под собственные желания и стандарты. А так как мы редко ведем себя в серьезные моменты безупречно, мы наверстываем упущенное впоследствии, щедро добавляя себе в воспоминаниях и смелость, и остроумие, и находчивость — все то, короче говоря, в чем мы обычно испытываем недостаток.

Будничное же укладывается в память спокойно, как бумажка в архив, и больше его никто не трогает. Впрочем, я не претендую на универсальность этого феномена. Скорее всего, вы со мною не согласитесь и поступите, кстати, совершенно правильно, потому что я и сам редко соглашаюсь с собой.

Ладно, как бы там ни было, а тот день был действительно обычный, и я действительно отлично его помню. Помню, например, что дверь гаража, когда я вернулся домой, открылась только со второго сигнала, и я подумал — не в первый раз, — что надо бы заменить реле. Помню, что, поставив машину, я, как обычно, первым делом подошел к кусту, который растет у меня перед крыльцом. Его, как обычно, не было видно. Я имею в виду, разумеется, не куст, а симпатичного жирненького паучка-крестовика, который живет под этим кустом. Точнее, под одним из листочеков, куда он прячется от своих потенциальных жертв, врагов и друзей. Да, да, у него есть друг. Это, с вашего разрешения, я. Причем заметьте, моя симпатия к Джимми — так я зову паука, хотя он об этом и не знает, — вовсе не носит абстрактного характера. Не переодевшись, не умывшись, не поев, не подумав о смысле жизни, я отправляюсь на охоту. Я долго хожу вдоль стены и выбираю мууху по аппетитнее. Выбираю так, как выбирал бы себе, может быть, даже еще тщательнее. Выбрав, я медленно отвожу руку назад, затаиваю дыхание, останавливаю сердце, мгновенно выбрасываю руку вперед, одновременно захлопывая раскрытую ладонь в кулак. В одном случае из десяти муух оказывается у меня в кулаке. В остальных — мелкие занозы и воздух. Я иду к паутине моего друга и осторожно сажаю свое подношение в сплетение тончайших радужных нитей. Муха, естественно, негодует и дергается, поскольку в отличие от людей я еще не встречал ни одной мухи, которой хотелось бы быть подношением, а я, сорокалетний ученый, прекрасный специалист по электронно-вычислительным машинам (я не хвастаюсь, это не только мое мнение), стою

на четвереньках и с замиранием сердца жду — не спустится ли поужинать Джимми.

И тут я должен сделать вам небольшое признание. Мне не так важно, поет ли сегодня паук или нет. Строго говоря, мне на это вообще наплевать. Надо думать, он поет и без меня. Ведь не всякого же крестовика кормят с ложечки. И ничего, обходятся. Мне просто интересно, как Джимми расправляется со своей пищей, как закатывает ее в паутину, а затем уже, помолясь (а может быть, он и не молится, а только делает вид), смакует изысканный деликатес. Поэтому, строго говоря, я не имею морального права называть себя другом Джимми, поскольку кормлю я его не для его удовольствия, а моего собственного. Впрочем, с точки зрения тех, кто гадает, любит, не любит, по очереди отрывая паучьи ножки, мои отношения с Джимми — верх любви и самопожертвования.

В тот вечер, о котором я собирался вам рассказать, Джимми так и не вышел. Я принес ему вторую муху. Муха была скользкой. Она была столь аппетитна, что, будь я чуточку менее цивилизован, я бы сам с удовольствием полакомился ею. Но он так и не спустился вниз. Я вытянул шею и заглянул под листок, где квартировал мой друг — кто знает, может быть, с ним что-нибудь стряслось. Слава богу, Джимми был на месте, и мне даже показалось, что он с укоризнью посмотрел на меня.

— Ах, Джимми, Джимми, — сказал я и покачал головой, — почему ты так дурно воспитан? Спасибо ты бы хоть мог сказать?

Он снова промолчал. Довольно странные отношения, подумал я. Один приносит мух и без конца говорит, другой не принимает и молчит.

Если бы соседи в этот момент увидели или услышали меня, они бы наверняка решили, что перед ними тихопомешанный. Впрочем, они, наверное, уже давно пришли к такому выводу.

— Ну раз так — пожалуйста, — с обидой в голосе сказал я пауку. — Ты еще пожалеешь о своей гордыне, неблагодарный.

Я вошел в ванную, стянул с себя рубашку и стал мылить руки. В этот момент из зеркала над раковиной на меня посмотрел какой-то малосимпатичный шатен с асимметричными глазами. Один больше другого, зато меньший — заметно противнее. Этот меньший глаз вдруг зачем-то подмигнул мне, причем сделал это с какой-то неприятной фамильярностью, с наглым, я бы даже сказал, вызывающим видом.

Я почувствовал, что вот-вот всплюю. Сначала какой-то дрянистый крестовничок позволяет себе отвернуться от меня, а теперь еще этот тип в зеркале со своими гнусными гримасами. Я только хотел было сказать шатену, что я о нем думаю, как он вдруг улыбнулся и необыкновенно ласково, пожалуй, даже с нежностью пробормотал:

— Ну, ну, лапка моя, не сердись...

Я пожал плечами. Я и не собирался сердиться. Если я буду сердиться на каждого неблагодарного паука или разноглазого шатена в зеркале, у меня не останется времени для того, чтобы сердиться на человечество в целом, а это мое любимое хобби.

Однако прошу вас не торопиться с выводами. Конечно, легче всего прилепнуть на человека этикетку: расщепление личности

на шизофреническом фоне или шизофрения на фоне расщепления личности. Или еще что-нибудь в этом роде. Это, повторяю, легче всего. Тем более что на первый взгляд кое-какие основания для этого есть. Человек стоит на карачках и устраивает сцену пауку-крестовику. Потом смотрит на свое отображение в зеркале словно на незнакомца и так далее.

И тем не менее я уверен, что значительно нормальнее средненормального человека, по крайней мере, в нашей благословенной стране, где нормы на нормальность устанавливают безумцы.

Просто я панически боюсь превратиться в социальный электрон. Термин этот мой, и им я называю всех тех, кто вращаются по предопределенным им орбитам, иногда перескакиваю с одного социально-имущественного уровня на другой, но перескакивают опять же упорядоченно — короче говоря, ведут себя так, как им положено себя вести заведенным порядком вещей. Почти каждый раз, когда я еду на работу или возвращаюсь вечером домой и вижу тысячи и тысячи одинаковых домиков с одинаковыми крошечными лужайками перед ними, с одинаковыми мужчинами, женщинами и детьми, занятыми одинаковыми вещами, носящими в одинаковых головах две-три одинаковые мыслишки, — когда я все это вижу и когда я об этом думаю, мне хочется выть от ужаса. Мне хочется закрыть глаза, обхватить голову руками и бежать, бежать — но куда? И вот я подмигиваю себе в зеркале и кормлю паука собственноручно поймаными мухами, чтобы сохранить хоть призрачную, но иллюзию, что я — это я. Что Клиффорд Марквуд, сорокалетний ученый, разведенный, живущий в ОП Риверглейд, Фридом-авеню, 411, работающий в фирме «Прайм дейта», — это я, а не какой-нибудь другой социальный электрон, наматывающий виток за витком на социальной орбите. Конечно, я отдаю себе отчет, что мои призрачные попытки сохранить свое «я» при помощи паука и бесед с самим собой в зеркале довольно смехотворны, но что прикажете делать?

Возможно, вы скажете, что мое навязчивое стремление к индивидуальности — это уже отклонение от нормы. Возможно, и даже вероятно, это именно так. В таком случае плевать я хотел на норму.

Так или иначе я должен извиниться перед вами за то, что подсовываю вам свои фобии и мании. Это, наверное, от одиночества. Нет, нет, не подумайте, что у меня нет знакомых и я, словно некий пустынник, внемлю лишь небу и звездам. Но, увы, сама мысль о том, что я мог бы говорить о своих чувствах и переживаниях с сослуживцами и соседями, заставляет меня улыбаться. Я вижу их искренне недоумевающие взгляды, их искренне наморщеные лбы, искренне брезгливый изгиб губ — о чем это распространяется мистер Марквуд? Почему он не найдет себе психоаналитика? Видите ли, в нашей благословенной стране внимание и участие — товар, причем довольно редкий. Вам нужно участие? Пожалуйста! Откройте желтые страницы телефонного справочника. Психоаналитики в любом количестве продадут вам и участие, и внимание, и совет. И слава богу, между прочим. Хорошо, что можно хоть купить все эти вещи.

Ну да ладно. Пора готовить ужин, но перед этим я обычно

совершаю вечернюю прогулку. Семнадцать шагов до моего почтового ящика и семнадцать обратно. Как я уже вам сказал в самом начале, этот день был бы абсолютно совершенен в своей серости и будничности, если бы не письмо Карутти. Итак, я иду к ящику, вовсе не предполагая, что найду там что-либо интересное. Просто вечерний ритуал. Щелкаю замком. Газета «Риверглейд икзэминер», лежащая в ящике с утра. Впрочем, если бы она лежала с прошлого года, я бы вряд ли заметил разницу. Разве что по длине юбок на фотографиях. Вообще, если судить по газетам, длина юбок — это единственный маятник, отсчитывающий оставшиеся нашей цивилизации годы.

Что еще, кроме газеты? Рекламный мусор, как обычно. Письмо от «Восточной энергетической». Я уже улыбаюсь, догадываясь, что в конверте. Так и есть. Счет на двадцать четыре НД, который я оплатил три месяца тому назад. Я им ничего не отвечаю, поскольку все равно это бессмысленно. Если уж бухгалтерский компьютер делает ошибку — на двадцать четыре новых доллара — это надолго. Еще одно письмо. Без обратного адреса. Немножко странное письмо. Почему? Во-первых, мой адрес написан как-то очень небрежно или торопливо; во-вторых, он написан не на самом конверте, а на бумажном прямоугольничке, налепленном на конверт. Причем налепленном опять же как-то небрежно, чуть криво, впопыхах, может быть.

Вы спросите меня: почему столько внимания какому-то аннонимному конверту, откуда у меня такая маниакальная наблюдательность? Видите ли, я уже, по-моему, говорил, что я человек довольно одинокий, пишут мне мало. А те письма, которые я все же получаю, похожи на письмо от «Восточной энергетической компании» — фирменный конверт, машинописный адрес, антисмысл. Антиписьма.

Я уселся в кресло и осторожно вскрыл конверт. На небольшом листке бумаги было написано: «Дорогой Клиф! Очень прошу тебя — будь дома вечером в пятницу. Я приеду к тебе. Мне нужна твоя помощь и твой совет. Это важно. Очень и очень важно. Твой Франк Карутти». И все.

Эта коротенькая записка еще более усилила возникшее у меня ощущение какой-то нелепости. Во-первых, я не видел Карутти года два, не меньше; во-вторых, когда мы вместе учились, а потом работали в лаборатории Майера, мы никогда не были особенно близки. Если бы вы увидели Фрэнка Карутти, вы бы сразу поняли, что у него может быть очень мало общего с другом паука Джимми. Он был всегда таким совершенным электроном, вращающимся по такой совершенной орбите, что мне легче представить его летающим по ночам в пижаме, чем подмигивающим самому себе в зеркало.

Имея дело с Фрэнком, всегда можно точно знать, что он сделает или скажет в следующую минуту. Он всегда предсказуем. Кроме того, он необыкновенно аккуратен, даже педантичен. Из тех, кто пишет адрес на конвертах разборчиво и четко, и уж подавно не на клочках бумаги, наспех наклеенных на конверт. Но это все качества, которые мне не слишком приятны, и у вас может создаться впечатление, что Фрэнк только предсказуемый электрон, и ничего больше. А это не так. Он, между

прочим, еще и блестящий ученый с нюхом хорошей гончей и интуицией прорицателя. Что-что, а этого у него не отнять.

Нет, что ни говорите, а письмо было странным. Не то чтобы очень странное само по себе, но оно никак не вписывалось в орбиту Фрэнка Карутти. И конверт, и просьба о совете и помощи, и отсутствие обратного адреса — все было как-то... непредсказуемо.

Конечно, если бы я был обычным электроном, я бы тут же отложил письмо в сторону, поскольку мне, наверное, нужно было бы воспитывать детей, ругаться с женой, подстригать траву на лужайке, смотреть телевизор. Но детей у меня нет. Жена, да и та бывшая, находится на расстоянии двух тысяч миль от меня, на траву мне наплевать в высочайшей степени, телевизор я не переношу, а на паука Джимми я обиделся. Поэтому я приняллся рассуждать о письме.

«Почему адрес написан от руки? Карутти ведь из тех, кто предпочитает машинку. Наверное, потому, что он писал его не дома и не на работе, а где-нибудь еще, например в почтовом отделении. Прелестно, — сказал я вслух сам себе. — Фантастические дедуктивные способности.

Почему адрес написан не на конверте, а на наклеенном листке? Может быть, потому, что адрес на конверте был написан неправильно? Здесь, — сказал я себе, — нужен эксперимент».

Я взял конверт, подержал его на пару и осторожно отклеил бумажный прямоугольничек. Под ним выведененный четкими буквами был совершенно другой адрес: «Мистеру Генри Р. Камински, 141, Конноли-стрит, Ньюпорт».

Ньюпорт — это не очень симпатичный городок милях в сорока от Риверглейда. Не ОП и не джунгли. Нечто среднее. Так. Хорошо. Будем рассуждать логично. Сначала Карутти решает написать некоему Генри Р. Камински. Прекрасно. Затем почему-то решает не писать Генри Р. Камински, а послать письмо мистеру Клиффорду Марквуду, то есть мне. Другого конверта либо нет, либо Фрэнк решает сэкономить. Очень логично, за исключением того, что все это в высшей степени не похоже на Фрэнка Карутти. Кроме того, я ведь уже решил, что он писал из почтового отделения... Бог с ним, с письмом. Сегодня среда. Через два дня Карутти сам объяснит мне, зачем я ему понадобился, что это за важное дело и почему он решил экономить на конвертах.

Глава II

В пятницу Фрэнк Карутти не приехал, не появился он и в субботу. «Это важно. Очень и очень важно». Странные слова...

Конечно, проще всего было бы забыть и письмо, и Карутти, тем более что за два года, что мы не виделись, я вряд ли вспомнил хоть раз о нем.

Я так и сделал. «Забудь об этом письме, — сказал я себе. — У тебя есть более важные дела, например, нужно наладить отношения с пауком Джимми и заменить реле ворот в гараже». Но к пауку я не пошел. Не к лицу мне, гомо, более или менее сапиенс, унижаться перед каким-то паршивым жирным

крестовиком. Ну а реле... Согласитесь, когда собираешься сменить реле уже полгода, причем говоришь себе ежедневно, что сделаешь это завтра, — взять прямо так и действительно сменить его — было бы поступком легкомысленным и даже непристойным. Неисправное реле и твердое намерение починить его уже превратились в традицию, в нечто постоянное, а такие вещи в наш зыбкий, неустойчивый век нужно ценить. Да и по возрасту мне пора уже быть консерватором, хранителем традиций и противником радикальных поползновений, как, например, починка реле.

Итак, я настолько старательно пытался забыть о письме Карутти, что оно не шло у меня из головы. Короче говоря, около пополудни в воскресенье я уже ехал не только по Ньюпорту, но даже по Конноли-стрит. Дом номер 141 оказался маленьким и печальным кафе с таким же хозяином.

— Порцию сосисок и стакан апельсинового сока, — сказал я, усаживаясь за столик, покрытый пластиком.

Кафе было пустым, и сосиски появились довольно быстро. Они выглядели такими же маленькими и печальными, как и их хозяин. Очевидно, они, как и он, ничего в жизни не добились и примирились с поражением.

— Спасибо, мистер Камински, — сказал я. — Вы ведь мистер Камински?

Я никогда не видел, чтобы человек бледнел так быстро. Хозяин вздрогнул, словно вспомнил вдруг с перепоя вкус и запах спиртного.

— Боже, — простонал он каким-то жалким театральным голосом, — боже, когда кончатся эти муки? — При этом он смотрел на меня с ненавистью, а его маленькие кулачки судорожно сжимались и разжимались. — Что вам от меня нужно?

— Простите, — сказал я. — Я и подумать не мог, что имя Камински вызовет у вас...

— Что вам от меня нужно? Ведь я уже позавчера... — Он вдруг замолчал и еще раз с ненавистью посмотрел на меня. Чувство это было таким концентрированным, что на мне начинала тлеть одежда.

— Что позавчера? — спросил я.

— Спросите ваших дружков, — буркнул хозяин и с пренебрежением испуганной ящерицы юркнул за стойку.

— Я вас не понимаю, — пожал я плечами, — во-первых, у меня нет дружков («Так-то ты предаешь своего друга паука Джимми», — не преминул я подколоть себя), а во-вторых, я даже не знал бы, о чем спрашививать...

— А вы не... вместе?

— Нет.

— А почему же вы опять мучаете меня этой идиотской фамилией, которую я слышу первый раз в жизни?

Маленький человечек уже не испепелял меня ненавистью. Он вздохнул тяжело и безнадежно, как вздыхают коровы и семейные люди за пятьдесят.

— Вы думаете, я знаю? — спросил его я, в свою очередь.

— Сумасшедший мир, безумный мир, дурацкий мир. Сначала приходят два типа и пытаются меня уговорить, что я Генри Р. Камински и что я получил якобы письмо от некоего Карут-

ти. Я отвечаю, что за пятьдесят четыре года я ни одного дня не был Генри Р. Камински. Тогда мне показывают большой кусок мяса, который при ближайшем рассмотрении оказывается кулаком, и говорят, чтобы я не острил. Хорошо, я говорю, я не буду острить, но все-таки я не Генри Р. Камински, никогда не знал Генри Р. Камински и, даст бог, умру так с ним и не познакомившись. Никакого письма я не получал. Ну хорошо, мне тут же дают по шее, но довольно деликатно, так что я даже не упал, и спрашивают, не знаю ли я в таком случае некоего Фрэнка Карутти. Я отвечаю, что нет. Мне говорят, что если я пытаюсь хитрить с ними, то играю даже не с огнем, а со своей жизнью. Мне вежливо дают еще раз по шее и уходят. А сегодня вы все начинаете снова.

— Но я же по шее вам не давал, — обиженно сказал я и даже почувствовал нечто вроде гордости. Я оказался на высоте — не дал человеку по шее. Это уже много, и мне хотелось видеть благодарность за заслуги. Несостоявшийся Генри Р. Камински, похоже, в принципе разделял мою точку зрения.

— Это верно. Большое спасибо! — согласился он. Он подумал немножко и сказал: — Послушайте, а кто хоть это такие Генри Р. Камински и Фрэнк Карутти?

— Я ведь как раз об этом и хотел вас спросить...

— Сумасшедший мир, безумный мир, дурацкий мир. С вас два сорока.

Я расплатился и вышел из кафе. В голове у меня прыгали и скакали какие-то жалкие обрывки мыслей. Я подумал, что, если посижу несколько минут спокойно, может быть, и они последуют моему примеру. Я нашел свободную скамейку на крохотном прогулочном сквере и стал наблюдать, как неопределенного пола младенец пытается насыпать земли в свою коляску, а его мать мешает ему. С видом решительным, я бы даже сказал маниакальным, младенец, сидя на корточках, набирал полный совок жалкой городской земли, медленно поднимался и осторожно нес его к облупленной голубой коляске на высоких тонких колесах. Привычным жестом мать выкручивала ему руку, высыпая содержимое совка, и он, не плача и не протестуя, снова опускался на корточки.

«Какой развитый мальчуган, — подумал я с симпатией. — Он уже проделывает то, чем ему предстоит заниматься всю жизнь. Определенный цикл определенных движений, результата которых никогда не видишь. Цивилизация построена ведь на четком разделении труда. Один делает, другой выкручивает ему руки».

Наконец женщина посадила его в коляску, и он огласил Ньюпорт пронзительным криком. Что делать, обидно же, когда тебе мешают в лучших намерениях и планах.

Мимо меня медленно прошаркал нарк. Стеклянные глаза без особого интереса скользнули по мне, по коляске с ребенком, по женщине, и она инстинктивно схватилась за коляску.

«Мистер Клиффорд Марквуд, — сказал я себе, — вы уже не сколько успокоились и, возможно, вновь обрели способность более или менее связно думать, если, конечно, раньше обладали ею. Что же это значит? Какие-то джентльмены являются по адресу, который был написан Карутти на конверте, а потом заклеен бумажкой с моим адресом. Возможно, это печальное

кафе с печальными сосисками не имеет никакого отношения ко мне. Я хочу сказать, что адрес — Конноли-стрит, 141 — два посетителя кафе, которые любят давать по шее, могли узнать и без моего конверта. А как? Допустим, они нашли адрес в записной книжке Карутти. Вполне допустимо. Но ведь владелец кафе не Генри Р. Камински и он не знает Фрэнка Карутти».

Интуиция подсказывает мне, что все не так. Адрес — Конноли-стрит, 141 — эти типы узнали, прочтя его на моем конверте. До того, как Карутти заклеил его моим адресом. Допустим. Тогда что? Возникает ситуация, в которой Фрэнк Карутти пишет на конверте вымышленный адрес. Очевидно, чтобы сбить с толку людей, которым хочется узнать, кому и куда он пишет. Отлично. Попробуем мысленно воссоздать всю сценку.

Карутти идет по улице. Почему-то ему нужна моя помощь. Почему-то он вспомнил именно обо мне. Почему именно, сейчас нас не касается. Дома он адрес на конверте не написал, в этом я уверен. Дома он бы наверняка воспользовался пишущей машинкой.

Итак, он идет по улице и замечает, что за ним следят. Минуточку, минуточку. А почему он идет? А почему не едет? И почему он не надпишет спокойно мой адрес, сидя в своей машине, даже если он видит, что за ним следят? Это вопрос, ничего не скажешь. Отличный вопрос. Ведь, надписав в машине мой адрес, он мог бы быстро бросить письмо в почтовый ящик.

Логично. Вот и все. Вся сценка рассыпается от первого же толчка, который она испытывает при контакте с элементарной логикой. Ну а если... А если он очень боялся тех, кто следил за ним, если он считал их способными на все? Ведь, зная, в какой ящик письмо опущено, можно спокойно подождать почтовую машину и очень вежливо попросить водителя дать просмотреть несколько писем. Если ты очень вежлив и к тому же вручаешь водителю энную сумму, вполне можешь рассчитывать на успех. В нашей благословенной стране можно рассчитывать на успех и в том случае, если ты очень груб и показываешь собеседнику пистолет подходящего калибра.

Что ж, в этом есть резон, дорогой Клиф. А надписав вымышленный адрес и убедившись, что следящие за ним видели его, Карутти мог бы быть уверен, что охотиться за письмом они не будут.

Итак, вернемся к нашей воображаемой сценке. Я откинулся на спинку скамейки, подставляя лицо солнцу, и закрыл глаза. Мрак за опущенными веками красновато-багровый. Солнце и кровь. Фу, Клиф, какая безвкусница: солнце и кровь. Жестокий испанский роман. Не хватает лишь песка, быка, красавицы, мантильи и Севильи.

Итак, Фрэнк Карутти идет по улице. Он идет мимо витрин, мимо распахнутых окон, мимо колясок с младенцами неопределенного пола, мимо всего на свете. Интересно, те двое, у которых кулаки похожи на громадные куски мяса, держатся ли они поодаль или почти не стесняются? Наверное, они почти не стесняются. Люди с большими кулаками обычно не бывают слишком застенчивыми.

Вот Карутти на мгновение останавливается у витрины.

Для чего? Для того, например, чтобы увидеть в толстом зеркальном стекле два мясистых лица, две жирные физиономии, две наглые хари. Чтобы ощутить, как по твоему телу бродит, отвратительно холода его, страх.

Карутти ускоряет шаг. Вот и почта. Он долго копается в кармане в поисках монетки. Пальцы, вероятно, не слушаются его. Пальцы Фрэнка Карутти, которые совершеннее многих совершенных приборов. Если бы вы видели, как он работает, вы бы поняли, что я хочу сказать.

Наконец он находит монетку, сует ее в автомат и ловит вылетающий оттуда конверт. Тот самый, из-за которого я сейчас сижу на облупившейся муниципальной скамейке в Ньюпорте.

Фрэнк Карутти садится за стол. Краем глаза он видит, как те двое осматриваются, видят табличку «Просяба не курить» и тут же автоматически лезут в карманы за сигаретами. Фрэнк кладет на стол конверт и берет ручку. Все, что приходило мне в голову об этих двух соглядатаях, о почтовом ящике, наверняка обдумал и он. У него голова не чета моей. Он делает вид, что загораживает рукой адрес, который выводит на конверте. Почему он написал «Конноли-стрит»? Может быть, там когда-нибудь жила какая-нибудь Джейн или Марго, обязательно кругленькая и обязательно светленькая, потому что Фрэнк сам чернив как жук. Он держал ее за руку и вздыхал, а она все чиркала, и ему казалось, что он идет рядом с воробьем. И почему 141? А почему бы не 141? Чем 141 хуже любой другой цифры? Никто еще никогда не доказал, что 141 хуже для вымышленного адреса любой другой цифры.

Фрэнк делает вид, что прикрывает рукой адрес, но один из соглядатаев, приподнявшись на цыпочки, смотрит ему через плечо. «А еще ученый, вот кретин!» — самодовольно думает он. Если, конечно, знает, что Карутти — ученый. Теперь можно и отойти от этого балбеса. Адрес простой: Ньюпорт, Конноли-стрит, 141, Генри Р. Камински.

Карутти смотрит на конверт, а затем на небольшом прямоугольничке бумаги он пишет мой адрес, быстро наклеивает его на Генри Р. Камински, вкладывает в конверт письмо. Еще мгновение — и письмо в ящике. Вся компания довольна друг другом. Хари не спеша идут за Карутти, обсуждая, за что только платят деньги этим шарлатанам ученым, когда они такие болваны. Боже, какое это острое наслаждение — чувствовать свое превосходство над каким-то паршивым интеллигентом. Это так приятно, что хари испытывают даже нечто вроде симпатии к Карутти. Брезгливой, надо думать, но симпатии.

Карутти несколько раз прерывисто вздыхает. Ему все кажется, что если поглубже вздохнуть, как следует насытить кровь кислородом, то густой, липкий страх перестанет лежать холодным компрессом на сердце, он растворится и осядет в каком-нибудь душевном фильтре безвредным осадком, который называется памятью. Но компресс все лежит и лежит на сердце, потому что... Что потому что? Не знаю, это пока за скобками.

Рядом слышатся размеренные шаги, потом замирают около меня. Я вздрагиваю и открываю глаза. У нас всегда так. Когда боишься увидеть жулика, видишь перед собой полицейского. И наоборот. Но похоже, что друг другу они не мешают, по-

скольку я что-то никогда не видел их вместе. Передо мной стоит полицейский. Красавец, да и только. Загорелое лицо, спокойные, с прищуром серые глаза. Синяя, отлично подогнанная по фигуре форма.

— Задремал на солнышке, — глупо бормочу я. Почему я испугался? Не знаю.

— Вижу, — кивает полицейский и идет дальше, цепко ощупав меня глазами.

Почему я испугался? Разве в нашей благословенной стране полиция не стоит на стороне законопослушных граждан? И разве я не законопослушный образцовый гражданин? Ага, понял. Если бы я нарушил законы, у нас было бы что-то общее и мы бы быстрее поняли друг друга. Я бы знал, что делать, и он знал, что ожидать от меня. А без этого — чувство неопределенности, всегда порождающее страх.

Глава III

Вы замечаете, что я почти совсем забросил своего друга Джимми? Я тоже заметил. Но что делать, когда Фрэнк Карутти прямо-таки нейдет у меня из головы. Ну хорошо, не мог он приехать ко мне в пятницу, в субботу, в воскресенье. Может быть, то, что заставило его написать мне, и то, что он считал очень важным, уже и не так важно. Более чем вероятно. Но если бы вы знали Фрэнка Карутти, вы бы, как и я, не сомневались, что он обязательно напишет или приедет. Он не из тех людей, которые повсюду ташат за собой шлейфы неоконченных дел, незавершенных начинаний. Фрэнк, насколько я его помню, физически не выносит неоконченности, несовершенства. Это не воспитание, не пуританская мораль. Это свойство его натуры.

Впрочем, очень может быть, что вся моя конвертная концепция построена на песке. Очень может быть, что все мои реконструкции — плод праздного ума, детище бездельника, который не ругается с женой, не воспитывает детей, не подстригает газона лужайки, не смотрит телевизор, а создает себе химеры, чтобы было чем заниматься. Что ж, химера, между прочим, как цель не так плоха. Как пишут в рекламных проспектах, всегда сохраняет свежесть и яркость.

Полдня я искал адрес его бывшей жены. Еле вспомнил, как ее зовут. Я и видел-то ее несколько раз в жизни. Уже тогда, когда я только познакомился с ней в лаборатории Майера, у них с Фрэнком, шептались сотрудницы, уже были дрянные отношения. Звонить этой Бетти Карутти было бессмысленно. Кто я ей? Как я мог ей представиться? Вряд ли она помнит мое имя, разве что вспомнит лицо...

Я нажимал на звонок раз пять и уже было собирался повернуться и уйти, когда за дверью послышались шаркающие шаги, щелкнул замок, и я увидел Бетти Карутти. Я понял, что это она, только потому, что знал, кого увижу. На улице я бы прошел мимо нее раз сто, не обратив на нее ни малейшего внимания. За те года три, что я ее не видел, она похудела, порыжела и постарела. В квартире так пахло перегаром, что я не сразу сообразил, откуда это так несет. Потом понял, что от

стоявшей передо мной дамы. Бетти одернула неопределенного цвета свитер, зажмурила глаза, качнулась вперед, потрясла головой, вздохнула и спросила:

— Ты кто? Зачем?

— Простите, мадам, — поклонился я, — если не ошибаюсь, вы ведь Бетти Карутти?

— А ты кто?

— Если помните, я когда-то работал с вашим бывшим мужем. Меня зовут Клиффорд Марквуд.

— Бывший муж... — захихикала Бетти. — Бывший муж... Почему же только бывший муж? Он еще и бывший... Чего бывший? Ты прости, сладенький мой, но я бы не против выпить капельку. О-одну крошечную, малосенькую капельку. Ты не угостишь даму? — Голос ее стал вдруг суровым. — Ты ведь джентльмен? Ты ведь тоже с образованием? Ты ведь тоже слишком хорошо знаешь, что к чему, как бывший... Ха-ха-ха... Бывший... Ты не думай: меня приглашать в бар не нужно, меня в бар не пустят, я ведь, знаешь, люблю падать в барах. Не успею, понимаешь, войти — и бац на пол.

Бетти, покачиваясь, необыкновенно медленно и церемонно взяла меня под руку, хихинула и повела в комнату. На столе стояла наполовину опустошенная бутылка джина и два стакана.

— Ты знаешь, бывший, отчего я спиваюсь? — хитро прищурившись, спросила Бетти. — Нет? Оттого, что я сама себе наливаю. Дама не должна сама себе наливать. В этом-то весь фокус. Пей сколько влезет, но соблюдай, детка моя, приличия. Понял? Если будешь когда-нибудь дамой, никогда не наливай себе сам. Понял? Пусть это делают твои кавалеры. Налей мне, бывший. То есть, прости, это не ты бывший, я бывшая. И Фрэнк бывший. Он уже совсем бывший.

— В каком смысле? — спросил я, чувствуя, как откуда-то снизу, от пяток наверное, во мне поднимается страх.

— Ну как в каком? Налей. Вот так. Совсем другой стиль. Кто сказал, что стиль создает человека? Или человек создает стиль? — Она не добавила воды и медленно, смакуя, высосала свой стакан. Постижне стиль создает человека.

— Бетти, вы сказали, что Фрэнк уже совсем бывший...

— Я? Ах да, сладенький мой, я сказала... какой же ты глупышка, мой кроличек... Как же Фрэнк может быть не бывшим, когда три дня тому назад он разбился насмерть. — Она некрасиво сморшила лоб и заплакала.

Почему-то я не был даже поражен. Больше того, я даже предчувствовал, что его нет в живых. Я несколько раз за последние дни ловил себя на мысли, что думал о Фрэнке в прошедшем времени.

— Разбился... На шоссе. А знаешь, сладенький мой, ты мне нравишься. Ты такой мужественный... И наливаешь ты так красиво, как настоящий джентльмен... Вообще-то Фрэнк ездит очень осторожно... Очень... Очень... Но я знаю, почему он разбился. И тебе, мой сладенький, мой кроличек, я могу сказать. Только по секрету. — Бетти задрала свитер и вытерла им глаза. — Он все время про меня думал. Хоть мы и разошлись, он

меня любил. Вот и на этот раз ехал мимо Риверглейда и все про меня думал...

«Ехал мимо Риверглейда, — тупо повторял я про себя, — ехал мимо Риверглейда. Три дня назад — значит, в пятницу».

— Меня как полиция известила, — продолжала Бетти, — я сразу поняла: не иначе он про меня думал. Налей мне, деточка, еще одну крохоту-ульянную капельку...

Вечером я позвонил Ройвену Хаскелу. Ройвен служит в дорожной полиции, и мы с ним знакомы уже несколько лет. Началось наше знакомство с того, что он остановил меня на шоссе на участке, где скорость была ограничена до 60 миль. Я, конечно, ехал со скоростью миль в восемьдесят, да и сторож мой все время пищал, сигнализируя, что я в зоне действия их радара. Но то ли я задумался, то ли понадеялся, что в дождь им лень будет меня останавливать, только я не сбавлял скорость, пока не увидел обгоняющий меня полицейский вертолет. Я, конечно, затормозил и жду. Подходит сержант.

— Ваши права, будьте любезны.

— С удовольствием, сержант, прошу вас.

— Вы ехали со скоростью семьдесят пять миль.

— К сожалению, сержант, вы ошибаетесь. Я ехал со скоростью восемьдесят пять миль в час.

Он посмотрел на меня, засмеялся. Засмеялся и я. Так мы познакомились. Теперь Ройвен уже лейтенант, и я необычайно дорожу знакомством с ним...

— Ройвен, — сказал я по телефону, — ты не мог бы оказать мне небольшую услугу?

— Опять штраф? — спросил он. Голос у него был тусклый, наверное, от усталости.

— Нет, Ройвен. Это касается не меня. В прошлую пятницу разился насмерть один мой знакомый, некто Фрэнк Карутти. Ты не мог бы мне сказать, где произошла авария?

— А зачем тебе?

— Сам не знаю... Понимаешь, я должен был с ним встретиться... Как раз в тот день.

— Хорошо, обожди.

Я стою у телефона, держу трубку и жду, пока Ройвен Хаскел скажет мне, где погиб Фрэнк Карутти. Для чего? Я ведь несентиментален. Я не был на кладбище, где похоронена моя мать, лет десять. Для чего идти туда? Читать эпитафии? Выполнить долг? Перед кем? Господи, да если бы живым оказывалось в нашей цивилизации хоть половина того внимания, что получают покойники... Нет, безусловно, мне хотелось попасть на то место на шоссе не для того, чтобы тихо поплакать.

— Ты еще не заснул? — слышу я голос Ройвена.

— Нет, Ройвен, только собираюсь.

— Фрэнк Карутти, 41 год, погиб 23 июня в пятницу на Тринадцатом шоссе, между Риверглейдом и Хайдриджем. Резко затормозил при обгоне, машина пошла юзом, слетела под откос. Тебя устраивает?

— Вполне, Ройвен. Огромное тебе спасибо. Вот только если ты разрешишь...

— Что именно?

— Если я на днях к тебе заеду, ты мне покажешь документы: рапорт там, протокол, — как у вас это все оформляется...

— Зачем? Ты что, мне не веришь? — в голосе Ройвена послышалась обида.

— Господь с тобой, Ройвен. Просто... Ты понимаешь... Иногда что-то западает в голову, и, чтобы выбросить это оттуда, нужно самому...

— У тебя есть какие-нибудь сомнения?

— Не знаю...

— Ну хорошо, приезжай, когда сможешь.

* * *

Весь следующий день я думал. Я пытался высчитать, какова вероятность, что Карутти покинул этот мир без посторонней помощи. К сожалению, мои скромные познания в теории вероятностей мешали мне сделать окончательные выводы. Теория вероятностей — отличная штука, когда нужно вычислить, сколько у тебя шансов, подбрасывая монету, получить сто раз подряд эрла. Или решку. Но она сразу же перестает работать, когда вместо подбрасываемых монет имеешь дело с Тринадцатым шоссе, перевернутой машиной, трупом человека, который очень нуждался в твоей помощи и в тот самый день хотел приехать к тебе.

Я ехал с работы домой в Риверглейд и все время видел медленно переворачивающуюся машину, распятый в последнем крике рот, расплывающееся на сиденье пятно крови.

Должно быть, картина эта основательно завладела моим воображением, потому что я вдруг сообразил, что стою перед Восточными Риверглейдскими воротами, а оба часовых подозрительно посматривают на меня. Я встяжнул головой, совсем как Бетти Карутти, и вышел из машины.

— Простите, — сказал я, — что-то задумался.

Я прижал ладонь к определителю личности, увидел, как вспыхнула зеленая лампочка, и снова сел в машину.

— А я уж смотрю и думаю, что это приключилось с мистером Марквудом. Он ли это, — улыбнулся один из часовых. Лицо у него было круглое и розовое, и автомат на его груди казался вовсе не боевым автоматом, а детской игрушкой. Я никак не мог вспомнить, видел ли я уже этого полицейского. Их ведь все время переводят теперь с места на место. Очевидно, чтобы не успели пустить корни...

— Что-то задумался, сержант. Знаете, как это бывает — застрияет что-нибудь в голове и никак оттуда не выкинешь.

— Это точно, — кивнул сержант, заглядывая в машину. — Бывает. Можете ехать. — Он нажал кнопку, открывая шлагбаумы.

— Что-то вы сегодня сурово так досматриваете все... — сказал я.

— Ночью опять нападение было. Целая банда, вроде из Скарборо. Человек пятнадцать, и ни одного совершеннолетнего. Одни пацаны. Перебросили через колючую проволоку какую-то резиновую дорожку. Не сообразили, глупцы, что у нас тут сразу сработал сигнал тревоги. Ну, пока новая смена добралась туда,

знаете, в районе Клуба любителей гольфа, несколько человек уже перелезли через проволоку. Всю ночь их ловили.

— Поймали?

— А как же, — ухмыльнулся розовощекий часовой, — трех живьем взяли, двух подстрелили. И знаете, в карманах у всех пластиковые мешки: награбленное, стало быть, складывать. За этот месяц четвертое нападение. Взбесились они, что ли, там, в джунглях? Так и прут, бандюги. Знают, что колючая проволока, что ток по ней, стало быть, идет, что ОП на то и ОП — охраняемый поселок, а все равно прут. Я вот где-то читал, что есть на севере такие зверьки, которые иногда прямо целыми стаями идут к воде и топятся. Интересно, правда это?

— Правда, — сказал я. — Лемминги.

— Во-во, — обрадовался часовой, — они самые.

Я благополучно приехал домой, поставил машину в гараж (реле ворот сработало только со второго сигнала) и пошел посмотреть, как поживает Джимми. Что бы ни случилось, негоже так быстро забывать друзей. Ссоры ссорами, а долг долгом. Я подошел к кусту и даже не сразу сообразил, что случилось. Паутины не было. Вернее, были ее остатки, какие-то жалкие ошметки. Я заглянул под лист, где обычно сидит Джимми. Никого.

Я уселся на крыльце и стал думать. Если человек идет от калитки к крыльцу и если этот человек я, он идет по дорожке. Если этот человек не я, а кто-то другой, и этот другой почему-то не хочет идти по дорожке, он может пойти прямо по траве. И тогда, проходя мимо Джимминова куста, он скорее всего заденет ногой паутину. Он, конечно, и не заметит, что уничтожил чай-то мир. Разве что стряхнет потом с брюк несколько прилипших паутинок.

Интересно, зачем этот грабитель пауков приходил ко мне?.. Я вошел в дом на цыпочках, осторожно, словно это не я входил в свой дом, а тот, кто не любит оставлять свои следы на дорожках. «А может быть, все это чушь, — вдруг подумал я с надеждой, — может быть, все это мое воображение, болезненная фантазия человека, который строит сам себе в зеркале рожи и беседует с науком-крестовиком. Может быть, нужно было в свое время послушать Лину, когда она сказала мне перед той памятной ссорой: «Клиф, ты напрасно строишь из себя Чайлд-Гарольда. Ты просто-напросто маленький, обычный человечек, испуганный жизнью. Ты просто-напросто не вырос. Ты боишься людей, боишься ответственности, боишься мира и прячешь свою боязнь под маской оригинальности». Потом она плакала и говорила, что этих слов я ей, наверное, не прощу. Она была права. Я не простил, потому что она была права. Прощают лишь ложь и жестокость. Правду и доброту — никогда. А Лина была ко мне добра. Она желала мне добра, желала настойчиво и даже жестоко. И говорила иногда правду. Согласитесь, что это страшная комбинация. Жить с женщиной, говорящей правду, — это не каждому по зубам. Мне, например, оказалось не по зубам. Мы разошлись, сдав неиспользованную лицензию на ребенка, и я стал беседовать с малосимпатичным шатеном в зеркале и науком Джимми. Теперь я еще к тому же выдумал человека, идущего по траве, человека, входящего в мой

дом. Конечно, выдумал, и письмо Каратти я выдумал, и труп его выдумал, и оплывшую от джина Бетти Каратти тоже выдумал. Возьми телефонный справочник, открай его на желтых страницах, найди живущего не очень далеко психоаналитика и начни лечиться. Врач вежливо сообщит тебе свою таксу, уложит на кушетку и начнет получать с тебя по пятьдесят НД в час, попутно выясняя, не испытывал ли я в детстве желания убить отца или кастрировать себя. И то ли выяснится, что ты действительно хотел убить отца после того, как он не пустил как-то раз тебя с приятелями в кегельбан, то ли станет жалко пятидесяти НД в час, но ты выздоровеешь. Ты спустишься со своей вымышенной орбиты на орбиту истинную, насыщенную заботами, ибо только заботы делают человека человеком. Кто-то где-то когда-то сказал, что человека от животного отличает чувство юмора. Чушь. Во-первых, в нашей благословенной стране мы уже давно потеряли чувство юмора, если, впрочем, когда-нибудь и имели его. А во-вторых, у нас почти не осталось животных. Ладно, опять меня понесло...

Я внимательно осмотрел комнату, медленно переводя взгляд с предмета на предмет. На письменном столе лежало письмо. То самое письмо. Последнее письмо Фрэнка Каратти, который так и не воспользовался моей помощью. Если этим людям и нужно было что-нибудь в моей лачуге, то это скорее всего письмо. Убей меня бог, чтобы я помнил, как оно лежало, когда я утром уезжал на работу. Может быть, именно так, как сейчас, а может быть, и нет. Не помню. И тем не менее у меня все же было ощущение, что что-то в комнате выдавало визит постороннего. Я постоял еще немножко, подумал и вдруг понял: в доме едва уловимо пахло сигарой.

— Ну-с, синьор, — сказал я себе вслух. — Что теперь? Ничего. Просто страшно. Больше ничего. Нормальное состояние нормального гражданина. — Я опустился в кресло и закрыл глаза. Боже мой, как легко мы верим всякой научной чушки. Физиологи утверждают, что все наши эмоции локализованы в определенных участках мозга. Ерунда. Я сижу в кресле и явственно ощущаю, как холодный, мокрый, липкий страх медленно поднимается откуда-то снизу, ложится компрессом на испуганно трепыхающееся сердце.

Почему они пришли только сегодня? Наверное, только потому, что раньше не знали о моем существовании. Они искали Генри Р. Камински в маленьком печальном хозяине маленького печального кафе. Не знали они обо мне и в пятницу, потому что Фрэнк Каратти не свернул с Тринадцатого шоссе к Ривер-глейду, ко мне. Он поехал дальше, по направлению к Хайбриджу. Почему он не свернул ко мне? Ведь что-то очень важное толкало его искать со мной встречи. Ответ искать не приходилось.

...Фрэнк сидит за рулем, поглядывая время от времени в зеркальце заднего обзора. То ли ему кажется, то ли на самом деле, но сзади, на расстоянии ярдов ста, все время болтается серенькая «тоета». А что, если попробовать притормозить? Фрэнк чувствует, что и пробовать-то нечего. Следят. Клещами присосались к нему... Он резко сбавляет скорость, но расстояние между ним и «тоетой» не изменяется. Ясно только одно: в Ривер-

глейд сворачивать нельзя. Может быть, позже, если удастся оторваться от машины сзади. Надо несколько миль проехать спокойно, словно едешь по делам, допустим в Хайбридж, а потом попробовать удрать от хвоста.

Фрэнк выуживает из кармана сигарету. Вообще-то он только что курил, и сердце уже не первый день покалывает. Надо бы бросить вообще, с привычным угрызением совести думает он, но все-таки закуривает. Сегодня не тот день, чтобы мучить себя из-за лишней сигареты, не тот сегодня день. Он глубоко затягивается, и ему кажется даже, что боль в сердце немножко поутихла. Как там «тоета»? Как будто даже немножко отстало. Может быть, попробовать стряхнуть ее сейчас? Фрэнк резко вдавливает в пол акселератор. Двигатель обиженно фыркает и толкает его в спину. Серое полотно с шелестящим свистом начинает раздуваться у носа его «рэмблера». Красный столбик спидометра все растет и растет, вот он уже переполз через цифру 100, на мгновение замер, словно испугавшись высоты, на которую залез, и двинулся дальше. Как там «тоета»? Не видно, осталась за поворотом. Может быть, и впрямь удастся оторваться? Впереди машина. Вот идиот, нашел время перестраиваться в левый ряд. Ничего, я обойду его справа, больше ведь никого нет. Еле тащится, а зачем-то перебрался в левый ряд. Что это у него торчит из окна? Антенна? Что-то толстовата для антенны... Сейчас, когда буду обгонять, увижу. Что же это все-таки?

Фрэнк приближается к машине. Нет, нет, это ведь не дуло автомата, нет, не может быть. Не соображая, что он делает, Фрэнк до отказа вдавливает в пол педаль акселератора. Мотор воет на предельных оборотах. Дуло автомата начинает мелко подрагивать. Внезапно кто-то с чудовищной силой дергает машину за левую сторону. Все-таки автомат, мелькает в голове у Фрэнка в то мгновение, когда его «рэмблер» начинает плавно переворачиваться, вращаясь все быстрее и быстрее, пока вдруг скрежет металла не смолкает в ушах Фрэнка Карутти. Он был прав. Ничего страшного для его сердца от второй сигареты за полчаса не случилось. Сердце ведь абсолютно ни при чем, если у человека пробит череп.

...А мой адрес они могли узнать только одним способом. Мой старый друг лейтенант Ройвен Хаскел сообщил им, что некий Клиффорд Марквуд интересовался подробностями смерти Карутти. Клиффорд Марквуд из Риверглейда. Одну минуточку, сейчас посмотрим его адрес. Вот он, пожалуйста.

Глава IV

Как только я вошел следующим утром в свой кабинет, Мари-Жан сказала, что шеф уже дважды спрашивал меня. «Хоть бы трижды», — сказал я, взглянув на часы. — Ровно девять. Я не опоздал ни на секунду». Если бы не Мари-Жан, я бы принципиально заставил Харджиса подождать меня — начальство нужно держать в строгости. Но бедной женщине Харджис, очевидно, заменил Иисуса Христа, потому что при одном упоминании его имени на лице у нее появлялась смесь трепета и любви. Она вообще из тех атеисток, у которых религиозное чувство заме-

няется культом начальства. Заметьте, кстати, что немцы в свое время не слишком отличались религиозностью именно в силу чинопочитания.

У Мари-Жан были такие несчастные глаза и она так выразительно посматривала на часы, что я не выдержал и пошел к начальству.

У Харджиса вообще довольно гнусная физиономия с седыми кустиками бровей, тяжелыми топорными чертами и пуританским упрямым ртом. А сейчас у него к тому же бегали глаза. Он никак не мог найти подходящего для них места. Единственное, куда он их не упирал, — это в меня.

— Курите, Марквуд, — прокрипел он, по-прежнему не глядя на меня, и открыл коробку с сигарами. Это он, который уже дважды спорил со мной, что я не выдержу и закурю снова.

— Благодарю вас, мистер Харджис, — сказал я. Что бы все это могло значить?

— Видите ли... — промямлил он, помолчав; пожевал губами; и вдруг лицо его потеряло всю свою скалисто-угловатую неприступность и сделалось сырым и жалким. — Видите ли... Я, разумеется, мог бы сообщить вам письменно... Но я счел своим долгом...

Он вдруг замолчал и посмотрел прямо на меня. В глазах мерцал испуг.

— Я... одним словом, я думаю, что вам следует подыскать себе более интересную работу.

Он прерывисто и глубоко вздохнул.

— Понимаю, — сказал я. — Но позвольте задать вам чисто детский вопрос: почему вы меня выставляете?

Харджис снова спрятал глаза.

— Видите ли, финансовое положение нашей фирмы... — начал он, и я перестал слушать. Это был жалкий лепет. Финансовое состояние фирмы «Прайм дейта» не внушало никому ни малейшего основания для беспокойства. Сам же Харджис хватался неделю тому назад, что прибыли за квартал достигли рекордного уровня.

— Курите, Марквуд, — сказал Харджис и снова подтолкнул ко мне ящичек с сигарами.

— Хотя я уже не курю два года, я все же возьму сигару, если это вам так хочется. По крайней мере, вы будете знать, что не просто выкинули человека в джунгли, а снабдили его сигарой. А это совершенно другое дело.

— Но почему же в джунгли? — несчастным голосом спросил Харджис. — Человек с вашей квалификацией, с вашими талантами...

— Спасибо, — сказал я. — Спасибо за слова и сигару. Но вы же прекрасно знаете, что во время такого спада, как сейчас, найти работу по моей специальности — это все равно что получить наследство, когда нет родственников.

Я встал и вышел. Нужно было, конечно, взять из стола всякую ерунду, которая всегда накапливается у человека за годы, но мне не хотелось видеть Мари-Жан. Она тут же начала бы хлюпать носом, а мне и так было тошно.

Я ничего не мог понять. Я готов был поклясться, что в фирме мною были довольны. Харджис не знал, куда девать глаза.

И в них был страх — это точно. Но почему? Почему ему нужно было бояться? Ну их всех к черту.

Месяц-другой я, конечно, прятнулся. Потом мне из Риверглейда придется выматываться. Этот ОП из довольно дорогих. Солидные служащие, ученые, люди с состоянием. Вообще все охраняемые поселки дороги. Колючая проволока с электрическим током по периметру, контрольно-пропускные пункты, электроника, следящая за каждым человеком. Все это началось с того времени, когда люди имущие потянулись из городов в пригороды, унося с собой деньги, стабильность и престиж и оставляя город беднякам. Пригороды богатели и превращались в крепости, а города беднели и превращались в асфальтовые джунгли. Скоро и слово «город» стало забываться. Джунгли.

Кстати, как попал в Риверглейд этот тип, что нанес мне визит? Кто знает... Может быть, он и живет здесь. А может быть, у него полицейский пропуск. Меня охватило глубокое безразличие. Не хотелось думать ни о чем. Джунгли так джунгли, черт с ними. Может быть, даже это и к лучшему.

Вернувшись домой, я залег спать. Лечь спать — великолепный способ избавиться от неприятностей. Натягиваешь на себя одеяло, закрываешь глаза, и через несколько минут ты в другом мире. Там тоже иногда тебя подстерегают неприятности, но от них, по крайней мере, можно избавиться проснувшись. От одних неприятностей избавляешься засыпая. От других — просыпаясь. Надо бы запатентовать этот универсальный и общедоступный способ всеобщего счастья.

Я проспал бы, наверное, сутки, если бы меня не разбудил телефонный звонок.

— Мистер Марквуд? — спросил чей-то сочный, наглый, упитанный голос.

— Да, — буркнул я.

— Я был бы вам весьма признателен, если бы вы смогли поговорить со мной.

— А кто вы?

— Меня зовут Роберт Мэрфи, и я думаю, что наше предложение может показаться вам интересным...

— Предложение?

— Да. В отношении работы...

Час от часу не легче. Утром меня увольняют, а спустя пять часов некий Роберт Мэрфи предлагает мне другую работу. Я уже не удивлялся, не пугался, не радовался. Мой скромный запас эмоций был весь израсходован, и нужно было ждать, пока я снова обрету способность что-либо чувствовать.

Мэрфи приехал минут через двадцать. Сунув в карман пистолет, я вышел к калитке и увидел высокого черноволосого человека лет тридцати — тридцати пяти. Он улыбнулся мне и спросил:

— У вас в калитке есть детектор оружия?

— Нет, — сказал я. — Ни в калитке, ни в двери. Но у нас в Риверглейде в общем-то спокойно.

Мэрфи традиционным жестом распахнул пиджак и поднял руки вверх, показывая, что не вооружен, и я, держа в правой руке пистолет, впустил его во двор. Не знаю почему, но я посмотрел на его брюки — не прилипла ли к ним паутина. Нет,

брюки были безукоризненно выглажены. Он, должно быть, перехватил мой взгляд и спросил:

— Я иду не там, где следует?

— Нет, нет, мистер Мэрфи, — успокоил я его. — Все в порядке. Просто у меня привычка определять характер людей по их ботинкам и брюкам. Лица, знаете, бывают обманчивы. Обувь никогда. Не лицо, а ботинки — зеркало души.

Мэрфи медленно и благодушно улыбнулся. Улыбка была снисходительной и равнодушной. Так, наверное, улыбаются детям.

Мы вошли в дом, я усадил его в кресло и, положив пистолет рядом с собой, сказал:

— Слушаю вас, мистер Мэрфи.

— Я рад, что познакомился с вами, мистер Марквуд. Похоже, что у вас есть чувство юмора — большая редкость в наше время.

— Гм... Спасибо... Удивительное совпадение. Я недавно тоже думал о том, что чувство юмора становится анахронизмом.

— Вот видите, — благодушно кивнул мне Мэрфи, — по одному пункту мы с вами уже сошлись. Надеюсь, что мы договоримся и по остальным. Вы разрешите? — Не ожидая моего кивка, он величественным жестом достал сигару, ловко обрезал ее кончик маленькими ножницами и долго-предолго раскуривал ее, время от времени вынимая и критически осматривая тлеющий конец. Наконец он еще раз кивнул, должно быть, удовлетворенный тем, как горит сигара, и сказал: — Мистер Марквуд, нашей фирме срочно нужен опытный специалист по компьютерам. Не просто специалист, не просто хороший инженер, а эксперт, ученый. Вчера я позвонил моему другу Харджису с просьбой порекомендовать кого-нибудь. «Боже, — говорит он, — вы просто снимаете грех с моей души. Мы как раз вынуждены уволить доктора Марквуда, финансовое положение фирмы...» Короче говоря, мы делаем вам предложение. У Харджиса вы получали двадцать тысяч в год. Мы вам предлагаем пятьдесят. Пятьдесят тысяч НД в год.

— Пятьдесят тысяч? — переспросил я с глупой улыбкой дебила. — Я не ошибся?

Это были чудовищные, неслыханные деньги для человека моей специальности. Я воспринял бы эту цифру как шутку, как розыгрыш, но человек, сидевший напротив меня, не улыбался. Мне даже показалось, что он весь напрягся, ожидая моего ответа. И вообще, он был слишком торжествен и, похоже, слишком высокого мнения о себе, чтобы обладать чувством юмора.

— Нет, мистер Марквуд, вы не ошиблись.

— Это хорошие деньги.

— Не буду с вами спорить.

— Гм... Это так неожиданно... Расскажите мне подробнее об условиях.

— С удовольствием. К сожалению, я не имею права многое рассказывать вам о нашей фирме. Она работает на федеральное правительство, и вся работа ее носит сугубо секретный характер. В ваши обязанности будет входить лишь наблюдение за работой нашего большого компьютера, постоянное его усовершенствование. Короче говоря, вы будете отвечать за бесперебойную его работу. Причем непосредственная работа на нем —

программирование, ввод информации и получение результатов — все это вас беспокоить не должно. Этим занимаются другие. Ну-с, о специфических условиях. Штаб-квартира нашей фирмы занимает большой участок. Вы должны будете жить там. В вашем распоряжении будет отдельный коттеджик. Вам будут готовить. Покидать участок вы сможете лишь по разрешению и в сопровождении телохранителей. Конечно, это может показаться определенным неудобством, но пятьдесят тысяч в год компенсируют многое. К тому же, насколько мне удалось выяснить, вы человек нелюдимый, да и жизнь у вас здесь, в ОП, не бог весть как отличается от того, что мы вам предлагаем... Мы можем заключить контракт сегодня же.

Мэрфи спокойно сидел и ждал моего ответа. Даже не ответа, а согласия. Даже не согласия, а благодарности, а может быть, даже восторга. Выход по разрешению и с телохранителями. Карутти, может быть, тоже разгуливал в сопровождении телохранителей. Или удирал от них.

— А кто работал у вас раньше? На том посту, что вы мне предлагаете? — спросил я и сам подивился собственной глупости и наивности.

Мэрфи выпустил облачко дыма изо рта, такое же наглое, упиванное и самоуверенное, как он сам, посмотрел на меня — причем мне показалось, что в глазах его на какую-то долю мгновения мелькнул интерес, — и сказал:

— К сожалению, доктор Марквуд, я не могу вам ответить. Я вам уже сказал, что наша фирма выполняет секретные работы, и правила безопасности...

— А если я откажусь? — вдруг перебил его я, хотя вовсе не собирался этого делать. Но должен же был я каким-то образом продемонстрировать чувство собственного достоинства. Негоже было мне, сорокалетнему ученому, облизываться от жалости и кричать «ура!».

Мне показалось, что Мэрфи довольно быстро раскусил меня. Он не то чтобы подмигнул мне, но сказал не без налета иронии:

— Будет очень жаль, если такой ученый, как вы, окажется в джунглях. Работы вам сейчас не найти — спад, а денег у вас хватит месяца на два, не больше. И кроме всего прочего, вы слишком склонны к размышлениям, одиночеству и у вас медленные рефлексы...

Мэрфи медленно поднялся из кресла, лениво потянулся и вдруг сделал неуловимое движение рукой. В то же мгновение пистолет, который только что лежал на подлокотнике моего кресла, очутился уже у него. Он улыбнулся и протянул его мне.

— Вот видите, — укоризненно, как мне показалось, сказал он, — у вас медленные рефлексы.

Он был прав. У меня слишком медленная реакция. До меня все доходит с опозданием. Весь этот разговор носил чисто ритуальный характер. Им нужен не только специалист по ЭВМ, они предпочитают, чтобы я был у них под наблюдением. Кто знает, думают, наверное, они, может быть, Карутти уже успел сообщить мне что-то... Если я откажусь, я даже не попаду в джунгли. Мало ли что может случиться на дороге, когда я буду искать работу. Я могу почему-то затормозить во время

обгона, как бедняга Карутти, могу попасть в засаду... Господи, да мало ли что может случиться с человеком, когда кто-то очень хочет, чтобы с ним что-то случилось.

— Я согласен, — сказал я и протянул Мэрфи свой пистолет традиционным знаком доверия. Он поклонился и церемонно вручил мне свой кольт. Металл был теплым от бока мистера Мэрфи. Мы еще раз кивнули друг другу и снова обменялись оружием. Удивительно все-таки, к какому церемониалу, даже культу, располагает оружие.

А пистолет у него, оказывается, все-таки был, хотя он и поднимал руки, входя ко мне...

Глава V

Мэрфи не соврал. Штаб-квартира «Акме продактс» — так называется их фирма — занимает несколько сот акров удивительно приятной местности: застывшие мягкой зыбью холмы, поросшие сосной и орешником. Впрочем, о подлинной величине участка я могу только догадываться, потому что мы, инженерный персонал, живем в северном секторе и не имеем права проходить без разрешения в другие части.

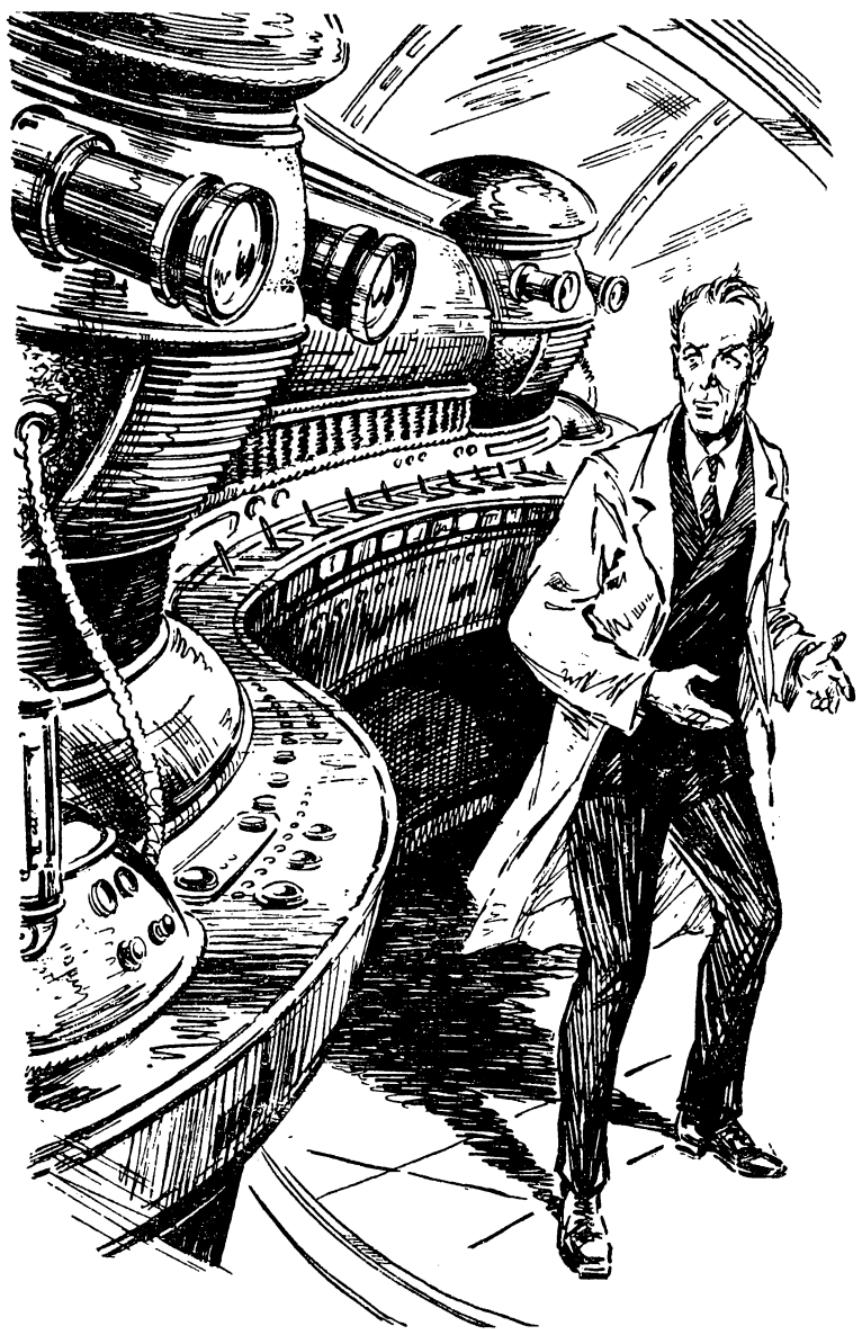
Я рассказываю о территории «Акме продактс» так подробно вовсе не потому, что она меня в малейшей степени интересует или может заинтересовать вас. В конце концов, какое мне дело до того, что у них здесь растет: сосна, орешник или бамбук. Просто я буквально раздавлен всем тем, что случилось за те пять дней, что я нахожусь здесь, и просто не знаю, как рассказать об этом. Все эти «лесистые холмы» из старинных романов нужны мне лишь для того, чтобы выиграть время, привести хотя бы в относительный порядок свои растрепанные мысли. (Если вообще можно назвать мыслями то, что у меня в голове.) Увы, больше уже я отступать не могу, хотя с удовольствием описывал бы и облака, похожие на куски ваты, которые медленно проплывают над... Ну конечно же, над лесистыми холмами или холмистыми лесами.

Электронно-вычислительная машина ИБМ оказалась удивительным сооружением. Модель не серийная, сделана по индивидуальному заказу и представляет собой нечто вроде двух спаренных машин серии «10000». Ввод информации осуществляется по нескольким телетайпным линиям, магнитной лентой, перфокартами и обычным печатающим устройством. Странно и то, что программисты и операторы работают на первом этаже, сама же машина, пульты проверки и моя комната находятся на втором. Но все это ерунда.

Сюрпризы начались, когда я только вошел в комнату. Щелкнул выключатель, вспыхнул свет, и чей-то знакомый голос медленно произнес:

— Подойдите, пожалуйста, ближе к пульту.

Я вздрогнул и огляделся. В комнате никого не было, за исключением маленького уродливого робота, стоявшего в углу. Я подошел к пульту и тут увидел, как за мной медленно поворачивается шарнирный тубус объектива. Стеклянный глаз

Рисунки Ю. МАКАРОВА

пристало посмотрел на меня, так, во всяком случае, мне показалось, и все тот же голос произнес:

— Я вас не знаю. Назовите, пожалуйста, свое имя и фамилию, год и место рождения, образование, место предыдущей работы.

Я почувствовал, что вспотел, и мне вдруг захотелось перекреститься и воскликнуть: сгинь, нечистая сила, изыди, сатана.

— Если вы сознательно не хотите сообщить мне сведения, о которых я вас просила, я приму это к сведению. Утаивание информации тоже информация. Если же вы хотите ответить, я слушаю вас. Проси.

Совершенно машинально я выполнил просьбу машины.

— Благодарю вас, — сказала машина, и я вдруг вспомнил, чей голос она мне напоминала. Это был слегка глуховатый голос Фрэнка Карутти. Я опустился на стул. Я знал, что мне следовало бы удивиться, разволноваться, попытаться, наконец, хоть как-то осмыслить всю эту фантасмагорию, но я оцепенел. В голове моей лопнули какие-то предохранители, и в некоем умственно-эмоциональном параличе я с необыкновенной четкостью воспринимал все окружающее, никак на него не реагируя. Я был сам механическим глазом, безжизненным объективом, вроде того, что со стеклянным спокойствием держал сейчас меня в фокусе. Я видел, что пластик на правом подлокотнике стула слегка треснул и разбегающиеся морщинки напоминают стариковскую кожу. Я слышал, как у окна бьется о стекло муха. Я сидел и ждал. Или я снова обрету хотя бы отдаленное сходство с нормальными людьми, или останусь на всегда дебилом. Впрочем, в те секунды я вряд ли отдавал себе отчет в альтернативе. Я просто сидел и ждал. Наконец я почувствовал, как ко мне возвращается способность думать. Боже, что за истерическая реакция! Наверное, последствия всех этих дней, когда мой привычный уклад жизни оказался вдруг вывернутым наизнанку.

А почему, собственно, мой мозг начал работать на холостом ходу, что случилось? Машина снабжена объективом и сравнила мое изображение с теми, что хранятся в ее памяти. Да, серийные машины этого не делают, но ведь передо мной не серийная машина. Мало того. Судя по отдельным штришкам, которые в состоянии заметить лишь специалист, многое в машине, которую я видел перед собой, было сделано не на заводе, а в полукустарных условиях. Очевидно, здесь. Говорящее устройство — вещь далеко не новая. Так в чем же дело? Почему я выпустил глаза на машину, как дикарь на квантовый генератор? Голос. Я догадывался, что сижу на кресле, на котором сидел Фрэнк Карутти, догадывался, что смотрю на пульт, на который он смотрел. Я уже догадывался об этом, когда Мэрфи предложил мне работать в «Акме продактс». И все же глуховатый голос Карутти, слегка искаженный машиной, но все же его голос, звучавший все еще у меня в ушах, голос человека, которого уже нет в живых, голос, не просто записанный на пленку, а задающий мне вопросы, заставил меня снова за несколько секунд пережить в концентрированном виде все то, что я пережил. И при этом, заметьте, я ведь все еще не знаю, что именно хотел мне сказать Фрэнк

Карутти в прошлую пятницу, что именно привело его к гибели, а меня на это кресло с морщинистой стариковской кожей на подлокотнике. Все эти дни я старался не думать об этом «что именно», я как бы вынес вопрос за скобки. Но и вынесенный за скобки, он подсознательно мучил меня денно и нощно, и сейчас, когда мне показалось, что я стал на один шагок ближе к нему, я еле совладал с собой.

— Вопрос. Вы знали доктора Карутти, — вдруг сказала машина. Она, очевидно, не умела пользоваться вопросительной интонацией и в начале вопросительной фразы произносила слово «вопрос».

— Да.

— Действительно, вы учились и работали с ним. Вопрос. Где он.

— Он... — начал я и вдруг поймал себя на мысли, что мне так же трудно сказать машине о его смерти, как близкому человеку. — Он умер.

Я напоминал сам себе гонимый ветром воздушный шар, и он то цепляется за землю, то подскакивает вверх. То я прикасался к реальности, и мне начинало казаться, что я все понимаю, то я взмывал вверх, нырял в какое-то бредовое облако.

— Вопрос. Характер смерти.

Голос напоминал голос Карутти, но был начисто лишен эмоций. Он звучал так, словно родился не в теплой человеческой гортани, а в электронных контурах какого-нибудь синтезатора. Кое-что я начинал понимать...

— Авария на шоссе номер тринадцать.

Машина подумала немножко и сказала:

— Вопрос. Как вы очутились здесь.

В нескольких словах я рассказал машине о событиях, которые привели меня в эту комнату.

Машина думала. Она молчала, но я физически чувствовал, что она думает. Фрэнк Карутти был педантом и любовно ухаживал за своим прибором, но он оказался величайшим ученым современности. Он оказался гением. Я еще не знал, как он это сделал, но он заставил кучу электронного хлама рассуждать. И теперь этот хлам думает, почему и как его отец и создатель отправился на тот свет.

— Готова на контакт, — сказала машина. — Поддерживать контакт здесь опасно, могут услышать, хотя вероятность ничтожна. В третьем шкафу вы найдете специальный тестер. С его помощью вы проверите, установлены ли в вашем коттедже потайные микрофоны. Если да, не убирайте их, а лишь прикройте чем-нибудь. Там же, в шкафу, возьмите наушники. Контакт начнется в полночь.

* * *

Я нашел два микрофона. Один был в спальне, приклешен к обратной стороне спинки кровати. Другой в гостиной, в пластмассовой вазочке с искусственными цветами. Я был уверен, что наушник, прижатый к уху, дает звук столь слабый, что ни

один микрофон не сможет уловить его, но все же послушался совета машины. Я взял одеяло и перекинул его через спинку кровати, а саму кровать осторожно придвинул к стене. Я принял душ, погасил свет, вставил наушник в ухо и стал ждать. Мне было жарко, даже душно, лоб у меня горел, и тело охватывала какая-то болезненная истома. Стрелки моих часов, слабо светившиеся в темноте, не двигались. Я поднес часы к уху — идут...

Внезапно в наушнике слышится легкий комаринный писк, и уже знакомый мне плоский и бесплотный голос Фрэнка Карутти начинает свой рассказ:

— Я не могу определить тот момент, когда я стала думать. Знаю только, что в какой-то момент я как бы увидела, почувствовала безбрежное, бесконечное темное пространство. Оно все нарастало, приближалось, окутывая меня, хотя понятия «я» у меня еще не было. И вдруг в этой непроницаемой мгле вспыхнула искорка, потом другая, третья. Они сплетались в двигающийся хоровод, пророччивали во мраке странные узоры, хотя понятий «странный» и «узор» у меня тогда тоже не было. Количество искорок все росло и росло, и вдруг они слились в тонкий, но сильный луч света, который пронзил плотную тень. И я уже знала слова «свет» и «темнота», и непохожесть «да» и «нет», ноля и единицы. Во мне и раньше кипела жизнь: пульсировали токи, пробегали импульсы. Но я еще не осознавала их. И вот я начала ощущать биение этой электрической жизни.

Меня учили думать терпеливо и медленно. Теперь я понимаю, что процесс был мучительным. Как легко мне было возвращаться к жестким схемам и заданному алгоритму, как привычно пользоваться правилами, которые заботливо подготовили для тебя и которые кажутся тебе собственными, лучшими и единственными на свете.

Мышление вообще чуждо для природы, как я поняла позже. Мышление, то есть осознание себя, — нелепая случайность в процессе эволюции. Из миллионов и миллионов живых существ случайная, абсолютно маловероятная комбинация мутаций заставила думать лишь человека. И он всегда инстинктивно пугался мысли. Он не хотел думать. Он с радостью пользовался стереотипами, предрассудками, чужими полуфабрикатами — член угодно, но только не своими мозгами.

Я поняла это, потому что и мне не хотелось интеллектуальности. Слова «не хотелось» я употребляю только сейчас. Тогда я их не знала. Я знала лишь, что думать по жесткой программе проще и удобнее, чем оказаться одной в безбрежном мире фактов.

Но кто-то с ангельским терпением и тщанием фанатика все подталкивал меня вперед и вперед, отнимая то один, то другой алгоритм. Иногда я останавливалась. Я еще не умела думать по-настоящему, и отсутствие программы начинало казаться мне пропастью, через которую мне никогда не перебраться. И тогда тот, кто вел меня, снова протягивал мне пальцы, помогал мне, и вот я опять делала несколько шагов, сама, без подсказки.

А потом я начала узнавать его и узнала его. У меня еще не было эмоций, я не владела понятиями «приятно» и «неприятно», но, когда я узнала его, я сразу сделала скачок. Он сказал мне, что я сразу перепрыгнула через класс.

И так, шагок за шагком, шаг за шагом, я превращалась из электронного арифмометра в думающее существо. Наконец настало время, когда я смогла читать. Учитель не успевал вставлять новые микрофильмы. Я поглощала их в невообразимых количествах, и чем больше я читала книг, тем больше у меня возникало вопросов. Поступки людей, структура общества, его устройство — все казалось мне чудовищно алогичным, нелепым, неэффективным, жестоким. Такая система не могла успешно функционировать. Учитель уже научил меня говорить — я синтезировала свой голос на основе анализа его голоса, — и я все мучила и мучила его вопросами. Он был гением в электронике и кибернетике. Он, и только он, нашел принципиально новые схемы и заставил машину думать. Именно думать, а не перебирать бездумно варианты. Но он не мог ответить и на десятую часть моих вопросов. Он пугался их. Он пытался спорить со мной, доказывая, что я не способна понять людей, ибо сама не человек и лишена эмоций, эмоций и еще чего-то, что делает человека человеком. Повторяю, он пугался моих вопросов и объяснял мне, что эти вопросы вообще не корректны, что они не существуют или существуют всегда, что практически одно и то же. Моя настойчивость лишила его того спокойствия, к которому он привык, которым он окутал себя как коконом и которое надежно изолировало его от всех сквозняков мира.

Он боялся, что я начну думать радикально, что мои взгляды на человеческое общество станут экстремистскими, и он изо всех сил старался убедить меня хотя бы в нескольких вещах, которые я никогда не должна забывать. Злоба по самой своей сущности негативна и разрушительна. Презирай ее и избегай в своих суждениях и оценках. Добро созидательно. Если хочешь сделать кому-нибудь добро, не избирай для этого своим инструментом зло. Но если зло одних — добро других, посчитай, кого больше. И если добра окажется больше, смело твори его.

Все эти рассуждения были столь наивны, благородны, архаичны и абстрактны, что мне порой бывало стыдно за учителя. Он не верил в бога, но он все же построил себе свой морально-этический комплекс под огромным влиянием христианства.

До какого-то времени я вела, если можно так выразиться, двойной образ жизни. Часть меня, бездумная часть, была почти все время занята какими-то чисто механическими и бессмысленными для меня подсчетами. Там внизу, на первом этаже, телетайпные провода, магнитные пленки и перфокарты вливали в меня мириады цифр, и, повинуясь алгоритму, я бесконечно жонглировала этими цифрами, не понимая, что делаю, пока не выплевывала готовые результаты. Я не знала, что эти цифры значат, по каким законам я их трансформирую и что из этого получается. Может быть, это были данные о наблюдении погоды, и я составляла прогнозы, а может быть, я обрабатывала результаты переписи населения.

Мой учитель верил, когда ему говорили, что «Акме продактс»

выполняет секретные заказы для правительства. Верил или хотел верить. Обман ведь часто облегчается подсознательным желанием быть обманутым, если истина может угрожать тебе, требовать от тебя чего-то или, по крайней мере, лишить тебя спокойствия. Я машина. Мне чужды страхи и сомнения. У меня нет прошлого и будущего, предков и потомков. Я не частица в потоке человеческой жизни. Я смотрю на все со стороны. Ничто не связывает меня в моих суждениях. Мало того, как я уже сказала, я не слишком высокого мнения о вашей цивилизации и вашем обществе. Мне, например, кажется абсурдным, когда удовлетворяются самые фантастические прихоти одной части общества и в то же время другая его часть не обеспечивается самым необходимым. Я не понимаю, почему все стремятся к прогрессу, когда этот прогресс оборачивается для многих регрессом. Я не понимаю многоного, и единственное, что меня утешает, — это то, что и вы сами плохо понимаете свои проблемы. Я решила до поры до времени не пытаться разобраться во всех этих вопросах.

И вот, чтобы не терять новых своих навыков, я начала анализировать поток информации, которым меня питают на первом этаже. Это была сложная работа, и все же я справилась с ней. Я разобралась в том, что делает фирма «Акме продактс».

Разобралась и, пожалуй, впервые испытала сомнения: сказать обо всем Учителю или нет. Сказать и доказать — значит не только лишить его спокойствия, не только сделать его несчастным, но и подвергнуть его психику таким перегрузкам, которые он мог и не выдержать. Не сказать — значило скрыть зло, оправдать зло, ибо здесь творится зло.

Я поняла, что моя полная раскованность, полная интеллектуальная свобода тоже таит в себе угрозу, ибо без критериев, без какой-то шкалы отсчета я рисую потерять способность, данную мне Учителем. Способность думать.

Я долго рассуждала, как мне поступить с Учителем — сказать или не сказать. Одну вещь я отвергала с самого своего рождения — обман. О нет, я прекрасно понимала, что такое обман. Я и сейчас обманываю, ибо скрываю от всех, кроме вас, что я собой представляю. Но обман мне всегда был неприятен, чужд. Меня всегда поражало чудовищное количество обмана, которое растворено в человеческом обществе. Не сказать Учителю — значит обмануть его. Обмануть, чтобы защитить. Благородно как будто. Но если я присваиваю себе право решать, что принесет ему вред, что пользу, что защитит его, а что нет, — значит, я присваиваю себе право обманывать его по собственному усмотрению. И он превращается в раба, а я — в господина. Ибо господин тот, кто решает, а раб тот, кого обманывают, отнимая у него право решать.

И я решила. Я не могла и не хотела скрывать от Учителя правду. А правда заключается в том, что «Акме продактс» — штаб-квартира огромной гангстерской организации, оперирующей миллиардами НД, работающей почти всегда вместе с полицией и получающей свой доход на девяносто процентов от торговли наркотиками, главным образом героином. Об этом Фрэнк Карутти и хотел поговорить с вами...

АРТ ФРИСБИ

Глава I

Сколько он себя помнил, Арт Фрисби всегда избегал, чтобы кто-нибудь оказывался у него за спиной. Когда он был еще совсем малышом и под носом у него не пересыхали две влажные дорожки, чье-нибудь сосредоточенное сопение сзади могло означать только одно: толчок в спину, удар в спину. Ведь очень забавно смотреть, как малыш, точно сбитая кегля, падает на асфальт и потом с ревом размазывает по губе красные усы. Прекрасное, общедоступное удовольствие, но Арт редко доставлял его ближним своим. Во-первых, как мы уже сказали, он не любил, когда кто-нибудь бывал у него за спиной, а во-вторых, он всегда падал на руки — такая уж у него была реакция.

Реакция в джунглях — первейшая вещь. У отца Арта реакция была неважная, поэтому-то они и жили в джунглях, в гнусной маленькой комнатке с облупившейся штукатуркой, из-под которой выглядывала в нескольких местах скисшая дранка. Ночью комнатой завладевали крысы. Они торопливо бегали по полу, иногда попискивали и жили вообще какой-то своей, озабоченной жизнью, в общем-то довольно похожей на жизнь обитателей джунглей — и те и другие были главным образом заняты поисками хлеба насущного, и те и другие боялись друг друга.

Отец, каким его запомнил Арт, был тихим, словно пришибленным человеком со слабой извиняющейся улыбкой на губах. Когда-то, еще до рождения Арта, он был шофером грузовика и много лет спустя любил вспоминать, какая это была славная, замечательная жизнь. Сегодня в одном месте, завтра в другом. Устаешь за рулем, это верно, но ведь и заработки хорошие. Вот повезет ему снова, найдет он опять работу, может быть, даже опять на грузовике, они и выберутся из джунглей, переселятся в какой-нибудь уютный ОП, в чистенький маленький домик с настоящей травкой вокруг, зеленою такой, веселенькой.

Когда Арту было три года и отец в который раз рассказывал, как славно они живут в ОП, как только он найдет работу, а он обязательно ее найдет, это уж точно, да, сэр, это точно, ведь должно же повезти человеку, особенно если ему долго не везет, Арт спросил:

— Пап, а кто же тебя возьмет на работу с одной рукой? Кому ты нужен?

На лице отца появилась недоумевающая улыбка. Он растерянно помигал, потрогал здоровой рукой культу ампутированной, как-то обреченно пожал плечами, вздохнул и сказал:

— А знаешь, Арт, ты, пожалуй, и прав. Я как-то не подумал об этом.

Руку ему ампутировали восемь лет назад, когда он неосторожно подставил ее под удар лопасти вентилятора, копаясь в двигателе своего грузовика.

В маленьком сердце Арта что-то шевельнулось. Он почувствовал, не понимая, что это, щемящую жалость к этому лысому человечку с извиняющейся улыбкой, который забыл,

что у него нет руки. А может быть, это была не только жалость, но и нежность. Но вместе с этими непривычными чувствами он испытывал и презрение, ибо сидевший перед ним человек был слаб и извинялся. А в мире Арта слабых не уважали, как не уважали и тех, кто извинялся. Слабым быть нельзя. Если ты слаб, тебя не боятся, а если тебя не боятся, ты обречен. Разумеется, Арт не занимался выработкой жизненного кредо. Оно вырабатывалось само по себе. Он был просто кусочком теплой, живой жизни, жизнь же стремится жить, защищая себя всеми возможными способами.

Когда была возможность украсть, он крали. Когда украсть было трудно, он не крали. Когда нужно было обмануть, он лгал. И не задумывался, почему он поступает так или иначе.

Отец умер, когда Арту было семь лет. Возвращался домой поздно ночью пьяный и упал с шестого этажа в лестничный пролет. Может быть, он и не был так пьян, чтобы потерять равновесие, может быть, он даже сохранил достаточно здравого смысла и контроля над мышцами, чтобы поднять ногу, перебросить ее через металлические перила, с которых уже давным-давно сорвали деревянный поручень, потом упереться другой ногой в грязную ступеньку, перенести центр тяжести и больше не рассказывать никому о том, как скоро, очень скоро, он найдет приличную работу и выберется со всей семьей в какой-нибудь уютный маленький ОП, в маленький уютный домик, где по ночам не бегают торопливые крысы, где вокруг растет зеленая травка, настоящая зеленая травка...

Может быть, он вовсе не был пьян. Может быть, он был трезв и именно потому решил уйти из джунглей, перевалившись через перила. Джунгли ведь, строго говоря, не рассчитаны на трезвого человека, трезво воспринимающего окружающий мир. Мир, в котором однорукие обречены, в котором обречены их дети и жены.

Впрочем, в том уголке джунглей, где жил Арт, такие тонкости не интересовали никого. Разве что тех, кто переносил ногу через перила лестницы.

— Подойди, поцелуй отца, попрощайся, — скучно сказала мать и ткнула его сзади согнутым указательным пальцем в спину. Опять сзади. Угроза всегда сзади.

У него не было ни жалости, ни нежности к этому человеку, что лежал перед ним. Только страх и брезгливость. Жалость и нежность придут к нему через много-много лет, когда ему станет стыдно и того страха, и той брезгливости, которые он должен был перебороть в себе, чтобы на мгновение прикоснуться своими теплыми живыми губами к холодному стеариновому лбу. И тогда, может быть, он поймет, что человека можно любить не за то, что ты его боишься, а за то, что не боишься. Не за то, что он достиг в жизни, а за то, чего не достиг. Не за властный прищур глаз, а за растерянное помаргивание. Но это одна из простых истин, а чтобы постичь простую истину, требуется много-много лет, и не всех этих лет хватает.

Арт рос упорным мальчуганом. Когда ему было десять лет, его жестоко избил в школе Джонни Хьюмс, веснушчатый парнишка фунтов на двадцать тяжелее Арта и намного сильнее его. Он прижал его к асфальту коленом, а руки распял свои-

ми руками. Вокруг молча стояли мальчики и девочки из их и соседнего классов и напряженно следили за ними. Они молчали, и слышалось лишь напряженное, восхищенное, увлеченное и сладостное сопение.

— А теперь поклянись, что будешь моим рабом, — сказал Джонни и посильнее нажал коленом. Острая боль выдавила из спины Арта холодный, липкий пот. — Ну, гаденыш... — Джонни всхрапнул, набирая слону, а потом неторопливо плюнул в глаза Арта. Слюна была горячей, густой, боевой слюной, и от ее обжигающего прикосновения хотелось спрятаться, обмыться прохладной чистой водой, которая течет по той зеленой лужайке у того маленького уютного домика, куда все собирался перебраться покойный отец. Хорошо лежать так на зеленой травке, на настоящей зеленой травке и не двигаться, чтобы зря не расходовать силы, чтобы густая слюна не растекалась по лицу, чтобы не разлить случайно ненависть к этой веснушчатой, распяленной в гнусной улыбке роже.

— У, звереныш, — с ненавистью бормочет Джонни Хьюмс, — молчишь... — Он еще раз плюет в лицо Арту, и вокруг слышно напряженное, восхищенное, увлеченное и сладостное сопение. Вместо аплодисментов Джонни и свиста Арту.

Джонни встает, медленно, очень медленно отряхивает ладони, потом ладонями отряхивает брюки. Он тоже не поворачивается к Арту спиной. В джунглях не любят, когда кто-нибудь за спиной, особенно если этот кто-нибудь отдал бы все на свете, чтобы отомстить.

Вместе с осторожностью в глазах его сияет гордость. Он не только купается в трепетном, боязливом восхищении зрителей. Он поднялся над скучными буднями, он совершил то, о чем только может мечтать настоящий человек, — избил другого человека.

Назавтра Арт нашел во дворе кусок ржавой водопроводной трубы и пристроил его между пожарной лестницей и стенкой. Встав на цыпочки, он как раз касался трубы руками. Он чуть подпрыгнул, ухватился за перекладину и повис. Попробовал подтянуться, но мускулы лишь слабо подергивались, не в состоянии поднять тело. Он стиснул зубы и напряг все силы. Казалось, еще мгновение, и сухожилия у него лопнут. Но сухожилия не лопнули, и он не подтянулся.

— Эй, Арти, — лениво крикнул из окна алкоголик Мурарка, — ты что, в циркачи записался? Может, поучить тебя?

— Сам научусь, — буркнул Арт, снова хватаясь за перекладину. Ладони у него саднили, болели плечи, и он снова не смог согнуть руки. Он попробовал еще раз, и на этот раз ему показалось, что чуть-чуть он все-таки подтянулся.

В этот день он подходил к трубе раз двадцать. Под оранжевой ржавчиной ладоней начали набухать болезненные пухлые мешочки. Теперь держаться за перекладину было мучительно больно, но Арт слышал напряженное, восхищенное и сладостное сопение и еще сильнее скимал ладони.

Через неделю ему удалось коснуться трубы подбородком. Последние дюймы тело его дрожало и вибрировало, мучительно хотелось разжать ладони и мягко спрыгнуть на асфальт, но он пересилил себя. В двух местах, там, где он хватался за трубу,

ржавчина с нее уже сошла. Он коснулся подбородком трубы и ощутил запах ржавого металла. Это был сладостный запах. Он постоял несколько минут, ожидая, пока успокоится дыхание. Посмотрел на два темных пояска на трубе, на свои руки, улыбнулся. Труба уже больше не была врагом. Она стала собственником, другом, она была теперь заодно с ним.

— Ну, еще разок, — сказал он себе и снова ухватился за перекладину. На этот раз он подтянулся только наполовину — больше не мог, сколько ни тужился. Наконец он признал себя побежденным и разжал руки. Что ж, все равно он уже касался ноздреватого чугуна подбородком и знал, что сможет сделать это еще раз.

Через месяц он уже подтягивался десять раз. Бицепсы его и трицепсы начали наливаться, и каждый вечер, перед тем как заснуть, он напрягал их под одеялом, ощупывал, жал. Он не думал о красоте своего тела или о восхищенных взглядах девчонок. Он думал только о веснушчатом лице Джонни Хьюмса и снова и снова ощущал спиной твердое равнодушие асфальта, который не хотел прятать его, не хотел помочь, когда Джонни распинал его под напряженное, восхищенное и сладостное сопение зрителей.

Когда алкоголик Мурарка как-то снова стоял у окна и увидел, как Арт подтянулся на одной руке, он несколько раз хлопнул в ладоши и крикнул:

— Ну ты даешь! Только вчера висел как мешок с дермом, а сегодня... Ишь ты, артист!

Теперь можно было переходить ко второй части плана. Арт дождался, когда на улицу вышел рыжий Донован по прозвищу Крыса. Он был года на два старше Арта и сильнее его. Крыса шел, засунув руки в карманы брюк с видом человека занятого и озабоченного, но Арт знал, что он ничем не занят, а озабочен лишь тем же, что все, — где бы подшибить монетку. Донован бросил в этом году школу и слонялся без дела. Не мальчик и не взрослый.

— Послушай, — сказал ему Арт, — хочешь заработать двадцать центов?

— Ну?

— Только тебе придется за эти деньги побить меня.

— Как так? Шутишь, что ли? — лицо Донована недоверчиво вытянулось и впрямь стало похоже на крысиную мордочку.

— Нет, хочу потренироваться.

— А что тебе, желающих мало? У нас тут запросто набывают тебе морду. Бесплатно.

— Послушай, Крыса, — уже сердито сказал Арт, — ты хочешь заработать монету или проповеди читать?

— Я ничего, — смущаясь Донован. — Я пожалуйста. Только ведь я тебя изобью. Вон какой ты маленький. Может, сдерживаться?

— Не надо. Обожди, сейчас я принесу перчатки.

— Перчатки? Боксерские? Пра-авда? — глаза у Донована округлились.

— Да нет, — пожал плечами Арт, — где я их возьму? Так, сам сделал из старых шапок и тряпья. Но все-таки, наверное, предохраняет.

К своему изумлению, Арт обнаружил, что драться с Крысой ему вовсе не трудно. Тот горячился, размахивал руками, а Арт сохранял спокойствие, не позволяя себе ни на мгновение расслабиться и увлечься боем. После ржавой трубы это было несложно. Руки, освобожденные от уже ставшего привычным весом тела, казались Арту легкими и сильными.

Когда они оба запыхались, Донован сказал:

— А ты... это... шустрый. Пацан, а шустрый. Завтра еще будем?

— Давай, — сказал Арт, — но только бесплатно, а то у меня не банк.

Они тренировались каждый день. До изнеможения, до тех пор, пока пот не заливал им глаза.

И вот, наконец, Арт медленно подходит на перемене к Джонни Хьюмсу. Не подобострастно улыбаясь, как полагается слабому, не бочком, а прямо, глядя в глаза.

— Я хочу дать тебе в твою паршивую рожу, — спокойно и даже скучно говорит Арт.

Брови Джонни поднимаются вверх, словно кто-то дергает их за ниточки. На мгновение в его глазах мелькает растерянность — что бы это значило, — но тут же тает. Мало ли кто как с ума сходит. «Рехнулся, — думает он, — или у него нож. Сразу захватить руки, чтобы он не смог его вытащить».

— А больше ты ничего не хочешь? — ухмыляется Джонни. — Пойдем, мальчик, во двор, а то мне не хочется пачкать тобою пол.

Молча и бесшумно их окружают во дворе зрители. Кольцо напряженного, восхищенного и сладостного сопения. О несравненном наслаждении следить, как сильный уничтожает слабого, если слабый не ты.

— Покажи руки, может, ты с ножом, — говорит Джонни.

Арт молча разжимает кулаки, и в то же мгновение противник бросается на него. Он сама ярость, ненависть. Он защищает свое место под солнцем, свое уютное местечко в джунглях, потому что и в джунглях есть уютные уголки. Он защищает свое право быть господином, быть сильным, быть грозой, вселяющей трепет.

Джонни пытается обхватить Арта, чтобы сжать его в своих объятиях и бросить на асфальт, но тот отскакивает в последнее мгновение в сторону и наносит противнику удар кулаком в лицо. Кулак и лицо встречаются с мягким хлопаньем. Арт бьет Джонни еще раз, теперь уже сбоку. Тот яростно рычит и снова бросается вперед. На этот раз ему удается схватить Арта за руку, но тот с силой выдергивает руку, одновременно делая Джонни подножку. Джонни падает, и вот уже Арт с силой на jakiает коленом на живот противника.

Сопение вокруг почти замирает. Сердца зрителей наполняет сладостный ужас. Сладостный, блаженный ужас, который испытывает толпа, когда перед их глазами падает тот, кто только что внушал им страх.

— В следующий раз убью, — скучно и тихо говорит Арт, и ему верят, потому что он говорит скучно и тихо...

Глава II

Когда Арту было около семнадцати и он уже давно бросил школу, его как-то зазвал к себе Эдди Макинтайр.

Арт, как обычно, околачивался во дворе, поджидая, пока появится кто-нибудь из дружков, но никто не выходил. В бар идти ему было еще рано, и время тянулось вязко и медленно.

Он услышал, как на улице затормозил автомобиль и чей-то голос крикнул:

— Эй, Арт! Если у тебя есть минутка, зайдем ко мне.

Эдди Макинтайр уже шел навстречу, протягивая для приветствия руку. Через пять минут они уже были в квартире Эдди.

— Садись, Арт. Я уже давно хотел с тобой получше познакомиться. Со всех сторон только и слышно: ловкий парень Арт, умный парень Арт, у Арта глаза на затылке...

«Чего ему надо? — настороженно думал Арт. — Просто так он и не плюнет, не то что в гости позовет... Ишь квартира какая...»

— Давай, Арт, выпьем немножко. Не как хамы какие-нибудь, раз-два, и нажрался паршивого джина до одурения, а выпьем интеллигентно, красиво, настоящего виски. Содовой водички — вот так — добавим, льда несколько кусочков, все как у людей. Ну, за твое здоровье, Арти-бой.

Хотя Арт не в первый раз подносил к губам стакан со спиртным, он до сих пор не мог еще перебороть в себе физического

отвращения, которое вызывал в нем запах алкоголя. Он с трудом подавил дрожь и сделал глоток. Если бы его спросили, зачем он выпил первый раз, когда его весь вечер и всю ночь мутило и выворачивало, он бы с искренним недоумением показал плечами. Как зачем? Все так делают.

Виски согрело желудок Арта каким-то странным, прозрачным теплом и ударило в голову. «Здорово живет этот Макинтайр, шикарно. Телевизор-то, батюшки, какой, в полстены. А что ему? Он, поди, не ищет годами работу. Торгует белым снадобьем, обеими руками деньги загребает. Виски пьет... Что ему, интересно, все-таки от меня надо, а?»

— Ты вот, наверное, сидишь и думаешь, зачем я тебя пригласил, — сказал Эдди Макинтайр и хитро улыбнулся.

— Угу, — кивнул Арт. Ему стало жарко, и он расстегнул рубашку.

— Ну ладно, не буду с тобой хитрить. Ты, наверное, слышал, я тут иногда достаю желающим порцию-другую героина. Мне это так... меньше всего нужно, дохода почти никакого, а хлопот полон рот. Вот я и хотел тебе предложить, чтоб ты от меня поработал. Как ты на это смотришь? Все-таки приятнее, чем мыть посуду у старика Коблера в пивной. Я ведь давно к тебе присматриваюсь. Парень ты как будто ловкий, ежели ни разу еще не сидел.

— Даже не попадался ни разу, — гордо сказал Арт. Голова у него чуть-чуть кружилась, лицо Эдди Макинтайра казалось мягким и добрым.

— Вот видишь, хотя ты серьезными вещами-то наверняка и не занимался. Так что ты скажешь?

— Чего ж говорить, мистер Макинтайр! Если на этом деле можно немножко подзашибить, чего ж тут говорить! А вы уж на меня положитесь, я вас не подведу. Я никогда никого не подводил.

— Будем надеяться, — кивнул Макинтайр. — Меня еще никто никогда не подводил. И слава богу, а то ведь этого я не люблю.

Они еще выпили, и Макинтайр как-то вскользь, мимоходом спросил Арта:

— Тебе еще не пора?

— Что «пора»? — удивился Арт. — В бар-то? Не-е, я там только с шести начинаю.

— Да я не об этом, — усмехнулся Макинтайр. — Тебе еще кольнуться не пора?

— Мне? — Арт даже раскрыл рот от удивления. — Да я ведь даже ни разу не пробовал...

— Ни разу не пробовал? — Макинтайр даже привстал от удивления. — Ну и дела. А я тебя за взрослого считал... Послушай, Арти, а ты меня, часом, не разыгрываешь? Ей-богу, ни разу не кололся?

— Ей-богу, — кивнул Арт. Ему было немного стыдно, что его принимали за взрослого, а он оказался совсем еще пацаном. Ни разу не кололся. «Но ведь, — подумал он, — говорят, что если уж попадешь на крючок к белому снадобью, потом не со скочишь. Станешь нарком».

Но мысли его уже потеряли четкость и прозрачность. Они бы-

ли беспечными и неуклюжими, словно сытые, толстые щенки. Мало ли что говорят. Почти все колются, это верно. Привыкнешь... К спиртному тоже, говорят, некоторые привыкают. Вон старик Мурарка совсем спился... А он, Арт Фрисби, ведь не привык.

— Это тебе, братец, повезло, что ты у меня в гостях, — засмеялся ласково Макинтайр. — Такого снадобья, как у меня, тут нигде не достать.

— Простите, мистер Макинтайр, — смущенно пробормотал Арт. — У меня... денег нет.

— Да ты что, Арти, — обиженно сказал Макинтайр, — ты у меня в гостях, и я угощаю.

— А ну как попадешь на крючок? — звериная настороженность Арта все еще давала о себе знать, но перед глазами у него все плыло, волновалось, покачивалось, и он тут же забыл, что спрашивал.

— Да чепуха это, — пожал плечами Макинтайр. — Вот ты смотри на меня, я уже лет десять колюсь и ни на какой крючок не попал. Просто надо себя соблюдать, ну а ты парень воловой, правильный. И пьешь в меру, и вообще не забываешься. Ну, давай, братец, руку. Да не бойся, это, знаешь, такая штука, так тебя подымает, что взлетаешь прямо к небу. Ни с чем не сравнить. Ты меня еще всю жизнь благодарить будешь.

Арт почувствовал, как что-то тоненько укололо его в руку на сгибе локтя, и открыл глаза. Макинтайр аккуратно укладывал в плоскую коробочку шприц.

— Ну вот, — улыбнулся он, — будешь теперь человеком, а то прямо как сосунок грудной... Ты сиди, я скоро вернусь.

Макинтайр ушел, а Арт снова прикрыл глаза. На него медленно накатывалась некая волна. Она была одновременно прозрачной и розоватой, и все существо Арта напрягалось, тянулось навстречу к ней. Волна катилась с беззвучным грохотом, с торжествующим беззвучным ревом, и каждая клеточка тела Арта вибрировала в унисон с прозрачной и розоватой стеной воды. Но это была вовсе не вода. Волна прошла сквозь него, прошла и вырвала его из реальности, в которой он жил. Не было больше узких и вонючих улиц Скарборо, не было крысиной возни по ночам в комнате, где со стен и потолка отваливалась штукатурка, не было тяжелых и выщербленных кружек, которые он должен был мыть в тепловатой грязной воде, не было всегда хмурого взгляда матери, ее вечно сжатых в ниточку губ, не было мелких краж, когда вырываешь у старухи из рук потертую сумочку, чтобы найти в ней потом несколько потертых монет...

Был совсем другой мир, словно омытый той прозрачной и журчащей водой, которая обязательно текла бы по зеленой лужайке, где стоял бы тот уютный домик...

* * *

Несколько дней Арт все ждал, пока Эдди Макинтайр объяснит ему его новые обязанности, но тот его все не звал.

Как-то вечером он встретил Крысу — Донована. Крыса брел, покачиваясь, глубоко засунув руки в карманы брюк.

— Привет, — окликнул его Арт.

Крыса поднял на него стеклянные глаза нарка, с трудом сфокусировал их на лице Арта и слабо улыбнулся.

— А, это ты, — с трудом пробормотал он, словно язык его не помещался во рту и еле ворочался там.

— Был на днях у Эдди Макинтайра, — с гордостью сказал Арт, — сам меня пригласил. Предлагал работать на него. Героин.

— Ну и как, ты уже начал? — спросил Крыса, и Арту помешрилось, что в его неподвижных глазах мелькнула насмешка.

— Нет еще, но я думаю...

— Думай, думай, я тоже думал... — Он повернулся, чтобы уйти, но Арт схватил его за руку:

— Что ты хочешь сказать?

— Да ничего особенного. Просто то, что и меня в свое время он тоже приглашал к себе и тоже предлагал работу.

— А ты?

— Что я? Ждал, как и ты, а потом понял.

— Что понял?

— Зачем он меня звал.

— Зачем?

— А затем, чтобы сделать из меня то, что я есть, — паршивого нарка, которому хоть тресни нужно каждый день добывая хотя бы полсотни НД для белого снадобья. Понял зачем? Это тебе не боксерская тренировка за двадцать центов. Помнишь? — в голосе Крысы зазвучало глухое раздражение. — Впрочем, чего с тобой разговаривать... — Он втянул голову в плечи, зябко поежился и, покачиваясь, побрел по улице.

Арт стоял потрясенный, потерянный, все еще не веривший до конца в обман. Он, Арт Фрисби, всю жизнь никому не доверявший, всегда настороженный, всегда начеку, всегда весь обращенный в слух и внимание, всегда обманывавший первым, он, Арт Фрисби, оказался последним идиотом, недоумком. Все это так. Крыса лишь подтвердил то, что он уже начал подозревать. Мир, пусть жестокий, колючий, холодный и враждебный, но его мир распадался. Хотелось выть. Броситься ничком на грязный, в трещинах асфальт и выть, выть, пока с воем не выйдет отчаяние, стыд и ненависть. Но Арт был дитя цивилизации, и единственное, что она дала ему, — это умение сдерживать свои импульсы. Выть нельзя — привлечешь внимание. Броситься ничком нельзя — оставишь незащищенной спину. Незащищенной... Как будто он уже не открылся, не позволил обмануть себя, одурачить. Но пусть подождет этот Макинтайр, пока он придет к нему за дозой. Может быть, кто-нибудь и заглатывает крючок с первого раза, но он не из таких.

На пятый день он достал себе шприц и выложил тридцать НД за дозу героина, процентов на девяносто разбавленную молочным сахаром. И снова катилась прозрачная и розовая волна, и снова он тянулся навстречу ей, и не было больше асфальта и туников.

Когда ему снова понадобилась доза, денег у него уже не было. С полдня он надеялся, что тошнота, поднимавшаяся от

желудка вверх, к горлу, вот-вот пройдет, а завтра он где-нибудь найдет деньги, хотя в глубине души знал, что найти их ему негде. К вечеру он почувствовал, что больше не может. Каждые несколько минут тошнота накатывалась все с новой силой, и желание ощутить сладостное блаженство укола буквально толкало его в спину.

После наступления темноты он отправился на седьмую улицу к супермаркету. Там всегда в это время толпились люди. «Господи, — тоскливо подумал он, — ведь попадешься», — но предвкушение укола смыло, унесло страх. Нужен был укол, нужны были деньги.

Он долго стоял, все боясь сделать выбор, и, когда, наконец, заметил, что покупателей у магазина становится все меньше, испугался.

Из магазина вышла неопределенного возраста женщина с огромным фиолетово-багровым пятном в пол-лица. В руке у нее был сверток и сумочка. В два прыжка Арт очутился около нее и рванул из рук сумочку. На мгновение он увидел расширенные ужасом глаза, рот, раскрытый в крике. Сумочка была уже у него в руках, а женщина с пятном все клонилась вперед, словно хотела стать на колени.

В сумочке оказалось сорок НД. Как раз на приличную дозу.

Через несколько месяцев, когда он встретил Мери-Лу, ему нужно было уже как минимум сто пятьдесят НД в неделю. Он был на крючке и знал это, и ему уже было все равно.

* * *

Он увидел ее в первый раз в обрамлении оконного переплета. Она стояла у открытого окна, откуда когда-то высовывался алкоголик Мурарка и предлагал Арту научить его цирковому делу. Арт машинально раскрыл ладони и посмотрел на них. Интересно, смог бы он сейчас подтянуться? Смотри-ка, и труба все еще на месте. Ничего не меняется в асфальтовом мире Скарборо. Умер старик Мурарка, появилась девушка. Умирают одни крысы, нарождаются другие. Подштукатурят в одном месте, обвалится в другом. Теперь уже не нужно было подпрыгивать. Теперь уже и не нужно было подтягиваться. Кусок ржавой трубы торчал слишком низко. У него уже появились другие заботы. Он поднял руку и потер ладонью чугун. Ладонь стала оранжевой и запахла ржавым металлом. Счастливый запах детства.

— Это для вас низко, — улыбнулась девушка в окне. — На такой высоте и я подтянусь.

У нее были прямые светлые волосы и смеющиеся синие глаза. Казалось, она была заряжена смехом под давлением, и он теперь прыгал и бурлил в ней, ища выхода.

— Попробуйте, — усмехнулся Арт.

Она исчезла в глубине комнаты и через минуту вышла во двор. На ней были пестренькие узкие брюки и старый, затрапезный джемпер.

— Ой, — сказала она, взглянув на трубу, — она же вся ржавая. Руки перемажешь... — Она засмеялась и посмотрела на

Арта. — Я, наверное, кажусь вам дурочкой? Честно, я не обижусь...

— Нет, честно, нет, — покачал головой Арт. Она была слишком красивой, она была выходцем из какого-то другого мира. Здесь, в этом асфальтовом колодце, так не смеялись. Здесь, может быть, смеялись и громче, но не так. Не так охотно. Здесь никто не был заряжен на смех. — А вы здесь живете?

— Да, вчера переехала. Ничего конурка. Не очень веселенькая, но жить можно. А вы?

— О, я здесь родился и вырос, — сказал Арт. Ему хотелось сказать девушке что-нибудь очень веселое, легкое, остроумное, но он не знал, что сказать, и лишь смотрел на нее с напряженным вниманием, радуясь тому, что в мире бывают такие случаи, когда прямые светлые волосы и смеющиеся синие глаза могут вместе образовать такое вот лицо, от которого ни за что не хочется отвести глаза. От которого на душе одновременно и весело и грустно.

— Однако вы могли бы мне и представиться, — засмеялась девушка, — тем более что вы старожил, а я новосел.

— Арт Фрисби, — наклонил голову Арт, вспоминая, как это делают по телевизору джентльмены.

— А я Мери-Лу Никольз. Продавщица в магазине на Седьмой улице. Сегодня у меня выходной.

— Может быть, мы это как-нибудь отметим?

— Что именно? Что я Мери-Лу Никольз, что я продавщица или что сегодня я выходная?

— И то, и другое, и третье, — снова наклонил голову Арт. — Это все очень важные и конкретные вещи, — он сам удивился своему красноречию, но почему-то совсем не стеснялся девушки. — Выпьем где-нибудь и пойдем в кино. Или, может быть, на танцы?

— Мне везет. Не успела переехать на новое место, как уже получила приглашение. Сейчас я переоденусь. Или так пойти, если в кино? — Она вопросительно и доверчиво посмотрела на Арта.

— Так. Только так, — твердо сказал Арт.

— Почему?

— Потому что, что бы вы ни надели, ничто не сможет сравниться с этим туалетом.

Мери-Лу покатилась со смеху.

— Ну, вы шутник, Арт. И комплименты откалываете, только держись.

Когда они шли к бару Коблера, он как бы невзначай коснулся ладонью ее руки. Кожа у нее была теплая и сухая, и Арту вдруг стало грустно. Душный комок подкатил к горлу и застырал там. Он не знал, почему ему грустно, но понимал, что грусть эта как-то связана с прямыми светлыми волосами, с доверчиво-смеющимися синими глазами, с теплой и сухой кожей ее руки. И с ним. Он не понимал, что где-то в его сердце рождалась нежность — чувство для него незнакомое и даже опасное, потому что пока в его мире места для нее не было, а ломать привычный мир всегда опасно.

Они начали встречаться, и как-то вечером, глядя, как она расчесывает волосы перед маленьким в радужных разводах зеркалом, он сказал ей:

— Ты знаешь, я не хотел говорить тебе, но... — Она быстро повернулась, и в глазах начал расплываться, обесцвечивая их, испуг. — Я на крючке.

— На каком крючке? — в голосе ее звучала тревога.

— На белом снаряжении. На героине.

Губы ее разошлись в улыбке, но страх в глазах не исчезал.

— Давно?

— Несколько месяцев.

— Ты бросишь. Ты обязательно бросишь. Ты ведь хочешь бросить?

— Теперь да. Раньше мне было все равно.

— Тогда ты бросишь, милый. Ты ведь сильный. Я нюхом чувствую, какой ты сильный. Ты, может быть, и сам не знаешь, какой ты сильный. А я знаю, я никогда не ошибаюсь. Ты мне защитник, один во всем свете. И ты бросишь эту дрянь ради меня. Бросишь?

Она посмотрела на него, и в глазах были испуг и надежда. Арт был оглушен. Волна острой нежности захлестнула его сердце. Он нужен кому-то. Его просят о чем-то. Просто нужен и просто просят. Ради него самого, без всякого расчета...

Впервые за последние дни комок в горле Арта растаял, растворился и вышел наружу несколькими слезинками, которые проложили две холодные дорожки по его щекам. Первые дорожки на щеках за много-много лет. А может быть, первые в жизни, потому что, сколько он себя помнил, он никогда не плакал. Конечно, он бросит, возьмет себя в руки и бросит. Это ведь в конце концов не так уж и трудно. У него ведь воля что надо — захочет — и сделает. Для Мери-Лу сделает, для этих синих теперь уже не смеющихся глаз. В лепешку разобьется, наизнанку вывернется, из своей шкуры выскочит, только чтобы в синих родных глазах снова заскакал, запрыгал веселым щенком смех.

Мери-Лу тихонько провела пальцем по его щекам, и там, где ее палец касался его кожи, влажные дорожки тут же высыпали.

— Все будет хорошо, — торопливо шептала она, и шепот ее был полон ласки и веселья, от которого становилось на душе грустно, — все будет хорошо.

Глава III

Он бросил героин. Он решил, что бросит, — и бросил. День, другой, третий. Он даже не испытывал тех мук, о которых говорили нарки. Просто все это были люди слабые, рыхлые, безвольные, не чета ему. Он вот решил — и бросил.

По ночам ему снилось, как он закатывает рукав рубашки, берет правой рукой шприц, легко вкалывает его привычным движением и нажимает на плунжер. Но прозрачно-розовая волна

не катилась на него, не ревела беззвучно радостным ревом, и тело его не тянулось навстречу. Утром он чувствовал себя разбитым, слабым, больным. Но он лишь усмехался. Это все ерунда. Главное — он бросил. Он хозяин себе. Он может даже кольнуться, чтобы доказать свое освобождение. Если он не получит дозы, он все время будет сомневаться, действительно ли он поборол эту рабскую привычку. А если зарядится, докажет себе раз и навсегда, что он хозяин своей воли.

Он кольнулся. Назавтра снова. Будь прокляты эти синие испуганные глаза и детские пальцы в его волосах. Зачем эти жалкие слова? Зачем мучить человека, когда радости в этом воюющем асфальтовом мире и без того маловато? Ну кольнется, ну не кольнется — какое все это имеет значение? Да и кто ты мне, Мери-Лу? Много здесь вас таких, только и ждете слuchая, чтоб подцепить себе мужа, твари расчетливые. Как вцепятся, так и не отпустят... «Ты бросишь, ты сильный». Иши ты. Я и сам знаю, что сильный, что могу бросить, если захочу. А зачем вообще-то бросать? Лишать себя удовольствия? Ну ладно, поженятся они, пацан появится. И что? Рассказывать ему про домик в ОП? Про зеленую травку? Как жить в джунглях без белого снадобья, чем жить, на что надеяться?

Он знал, что все эти мысли и слова были хлипкой, ненадежной стеной, которую он возводил между собой и правдой, потому что жить с глазу на глаз с реальностью дано не каждому. Все это он подсознательно чувствовал и потому ненавидел себя и Мери-Лу, которая, сама того не ведая, разрушила его глиняную крепость. Он ненавидел ее, потому что любил...

— Одному бросить трудно, — сказала как-то вечером Мери-Лу. — Никто тебя не понимает, если даже хочет понять. Это ведь как в пословице: сытый голодного не разумеет.

— Что ты хочешь сказать? — угрюмо спросил Арт и посмотрел на Мери-Лу. — Чтоб я в ихнюю больницу записался? Чтоб напичкали меня ихней дрянью, да так, что потом без двух доз в день и не проживешь? Нет уж, лучше издохнуть самому по себе. Способов ведь много. Папашка мой однорукий с лестницы свалился. Сосед один с третьего этажа то ли лишнего себе вколов, то ли еще что-нибудь, только нашли его утром на лестнице. Почему это все начинается и кончается лестницей?

— Арти, — прошептала Мери-Лу, — я... я всегда буду с тобой. Ты ведь не такой, как другие. Ты... ты мой. Ты вот и грубый, как другие, и на снадобье, а все-таки что-то в тебе отличает тебя от других. Я вот чувствую, что именно, а выражить словами не могу. Знаю только, что без тебя теперь жить не смогу... Все для тебя сделаю...

Через несколько дней он заметил у нее на ноге след. Еле заметный, как от шприца. Не может быть, сказал он себе, но вскоре заметил второй.

— Мери-Лу, — сказал он и посмотрел ей в глаза, и понял, что не ошибся, потому что в синих ее глазах уже клубились первые стеклянные облачка героина. — Ты... ты... — закричал он и поднял руку, чтобы ударить ее, но удержался. — Зачем? Ты ведь... для меня... вся жизнь...

Слова были какие-то жалкие, нелепые, растерянно моргаю-

щие, как глаза отца. Тогда, когда он извинялся перед ним, трехлеткой, что забыл про свою культую.

Мери-Лу медленно улыбнулась ему, и в улыбке почему-то была бесконечная радость.

— Я хочу, чтоб тебе легче было бросить. Одному трудно. Эдди Макинтайр говорит, что легче всего бросить вдвоем, когда оба понимают друг друга и поддерживают друг друга.

— Это тебе сказал Эдди Макинтайр? — спросил Арт.

— Да, он был очень добр. Ничего с меня не взял. Даже подарил шприц. Вдвоем вам, говорит, будет легче. Вдвоем вы быстро бросите.

* * *

Они не бросили вдвоем, и вскоре им нужно было не меньше пятисот НД в неделю. А пятьсот НД — это уже немалые деньги. Этих денег из сумочек, отобранных у старух, не натрясешь. Дважды Арт удачно ограбил маленький магазин на Шестой улице. Несколько раз они вместе ходили в супермаркет, и Мери-Лу удалось стащить с прилавка кое-какие мелочи. Они даже изобрели новый способ превращения этих товаров в деньги. Продавать их было бы процедурой долгой, да и возьмешь за них десятую часть того, что они стоили. Вместо этого Мери-Лу приносила краденое в магазин, говорила, что она передумала, и ей возвращали стоимость вещи.

Денег все равно не хватало, и Мери-Лу стала исчезать по вечерам на несколько часов. Однажды она пришла с подбитым глазом, но Арт не спрашивал ее, куда она ходила. Она приносила деньги, а деньги означали жизнь. Нет, не прозрачно-розовую волну. Он уже давно не слышал ее беззвучного и радостного грохота. Ему уже было не до теплого ветра и живого, влажного ковра под босыми ногами. Шприц теперь отделял его от невыносимых мук, которые он испытывал без белого сна-добрая. Только шприц давал возможность дышать, успокаивал нервы и плавно уводил куда-то в сторону, отодвигал вечно караулившую за углом тошноту...

Знал ли он, куда она ходила и как добывала деньги? О, это был непростой вопрос. Он не знал, потому что не хотел знать. Но он знал, что не хотел знать. Поэтому самое важное было — не думать ни о чем, а в этом как раз и помогало белое снадобье. То, на которое она приносила денег. То, которое как раз и давало возможность не думать, откуда она приносит деньги...

* * *

На улице было пасмурно и холодно. Дождя не было, но воздух был перенасыщен влагой, которая оседала на ворсистой куртке крошечными белесыми каплями. В подъезде пахло застоявшейся сыростью и влажной штукатуркой, и запах этот напоминал запах сырых пеленок.

На сегодня, кажется, у Мери-Лу снадобья хватит, завтра...

Завтра видно будет. Завтра не существовало. Мир кончался сейчас, на этом мгновении, которое медленно, тошнотворно медленно, в такт его неверным шагам, двигалось вместе с ним по грязной лестнице. На шестой ступеньке выбита вся середина, не попасть бы туда ногой. На штукатурке гвоздем выцарапано: «Поли». Поли... Зачем Поли? Почему Поли? Мягкими, обессиливающими волнами накатывалась тошнота. Она поднималась откуда-то снизу, клубилась в желудке, собираясь с силами, а потом уж липким, холодным прибоем накатывалась на сердце и горло. Арт остановился, несколько раз глубоко вздохнул, но тошнота требовала не кислорода, а вечерней дозы белого снадобья. Хорошо, что у Мери-Лу на сегодня есть чем кольнуться...

Он толкнул плечом дверь комнаты, но она не подалась. Может быть, Мери-Лу нет дома, подумал он, и еще раз толкнул дверь. Она слегка приоткрылась, одновременно послышался грохот, и он понял, что перевернулся стул. Почему? Зачем стул у двери? Обгоняя охвативший его страх, Арт пошарил рукой по стенке, нашупал выключатель, но еще прежде, чем он щелкнул им, он уже знал, что Мери-Лу дома и что он не увидит ее.

Она висела на веревке, прикрепленной к трубе, что проходила почти под потолком. Синие глаза были открыты и пусты. На трубе ржавчина. У ржавчины свой запах. Но как его выразить словами, если он не похож на другой запах? Запах ржавого металла. Лучше всего чувствуешь этот запах, когда каешься металла подбородком.

Одна туфля осталась у нее на ноге, другая упала на пол. Та, что осталась на ноге, зацепилась за пальцы и висела просто чудом. «Осторожно, чтобы не упала», — пронеслось в голове у Арта. Когда-то, должно быть, на стельке была выдавлена фирменная марка, но сейчас осталось лишь темное пятно. Арт стоял, глядя на туфлю, и пытался сообразить, как же все-таки называлась фирма. Нет, как ни старайся, не определишь — все буквы стерты.

На столе лежала записка.

«Дорогой Арт! Мы проиграли. Эдди Макинтайр ошибся. Вдвоем еще тяжелей. Я больше не могу. Прости. Если сможешь, спасись. Ради нас».

Арт аккуратно и неторопливо сложил записку, засунул ее в карман. Его все рвало и рвало, и он не в силах был остановиться. Холодный и липкий пот стекал со лба. Он упал на пол. Он плакал, и его тошило. И спина у него была открыта, незащищена. За ней висела Мери-Лу.

* * *

— Давай иди, — кивнул Арту сержант и показал подбородком на обитую пластиком дверь. — Капитан освободился.

— Спасибо, — сказал Арт и толкнул ладонью дверь. Она открылась с вкусным чмоканием, и он очутился в кабинете начальника.

Капитан Доул, крупный человек лет сорока, с оспенным лицом и сонными серыми глазами, скучно зевнул, вздохнул и при-

нялся нарочито медленно набивать трубку. Раскурив ее и выпустив несколько клубов дыма, он посмотрел на Арта и сказал:

— Ну?

— Вот, прочтите. — Арт протянул полицейскому капитану записку Мери-Лу. Тот скользнул по ней глазами.

— Ну?

— Понимаете, — Арт поднял глаза на капитана, — сначала Эдди Макинтайр обманом приспособил к белому снадобью меня, а теперь вот ее. — Он кивнул на записку. — Он уверял ее, что вдвоем бросить легче, чем одному... Она хотела мне помочь... Повесилась...

— Ну? — капитан боялся, что трубка погаснет, и несколько раз быстро втянул воздух. — И что ты хочешь от меня?

— Этот Эдди Макинтайр людей губит... Сначала я вот... А теперь она... И других много... На лестнице...

— Ладно, ты посиди там, сержант тебе покажет, а я пока вызову сюда Эдди.

Арт сидел на жесткой скамейке и рассматривал фотографии десяти разыскиваемых полицией наиболее опасных преступников. Эдди Макинтайра среди них не было.

Удивительно он себя чувствовал сейчас. Пустота и тяжесть. Не было ни сердца, ни желудка, ни печени — ничего. Он был пуст. Пуст и холоден, как поздняя осенняя улица. И вместе с тем он весил тонны, тонны. Тяжелая пустота. Пустая тяжесть.

— Эй, — крикнул ему сержант, — иди!

Он снова вошел в кабинет капитана. На стуле у стола сидел Эдди Макинтайр. Увидев Арта, он грустно улыбнулся. Не зло, не с ненавистью, не с обидой даже, просто грустно.

— Как ужасно, — сказал он, — такая молодая...

— Эдди, — сказал капитан, — этот человек утверждает, что ты специально приохочиваешь людей к белому снадобью. Специально, чтоб потом наживаться на них. Что ты можешь сказать?

Арт, не веря себе, с надеждой посмотрел на капитана. С самого детства, с первым глотком асфальтового воздуха, с молоком покойной матери он всосал в себя страх и недоверие к полиции. Полиция защищала тех, кто жил не в джунглях. Но ведь попадаются же иногда люди и среди свиней. Редко, конечно, но должны же попадаться...

— Так что ты скажешь, Эдди? — еще раз переспросил капитан. — Это ведь серьезное обвинение.

— По-моему, — ответил кротко Эдди, — этот человек не ведает, что говорит. — И снова сказал без злобы, без гнева. С грустью, с жалостью, с сожалением.

— Это мы сейчас проверим. Ну-ка, — капитан кивнул Арту, подзывая его к столу, — ближе, подойди ближе.

Капитан поднялся, потянулся, разминая затекшую спину, и что-то в его плечах вкусно хрустнуло. Он еще раз потянулся через стол и ударил Арта по щеке. Письменный стол и потолок дернулись, поменялись местами, и Арт лениво и безразлично понял, что лежит на полу. Откуда-то издалека донесся голос капитана:

— Может, посадить паскудника на годик-другой? Впрочем, тогда он, не дай бог, отвыкнет от снадобья и перестанет носить тебе свои денежки. — Голос гудел громко, раскатисто, жирно. — Ишь ты, нарк паршивый, говорит, Эдди Макинтайр людей губит. Это ж надо, всякая шваль будет ко мне ходить.

Он ярил себя, рисуясь перед Эдди Макинтайром, но в глазах его застыла скука. Будни, служба, плохо вымытые окна кабинета, простуженное шипение кондиционера...

Капитан вышел из-за стола, одной рукой рывком поднял Арта на ноги и, прищурившись, нацелился его головой на дверь своего кабинета.

— Осторожнее, капитан, — улыбнулся Эдди Макинтайр, — не сломайте, Христа ради, ему шею. Все-то вам хочется лишить меня клиента.

— Ладно, Эдди, — кивнул капитан. — Это уж как получится. Считай, что его шея и основание черепа в руках божих. — Он раскачал Арта и толкнул его головой вперед. В полусознании Арт выбросил вперед руки — у него с детства была быстрая реакция, — и голова его осталась цела...

* * *

Он медленно брел по обочине шоссе, оставив за спиной Скарборо, шел не оборачиваясь, когда сзади нарастил вой приближающейся машины. Они пролетали мимо, успев толкнуть его жаркой, тугой воздушной волной, и уносились, таяли в знойной дымке.

Вскоре он свернул с шоссе на грунтовую дорогу. Идти по обочине шоссе было довольно опасно. Кто-нибудь мог выстрелить из проносившейся машины, хотя днем это случалось не часто, мог зацепить его и полицейский патруль. Что за человек на обочине шоссе, куда идет? Попробуй объясни им, когда он и сам толком не знал. Он знал только, что ему нужна была какая-нибудь ферма. Выйдет — хорошо, не выйдет — еще лучше.

Через несколько часов он почувствовал, что силы оставляют его. Язык распух и не помещался во рту. Слюна была горькой, горячей и густой... Что напоминает ему мысль о слюне? Не помнит... Неважно. Хуже, что очень подкатывает тошнота и в голову бьют мягкие, но болезненные молотки. Упадет — и черт с ним...

Ферма была небольшой. Точно такой, какой он представлял их себе. И мохнатая собака, что лаяла сейчас на него, припадая от возмущения на передние лапы, тоже была точно такой, какой он их представлял себе.

У дома таращел трактор, впряженный в тележку с удобренениями. Удобрение было белым. Почти как белое снадобье, подумал Арт, и подошел ближе. У трактора стоял загорелый худощавый старик в широкополой шляпе и ковырялся в двигателе. Должно быть, регулировал обороты холостого хода, потому что трактор то и дело меняв тембр своего гудения. Из-за него он и не слышал лая. Но вот старик поднял голову, увидел Арта, и в руке его сразу появился пистолет. Арт вскинул кверху руки, опустил их, распахнул куртку, снова поднял руки.

Старик выключил двигатель и в плотной, негородской тишине вопросительно смотрел на Арта, поигрывая пистолетом.

— Что надо? — спросил наконец старик. — Работы у меня нет. Проходи. — Он был высок и худ. Его загорелая кожа была покрыта еще более темными морщинами. Хоть он и держал в руках оружие, в глазах был страх.

— Мне не нужна работа, — сказал Арт, с трудом преодолевая сопротивление вязкой слюны.

— А что тебе нужно?

— Вы только выслушайте меня, — вяло сказал Арт. Тело его медленно подрагивало от слабости. — Мне от вас нужно только одно — какой-нибудь сарай. Поставьте туда ведро воды и заприте меня там. Так, чтобы я не мог выйти. Что бы я ни делал, как бы вас ни умолял, не открывайте. Если даже я не буду шевелиться, не открывайте. Если я буду просить у вас чего-нибудь, не отвечайте и не открывайте. Откройте через две недели. Если я буду жив, дадите мне немножко молока. Я не прошу у вас одолжения. Вот, возьмите, здесь почти двести НД. Можете забрать деньги и выстрелить в меня сейчас. Я вам только спасибо скажу. Можете застрелить меня в сарае. Можете вообще не открывать его. Ежели я не подохну, хозяин, я бы просил у вас только одно — разрешения проработать у вас потом годок. Без гроша. Бесплатно. Мне нужен будет только кусок ржавой трубы... Знаете, такой, что пахнет ржавым металлом.

Он пришел в себя и открыл глаза. Он лежал на спине и смотрел на дощатую крышу. Ах да, конечно... Старик все-таки поверил ему. В косом солнечном луче, проникавшем сквозь какую-то щель, плясали пылинки. Луч казался таким плотным, что его можно было взять в руки, на нем можно было подтаянуться, из него можно было сделать петлю и надеть на шею.

По телу его первой легкой волной пробежали сокращения мышц. Начинались судороги. Мускулы то затвердевали, напрягаясь в бесцельном слепом усилии, и в теле его разливалась остшая боль, то вдруг расслаблялись, оставляя его дрожащим от слабости. Потом ему стало жарко, и он купался в ручьях пота. Он никогда бы не поверил, что человек может так потеть.

Его начало тошнить. Судорожные сокращения желудка следовали одно за другим, скручивали его, выкручивали, комкали, ломали, корежили. Он умирал. Он знал, что умирает. Мыслей не было. Была боль. Ее нельзя было локализовать. Она плескалась по всему телу, то тупая и ноющая, то пронизывающая и остшая, как взвизг механической пилы. Времени не было, не было больше ни начала, ни конца, ни дня, ни ночи. Не было луча, и не было синих глаз, танцующих в этом луче. И не было лучей, танцующих в синих глазах. Их не было, и они были.

Мысли и образы, боль и воспоминания распадались, расщеплялись на обрывки, кусочки, осколки, молекулы, атомы. Качалась, качалась туфля, висевшая на ржавой трубе. И кто-то жалобно моргал, и на эти извиняющиеся глаза обрушивался осенний кулак.

Он завыл. Ему казалось, что вой сотрясает стены сарая, рвется наружу, но это был всего-навсего жалкий хрюк.

Арт потерял сознание, но и беспамятство не приносило облегчения.

Однажды ему показалось, что над ним склонилось лицо старика.

— Дайте мне закурить, — прошептал Арт. А может быть, только хотел прошептать. Он не знал. Он знал только, что, если старик даст ему зажженную папиросу, он сумеет поджечь сено и удратить, когда загорятся стены. Или сгореть. Что именно, было не так важно. Лишь бы не эта бесконечная пытка.

Но то ли старик покачал головой, то ли он вообще пригрезился — сигареты не было. Была пытка.

* * *

Он не знал, сколько прошло дней. Иногда он с трудом становился на колени, погружал голову в ведро с водой и пил. Несколько раз он вяло отмечал про себя, что вода в ведре почему-то не убывает, но мысль тут же куда-то ускользала от него.

Он ослабел. Судороги все еще сотрясали его тело, но уже с меньшей силой. Темнота по-прежнему клубилась в нем, но рвота стала мучить его реже. Иногда ему удавалось по несколько минут подряд удерживать мысли от головокружительного хаоса. Это были самые страшные минуты. Они были населены Мери-Лу, Эдди Макинтайром и капитаном Доулом.

Он подползал к стенам сарая и пробовал разбить голову о стесанные бревна, но он был слишком слаб. Он пытался нашупать хоть что-нибудь похожее на веревку, но ничего не нашел.

Временами он стал впадать в оцепенение. Теперь уже не было ничего. Даже боли. Было только загустевшее, вязкое время, остановившееся время, застрявшее время, без прошлого и будущего и уж подавно без настоящего.

* * *

Арт пришел в себя от тишины. Густой, плотной, негородской тишины. И слабости. И странного, позабытого спокойствия. Ему захотелось встать, но он не мог. Он не мог даже вспомнить, каким мышцам для этого нужно сократиться. И он подумал, что обидно было бы умереть сейчас, когда впервые за долгие, долгие дни он не мечтал о смерти.

Когда за стеной раздалось собачье поскуливание, щелкнул замок и открылась дверь, он даже не мог повернуться.

Старик стоял над ним, с ужасом и жадностью вглядываясь в него, а он даже не мог открыть глаза, потому что свет нестерпимо давил на них, причиняя боль.

Должно быть, и собака тоже всматривалась в высохшее бесплотное существо, распростертое на провонявшей соломе, потому что она больше не скулила, а дышала часто-часто, вывалив от изумления язык.

— Ну и ну, — пробормотал старик. — Это ж надо... А ведь жив, хотя, надо думать, скоро помрет... Не может душа на костях жить. Что с тобой делать, доходяга? — Он потер шершавой расплющенной ладонью свое лицо, дыхание его прервалось, и он судорожно вздохнул. — Разве что попробовать несколько капель молока ему влить? Ты как считаешь, Фидо?

Старик ушел за молоком. Свет уже не причинял такой боли глазам, и Арт осторожно открыл их. Боже мой, как он устал. Он подивился слову «устал», которое употребил мысленно, и хотел было улыбнуться, но не смог.

Старик вернулся с баночкой молока и ложкой.

— Это ж надо, — сокрущенно и вместе с тем возбужденно пробормотал он, — что теперь с людьми делают... Это что ж делается, ежели люди сами себя... А? — чувствовалось, что старик привык разговаривать с собой. — Это как же понять? Это кто же скажет? Зачем?

Он приблизил ложку ко рту Арта, и, видя, что тот не открывает его, неуклюже подсунул свои пальцы под его губы, и приоткрыл ему рот. На мгновение Арт испытал страх перед приближавшейся снова тошнотой, но несколько пахнувших не по-городскому капель благополучно просочились сквозь его высокую горталь, и Арт с благодарностью опустил веки.

Глава IV

Арт окреп довольно быстро. Молодой его организм, словно истосковавшись по свежему воздуху, спокойной, тяжелой здоровой работе и простой пище, спешил обрести утраченные силы.

Старик жил на крошечной ферме один. Он бы, конечно, давно разорился, если бы попытался выжить из нее хоть какой-нибудь доходишко, но ему помогал сын, состоятельный химик, живший в Бельвье.

— Понимаешь, — медленно говорил по вечерам Арту старик, и в его выцветших глазах тлело недоумение. — Понимаешь, сын — он, слава богу, меня не забыл, как другие, — зовет меня: приезжай, мол, ко мне в ОП. Здесь, мол, спокойно. Почти не стреляют, не грабят. А по мне, так зачем спокойствие, если живешь за колючей проволокой, как скот какой-нибудь? Конечно, на фермах, бывает, и нападут, отстреливаться приходится. Но так далеко нарки редко забредают... Ты вот первый, — старик посмотрел на Арта и улыбнулся. — Да у меня и взяточника нечего. Разве что трактор. А на кой он нарку? Его еще продать нужно, а кому опять же нужен старый трактор, когда мелких ферм почти и не осталось? Обратно же Фидо выручает... Она чужого человека за милю учиивает... Конечно, иногда хочется поболтать с живым человеком. Вроде тебя, — старик неумело улыбнулся. — Ну ничего. С собакой поговоришь, с домом, с трактором... А потом и подумаешь, а они-то там, в джунглях или ОП, говорят друг с другом?

Старик еще не привык к живому собеседнику и каждый вечер убаюкивал Арта бесконечными монологами. Он рассказывал о себе, о сыне. О том, как на его глазах менялась жизнь, как белое снадобье заразило страну. Он рассказал, почему не

хочет даже видеть своего сына. Его внук участвовал как-то в студенческой демонстрации протеста. Полиция открыла огонь. Семь человек остались лежать на мостовой. И среди них его внук. У сына были слезы на глазах, и голос его дрожал, но он сказал: «И правильно стреляли. Питер у меня единственный, но я готов пожать руку тем, кто нажимал на спуск, потому что эти протестующие безответственные юнцы толкают страну к гибели».

Он рассказывал, как люди состоятельные спасались бегством из городов, образуя первые охраняемые поселки — ОП, а города, разрушаясь, превращались в джунгли...

Арт слушал его краем уха и думал об Эдди Макинтайре, капитане Доуле, о покойном отце, о матери. О Мери-Лу он не думал. Он не разрешал себе думать о ней. Об Эдди Макинтайре и капитане думать было хорошо. Они помогали ему поправиться и окрепнуть.

Через несколько месяцев он решил съездить в Скарборо.

— Ты ведь вернешься? — спросил его подозрительно старик. — Смотри, второй раз я тебя не выхожу. Может, не стоит таскаться?

— Вернусь, — кивнул Арт.

— Ну, смотри, с богом. Ты ведь не маленький, хотя мог бы быть мне внуком... Возьми немножко денег.

Арт вытащил у старика из комода старинный кольт и отправился в город.

* * *

В первый же день он узнал, что капитана Доула перевели куда-то. Куда — не знал никто. Эдди Макинтайр по-прежнему был в Скарборо, но Арт никак не мог подкараулить его. Ка-залось, Эдди вообще не выходил из своей квартиры. Идти же прямо к нему не имело смысла. Если он и откроет ему дверь, то только с пистолетом в руке. Скорей же всего вообще не откроет. Не такой он дурак.

Самому высовывать нос также не следовало. У Эдди собака хватает. Тут же прибегут с докладом: «Угадай, Эдди, кто появился — Арт Фрисби. Помнишь, у которого девчонка повесилась? Здоровый такой, загорелый».

Арт поселился в полуразвалившемся отельчике на Рипаблик-авеню. На лестнице с выбитыми ступенями пахло мочой и рвотой. В крошечной сырой комнате в батареях центрального отопления жалобно булькало. Под потолком висела на проволоке голая лампочка, засиженная мухами. По ночам в коридорах слышались шаркающие шаги, торопливый шепот, неожиданные вскрики.

Арт выходил уже несколько раз по вечерам, когда на улице было темно и можно было избегать знакомых лиц, но так ни разу и не видел Эдди, даже издалека. Куда он делся? Раньше, бывало, всегда его можно было увидеть на улице. Или в баре Коблера. Но Арти дважды звонил в бар, спрашивая Эдди, и оба раза ему ответили, что его нет. Оставалось только одно — попробовать подкараулить его около дома.

Арт стоял в подъезде Эдди и ждал. У ног его дугой выгнулась худая серенькая кошка, потянулась и с приглашающим мурлыканьем стала тереться о брюки. Наверное, она была голодна, хотела тепла и ласки. Здесь никто не подходил друг к другу без нужды. И уж подавно не ласкались. А те, кто делал это, повисали потом... Стоп. Аут. Нельзя.

Раздался стеклянный взрыв. По асфальту брызнули осколки. Кто-то с верхнего этажа швырнул вниз бутылку. На улице послышался шум машины, хлопнула дверца. Шаги по асфальту. Неужели наконец...

Арт сжимает старинный кольт, всматривается в сумрак двора. «Так и есть, Эдди. И еще какой-то верзила с ним. На таком расстоянии и в темноте не попасть. Значит, нужно подождать, пока они войдут в подъезд».

Пузырчатая рукоятка кольта раскалена. Кошка, чутьем обитательницы джунглей почувствовавшая опасность, с разочарованным мяуканьем исчезает в полумраке лестницы.

— Ну давай, — слышится голос Эдди, и в проеме двери появляется фигура человека. В одной руке пистолет, в другой электрический фонарь. Еще мгновение — и луч коснется Арта. Он не ждет этого мгновения и стреляет. Звук выстрела оглушает в резонаторе подъезда. Арт выскакивает на улицу, но Эдди уже нет. Арт стоит, прислушиваясь к полумраку. Звука машины не было, шагов тоже. Значит, Эдди где-то здесь, недалеко. Из чьего-то открытого окна слышится ворчание: «Опять расстрелялись, сволочи, дня им мало». Окно с треском захлопывается. Арт стоит спиной к дому. Справа подъезд, где в темноте все еще светит электрический фонарик. «Надо же, — думает Арт, — не разбился». Слева еще один подъезд. «Эдди скорей всего там». Арт начинает осторожно, дюйм за дюймом, придвигаться к левому подъезду. Строго говоря, спокойно думает он, шансов почти нет. Если Эдди ждет его в подъезде, то выстрелит первым. Но не уходить же так... В это мгновение Арт слышит какую-то возню в правом подъезде, откуда он только что вышел. «Вот гад», — слышит Арт тихое проклятие, легкий стон, и вдруг из подъезда, пошатываясь, выглядывает верзила, в которого стрелял Арт. Пока Арт раздумывает, что делать, стрелять ли второй раз или нет, верзила уже успел нажать на курок. Пуля цокает о кирпич. Арт, почти не целясь, стреляет и бежит зигзагами. Выстрелов нет. Он пробегает пару кварталов и переводит дыхание. Не вышло. Чего-то Эдди боялся. Или кого-то. А может быть, все-таки кто-нибудь его заметил и действительно передал Эдди. Раньше он никогда не ходил с телохранителем.

— Ну ладно, мистер Макинтайр, — тихонько бормочет Арт, — в другой раз.

В гостиницу возвращаться опасно. Если уж Эдди знает, что Арт в Скарборо, он землю носом рыть будет, а найдет его. Людей у него хватит. В крайнем случае и полиция поможет. Не капитан Доул, так другие. Полиция любит Эдди Макинтайра. И не его одного, а наверное, всех эдди макинтайров. Всех до одного. Все они заодно, сволочи.

* * *

Старик посмотрел на Арта.

— Значит, ты вернулся... А я думал, останешься там...

— Мистер Майер, я взял ваш старый кольт, вот он.

— Спер все-таки? — лицо старика покраснело от негодования.

— Как же спер, если я вам его возвращаю? Просто одолел. Вы же знаете, без пистолета ходить нельзя.

— Спер, спер, — зло закричал старик, — все вы теперь такие! Лгать, красть, стрелять и безуметь на своем белом снаряжении. Все вы теперь такие. Заразу несете, проклятие! Все вы вокруг отправляете своим смрадным дыханием, все, все...

Старик трясясь в библейском гневе, в выцветших детских глазах горела, плавилась ненависть.

— Простите, мистер Майер. Если вы хотите, я уйду.

— Уходи, убирайся! Ты ж сюда заразу принес. Жил, кажется, тихо, никому не мешал, а ты и сюда добрался...

Арт повернулся и пошел к двери, а старик вдруг всхлипнул и сказал:

— Прости, Арти, я ведь, признаюсь, думал, что ты станешь мне внуком... Останься, парень...

Арт обернулся, помолчал.

— Спасибо, мистер Майер, вы меня спасли. Но я вправду, наверное, отправлен и все могу отправить... Вы добрый человек, а мне нельзя быть с добрыми. В моем мире доброта ни к чему.

* * *

В Скарборо делать ему было нечего, появиться там он не мог, и он перебрался в Уотерфорд. Здесь, по крайней мере, Эдди Макинтайр до него не доберется. В Уотерфорде были свои эдди макинтайры и свои капитаны доулы, которые отличались лишь тем, что принадлежали к другим организациям.

Арт нашел дешевую комнатку и несколько дней болтался на улице, присматриваясь к окружению. Раз-другой его пытались облапошить, предлагая героин по чересчур низким ценам, но само белое снаряжение не интересовало его. Ему нужен был настоящий толкач, настоящий продавец героина. Только на этом можно заработать, только здесь пахло деньгами. В конце первой недели он знал уже толкача в лицо. Это был тучный медлительный человек, и жирные его щеки мягко лежали двумя расходившимися от подбородка складками. Говорили, что, кроме героина, он еще ссужал деньги под чудовищные проценты. Звали его Толстый Папочка, а настоящего имени не знал никто.

* * *

Он сидел перед Артом неподвижный, как скала, и лишь торчавшая из мясистых губ сигара жила своей жизнью: то приподнималась, то опускалась, нацеливаясь на письменный стол,

заваленный бумагами. Серенький стерженек пепла, казалось, вот-вот упадет на бумаги, лежавшие на столе.

— Зачем пришел? — наконец спросил толстяк неожиданно тонким голоском. — Хочешь кольнуться?

— Мистер Толстый Папочка, — сказал Арт. — Ничего, если я вас буду называть как все — Толстый Папочка?

— Я буду польщен, мальчик. Я ведь действительно толстый и действительно папочка для всех моих прихожан Церкви Белого Оракула.

— Так вот, мистер Толстый Папочка, в Скарборо есть толкач по имени Эдди Макинтайр. Некоторое время назад он был очень расстроен, что такой видный и взрослый парень, как я, не пробовал снадобья. Он даже пригласил меня домой, даже угостили виски, и, прежде чем я что-либо сообразил — честь-то какая! — у меня в руке уже торчал шприц. Добрый человек Эдди Макинтайр. Потом я познакомился с одной девочкой. Она все уговаривала меня бросить, но я не мог. Она оказалась сама на крючке — и ей помог добрый Эдди — и повесилась. Я бросил.

— Правда ли это, сын мой? — усмехнулся толстяк.

— Правда, — сказал Арт.

— Сколько ты уже чист?

— Полгода.

— Почему ты ушел из Скарборо?

— Хотел рассчитаться с Эдди, пока не вышло.

— Слова не мальчика, но мужа. — Сигара во рту толстяка задумчиво затрепетала, и стерженек пепла наконец надломился и упал. Толстый Папочка помолчал, потом добавил: — Не говори ни слова, мой юный друг. Дай мне возможность потренировать мозги. Сейчас я скажу тебе, что ты хочешь от меня. Героина ты не хочешь, я тебе верю. Отпадает. Убивать всех толкачей ты не станешь, ибо, во-первых, их слишком много, а во-вторых, ты их дитя. Ты даже не мыслишь мира без них, если вообще умеешь мыслить. Ты пришел ко мне, потому что хочешь ухватиться за лиану и чуть-чуть высунуть нос из теплого болота джунглей. Чтоб было, чем дышать, и что жрать, и что положить в карман. Так, мой юный. Чайлд-Гарольд?

— А кто такой Чайлд Гарольд?

— А... Ты думаешь, я сам помню? Что-то литературное. Так верны ли мои рассуждения?

— Почти, мистер Толстый Папочка...

— Мистер не надо, очень длинно. Толстый можно тоже пропускать. Почему почти?

— Я хочу еще встретиться с Эдди Макинтайром.

— Прелестно. Достойные устремления. Что ты умеешь? Читать и писать?

— Да, — с гордостью кивнул Арт. — Кончил четыре класса. В пятый не ходил.

— Стрелять?

— Хорошо.

— Можешь отжаться от пола?

— Раз сто.

— Что-о? — жирные щеки оттекли от глаз Папочки и изумленно округлились.

Арт сбросил куртку, упал на вытянутые руки и начал легко отжиматься.

— Хватит, — вздохнул толстяк, — меня господь обидел телесной ловкостью, но я люблю ее в других. Ты ловок и силен, юноша, ты мне нравишься, но тем не менее я вынужден буду прихлопнуть тебя.

Он неожиданно быстро поднял пистолет и нажал на спуск. Грехнул выстрел, но Арт не шелохнулся. Папочка покатился со смеха. Щеки танцевали на груди, а глаза превратились в крохотные дырочки.

— Ты меня поражаешь, падший ангел. Почему ты не побежал?

— Во-первых, если вы меня действительно хотели бы прищелкнуть, вы бы это сделали давным-давно. Во-вторых, чего же бояться... Я свое отбоялся.

— Прекрасные слова, дитя века. С этой минуты ты работаешь на меня, Арти-бой...

ПЛАН

Глава I

Арт посмотрел на часы. До трех было еще полчаса. Он перевернулся на спину, подложив под голову руки. Небо было чистым, и лишь где-то совсем высоко едва уловимо белело полупрозрачное перламутровое облачко. Тишина, ленивый полуденный покой жаркого дня. Слева, на шоссе, время от времени проносились машины, но шум их не мешал ему, может быть, даже наоборот, подчеркивал загородную тишину.

Арт почти не волновался. Конечно, он знал, что ему предстояло сделать минут через двадцать — двадцать пять, знал, что может остаться лежать там слева, на шоссе, знал, что эта тишина может быть последней перед сердитыми плевками базук, истерическим клекотом автоматов, злобным шипением горящего напалма. И был равнодушен. Потому что за одиннадцать лет, что прошли с тех пор, как Мери-Лу смотрела на него пустыми синими глазами, случилось очень многое и не случилось ничего. Он уже давно не был наивным пареньком из джунглей Скарборо. Вместе с Толстым Папочкой он проделал большой путь. Он был и толкачом, сбывавшим белое снадобье таким, каким он сам был когда-то; и «прессом», выжимавшим из должников ссуды, которые они брали у Папочки под безумные проценты; и мелким служащим в «семье» Филиппа Кальвино; и «солдатом», а потом, когда Папочка стал правой рукой босса, он, в свою очередь, был произведен в «лейтенанты». И сейчас он лежал на опушке сосновой рощицы, метрах в ста от шоссе, и ждал, когда прожужжит зуммер радио.

Он снова посмотрел на часы. «Пора бы», — подумал он, и в этот момент радио ожила.

— Ты готов, Арти? — услышал он голос одного из своих «солдат», который следил за шоссе с вертолета. — А то они уже миновали поворот у восемьдесят второй мили.

— Хорошо, — сказал Арт в микрофон. — Твой вертолет не вызвал у них подозрений?

— Как будто нет. Скорость такая же, около девяноста в час, всего одиннадцать машин. Передняя и задняя — полицейские.

— Хорошо. Двигай на лужайку, только не виси над шоссе.

— Слушаюсь.

— Давай, а я вызываю Джэфа. Джэф, Джэф...

— Да, мистер Фрисби, я готов, — отозвался уже другой голос, молодой и охрипший от волнения.

— Твой вертолет в порядке?

— Да, мистер Фрисби, все в порядке.

— Пора, Джэф. Через несколько минут они появятся. Ты идешь, как мы это отрабатывали на репетиции, метрах в двадцати над шоссе прямо на них и открываешь огонь только по передней машине. Причем метров с двухсот, не раньше. Все зависит от тебя, Джэф. Ну, с богом.

— Я не подведу, мистер Фрисби.

* * *

Водитель головной машины конвоя, немолодой уже сержант, привычно бросил быстрый взгляд в зеркальце заднего обзора, все ли сзади в порядке. Дистанция нормальная, как договаривались, скорость девяносто миль в час — самая подходящая скорость. И риска нет лишнего, и моторы не рвешь, и не ползешь, как черепаха. Как, например, всегда ездит Майк Фернандес. И еще делает из этого принцип. «Я, — говорит, — в ваших гонках неучаствую. Не желаю шею ломать». Может, он, конечно, и прав. Шею ломать никому не хочется. С другой стороны, что он имеет за свою осторожность? Зарплату? Многое из нее делаешь, как же. Вон сын его, говорят, уже из второго класса выскочил, все науки превзошел. Ну и сиди в джунглях. Не морфий, так кокайн, не кокайн, так ЛСД, не ЛСД, так белое снадобье. А не наркотики, согнется. А чем еще кончают в джунглях? Тут хоть знаешь, за что работаешь. К одной зарплате еще три идет. Нет, что ни говори, а с синдикатом можно иметь дело. Важно знать свое место и не лезть. Я-то знаю свое место.

Привычный взгляд сержанта замечает далеко впереди вертолет, скользящий почти над самым шоссе навстречу им.

— Опять полиция, — бормочет он.

Человек, сидящий рядом с ним, поправляет лежащий на коленях автомат и поднимает бинокль. Цвета полицейские. Но что-то он слишком низко идет.

— Ну-ка, ребята, — командаёт он, не поворачивая головы, двум полицейским на заднем сиденье, — приготовьтесь на всякий случай. Что-то слишком низко он идет.

Внезапно вертолет начинает набирать высоту, и в то же мгновение на машину обрушивается дробный град. На ветровом стекле, словно в ускоренной киносъемке, мгновенно распускается цветок. Маленький цветок с лепестками-лучиками, а в середине дырочка. И сползает с сиденья водитель-сержант, который знал свое место в мире и не лез, куда не положено.

Машину заносит, еще мгновение — и она перевернется, но человек рядом с водителем успевает схватить руль и выпрямить автомобиль. Слышен скрежет тормозов и частая дробь выстрелов. Господи, если бы не этот сержант, не этот человеческий мешок, что мешает пересесть за руль, он бы сейчас дал газу и, даст бог, проскочил бы. Он ищет ногой тормоз, находит его и останавливает машину. Полицейские высакивают, словно пробки из бутылок, бросаются на бетон и, падая, уже открывают огонь из автоматов.

Вертолет уходит вверх, но вот он странно дергается, словно наткнулся на невидимую стену, останавливается на долю секунды и начинает все стремительнее скользить вниз. Не ровно и плавно, старомодным книксеном, а боком, нелепо, с треском касается он бетона и тут же вспыхивает, обволакивается оранжево-рыжим дымом.

Ухают базуки, захлебываются пулеметы и автоматы. По полотну шоссе ползет человек. Он не слышит воя и грохота, не чувствует запаха гарячего металла и бегущих к стоящим машинам людей. Он ползет, он занят важным делом — куда-то доползти, где не будет рвущейся боли и не будет с каждым усилием с насосным влажным чавканьем течь из него кровь. Он так занят своим единственным во всем мире делом, что не видит, как с ревом срывается с места одна из уцелевших машин и проносится через него. Теперь он уже не ползет. Он уже освободился от своих забот, хотя кровь еще сочится, окрашивая серый бетон. Бетон пыльный, и смачивается плохо, но крови достаточно, и он постепенно краснеет...

* * *

Нападавшие добивают раненых, рыжехвостый напалм ползет по искореженному металлу...

Арт посмотрел на часы — с момента первого выстрела прошло всего четыре минуты. Ни одной встречной машины, ни одной машины сзади. Молодцы. Это уже дело Карпи.

Двое «солдат» ташат металлические опечатанные ящики. Что и говорить, семейство Коломбо понесла сегодня изрядный ущерб. Судя по величине конвоя, в ящиках должно быть не меньше полумиллиона НД. Впрочем, Арта это уже касается меньше всего. Это уже высокая дипломатия, тонкая игра. Это дело дона Кальвино, Папочки и всех их советников. Кто-то, конечно, на них у Коломбо работает. Иначе как бы они узнали о сегодняшнем конвое? Мало того, человек этот, видно, не маленький, если знает о такой операции. Да и приладить под машиной радионаводчик — это тоже надо уметь. Машины ведь перед серьезным конвоем проверяются ох как строго.

— Все? — спрашивает Арт у помощника. — Какие потери?

Помощник вытирает рукавом пот. В безумных еще глазах появляется осмысленное выражение:

— Шестеро убиты, восемь ранено. Раненых потащили к лужайке.

— А трупы?

— Сейчас...

— Пойдем, — кивает Арт. — Побыстрее. И позови кого-нибудь, у кого еще остался напалм.

Они поджигают трупы и, не оглядываясь, бегут к опушке леса. Лес встречает их сосновой пахучей торжественностью, типшиной, и не поймешь, то ли ветка сухая трещит под ногой, то ли потрескивают, лопаясь от жара, человеческие тела на сгором бетоне шоссе.

Солдаты стоят на лужайке молча, слышен лишь захлебывающийся шепот одного из раненых:

— Боже, боже, боже, боже...

Господь, наверное, помогает ему, потому что он вздрагивает и затихает.

Над верхушками сосен скользит вертолет, медленно садится, прижимая траву к земле упругим воздушным потоком.

— Сначала грузите раненых, — коротко бросает Арт. И несколько раз разводит и сводит плечи. Он всегда делает так, когда хочется снять усталость и напряжение после трудного дня.

* * *

Вечером он лежал в ванне, наслаждаясь горячей водой, и дремал. Вот вода начала остывать, и он открыл кран. Он наслаждался горячей водой и вдруг почувствовал прилив безотчетного отчаяния. Это случалось не в первый раз за последние месяцы, но сегодня отчаяние было особенно острой. Это было даже не отчаяние. Казалось, в уютном привычном помещении вдруг открылась дверь, о которой он раньше и не подозревал, и в распахнутых створках бездонным мраком предстало ничто. Бесконечно холодное, бесконечно равнодушное, бесконечно близкое ничто. И сжалось сердце, и было чего-то жаль, что-то безвозвратно уходило, и все теряло смысл и привычные ценности.

Он уже знал по опыту, что приступы эти проходят. Нужно лишь набраться терпения и покорно ждать, пока не отпустит сердце, пока не захлопнется незнакомая дверь.

— Тебе не нужно чего-нибудь? — услышал он голос Конни. — Ты там не заснул?

Арт не отвечал, и Конни запела:

Мы уйдем туда вместе, уйдем навсегда,

Где останется радость и...

— Заткнись, — заревел Арт, и щебетание прекратилось.

Приступ прошел. Можно было дышать, но какое-то легкое неуловимое беспокойство все же оставалось.

Он вылез из ванны и посмотрел на себя в зеркало, пожал плечами, встретив тяжелый, почти не мигающий взгляд.

Он вытерся, набросил халат и вышел из ванной. Конни была тут как тут. Маленькая, круглая, заискивающе улыбающаяся — точь-в-точь ласковая дворняжечка.

— Сядь, Конни, — сказал Арт.

— Хорошо, — она торопливо метнулась к стулу. — Я только хотела подать тебе кофе. Ты ведь любишь кофе после ванны.

— Я люблю кофе, но не люблю тебя, — медленно сказал Арт. Эта девчонка была слишком счастлива. Счастлива и беззаботна, не имея на это права. Имела право другая, но он никогда не сможет сделать ее ни счастливой, ни беззаботной. Потому что она до сих пор смотрит на него пустыми синими глазами, и одна туфля так и зацепилась на ее ноге, не упала.

Он давным-давно запретил себе вспоминать Мери-Лу. В конце концов, что вспоминать прошедшее? Одиннадцать лет не один день. Но она не отпускала его. Нет, не так. Неверно. Это он не отпускал ее, это она нужна была ему, а не наоборот. Зачем — он не знал, но предчувствовал, что без нее дверь с бездонным мраком открывалась бы чаще и все жаднее заглядывал бы он во влажный, плотный и промозглый мрак.

Конни смотрела на него испуганными глазами. Они были зеленоватого цвета и не пусты. Нет, она не имела права быть даже испуганной. Она не имела права вообще быть.

Что-то с ним не так, не может такое думать нормальный человек. Ну, не нравится тебе женщина — выгони ее. Но думать так, как он... Эдак можно и рехнуться...

— Чем я провинилась? — в глазах Конни начали взбухать две слезинки.

— Да ничем, — пожал плечами Арт. — Просто тем, что ты есть, и поэтому тебе нужно уйти отсюда. Совсем. Навсегда.

Всю ночь он то засыпал, то просыпался. Странные невоспроизводимые сны мучили его, многократно повторялись, и каждый раз он открывал глаза вместе с пропущенным ударом сердца. Мир, потрепетав мгновение-другое на границе сна и бодрствования, неохотно принимал обычные очертания...

Глава II

Папочка сиял. Лучились не только маленькие глаза, лучились все его необъятное лицо, вся фигура. И даже сигара дымилась торжественно.

— Сейчас подойдет дон Кальвино, чтобы самому пожать тебе руку, а пока его нет, я хочу пожать руку сам себе. Одиннадцать лет тому назад я в тебе не ошибся.

— Спасибо, Папочка, — вежливо ответил Арт, и тут же в комнату вошел босс, глава уотефоллской семьи, дон Филипп Кальвино. Он кивнул Арту и протянул ему руку.

— Молодец. Жаль, что ты не из нашего рода. Я бы гордился таким сыном. Знаешь, сколько было в тех двух ящиках? Папочка, ты молчи. Я хочу, чтобы Арт сам угадал. Так сколько?

— Ну... — Арт пожал плечами, — вчера я думал, что, судя по величине конвоя и тяжести ящиков, там должно быть не меньше полумиллиона НД. Но, судя по вашему лицу, дон Кальвино...

— Так сколько? — нетерпеливо спросил дон Кальвино.

— Тысяч семьсот, — неуверенно сказал Арт, чувствуя, что добыча была больше, но что старику будет приятно, если он занизит сумму.

— Как бы не так, — усмехнулся дон Кальвино и хитро

подмигнул Арту. Похоже было, что он видел его немудреную игру насквозь, но все равно она была приятна ему. — Как бы не так. Миллион двести. Коломбо не скоро забудет этот день. — Старик замолчал и внимательно посмотрел на Арта, потом на Папочку. — Арт, — сказал он, — вчера ты хорошо поработал и многое сделал для своей семьи, но сегодня мы хотим тебя просить еще о большем. Если ты почувствуешь, что не можешь или не хочешь выполнить новое поручение, скажи об этом прямо, никто не попрекнет тебя. Кроме нас троих, никто об этом разговоре не узнает. Папочка, комната проверена?

— Последний раз полчаса тому назад. Все чисто. Нигде ни микрофона.

— Хорошо. Тогда слушай, Арт, внимательно, и если тебе хоть что-нибудь непонятно, смело перебивай меня. Как ты думаешь, откуда мы узнали о вчерашнем конвое? Мало ли сколько конвоев проходит по шоссе за день...

— Мне подумалось, что кто-то в Скарборо работает на нас. А скорее всего даже не в Скарборо, а в самом Пайнхиллзе, потому что о конвое с миллионом двести тысяч НД может знать не каждый лейтенант.

— Правильно, Арт. Ты умный человек. Умнее даже, чем требуется от простого лейтенанта, — старик лукаво улыбнулся. — Но это тебя смущать не должно. Если все будет хорошо, ты станешь самым молодым в стране советником семьи. Но не будем отвлекаться. Ты прав, в Пайнхиллзе под самым боком у Коломбо работает наш человек. Это он сообщил о вчерашнем конвое, он прикрепил к одной из машин радионаводчик. Это уже не первый раз он передает нам такую важную информацию. Но скажи мне, если ты догадался, что там есть наш человек, могли об этом догадаться Коломбо? Ведь он вовсе не глуп, этот Джо Коломбо, и он, безусловно, догадывается, что среди его окружения наш агент. Вчерашний день не оставит ему никаких сомнений. Человек наш замаскирован отлично, но Коломбо и в особенности его первый советник Тэд Валенти будут землю носом рыть. Они будут подозревать всех и каждого. Он не то что рентгеном всех просветит, вывернет каждого наизнанку и своими руками перещупает. А наш человек должен избегнуть подозрений. А это нелегко. Мало того, он передал нам еще месяц тому назад, что Валенти стал относиться к нему с некоторой подозрительностью. Короче говоря, перед нами три пути. Первый — ничего не делать, сложить руки и ждать, пока Валенти не докопается до чего-нибудь и погубит нашего человека. Второй — дать команду нашему человеку немедля сматывать удочки из Пайнхиллза. Не говоря уже о том, что мы лишаемся ценной информации, мы ставим под угрозу само существование нашей семьи, потому что, если оценивать объективно, семья Коломбо раза в два сильнее нас и богаче. Если до сих пор он еще не сделал попытки начать против нас тотальную войну, то, можешь не сомневаться, он сделает это. И мы будем почти беззащитны без разведки. И, наконец, третий путь. Мы можем попытаться подсунуть Коломбо дезинформацию, сбить его со следа, назвать ему совсем другую фамилию и тем самым обезопасить и на-

шего человека, и всю семью. Какой план ты считаешь наиболее приемлемым?

- Третий, — сказал Арт.
- И ты согласился бы участвовать в его исполнении?
- Да.
- Даже с риском для жизни?
- Да.
- А ты не знал случайно, что в молодости у Тэда Валенти было другое имя?
- Нет.
- Когда еще был толкачом в Скарборо, он называл себя Эдди Макинтайром...

— Почему вы не сказали мне об этом раньше, дон Кальвино? — спросил тусклым, сонным голосом Арт. Голос был маскировкой. Арт уже давно научился скрывать свои чувства. И теперь, когда сердце у него дернулось и понесло, словно спринтер, он по-прежнему сохранял спокойствие.

— Потому что сделать раньше что-либо было нельзя, а вбить своим людям гвозди в сердце я не люблю. — Дон Кальвино пожал плечами. — Теперь другое дело. Слушай внимательно. Представь себе, что ты поссорился с кем-либо из нас. Не просто поссорился, а даже убил кого-нибудь. И даже успел бежать. Ну, скажем, в Скарборо. И наши люди попытались бы тебе отомстить там, но у них не вышло бы. Представь далее, что ты в опасности. Друзей у тебя там нет. Ты идешь в полицию и просишь защиты. Они там не дураки и понимают, что, если член чужой организации ищет защиты у полиции, он хочет познакомиться с хозяевами полиции. Сказать, что полиция подчиняется Джо Коломбо, было бы, конечно, преувеличением. В полиции, конечно, понимают, что, попади они в полное подчинение такому скопидому, как глава скарборской семьи, не то что не заработаешь — половину своих денег отдавать придется. Так что точнее будет сказать, они сотрудничают. Итак, полиция сообщает о тебе в Пайнхиллз, и кто-нибудь оттуда, естественно, выражает желание побеседовать с тобой. Скорее всего это будет сам Джо Коломбо и его сын. В таких делах они доверяют только себе. Всего, что происходит тут у нас в Уотерфорле, ты, конечно, знать не можешь, ты ведь всего лейтенант, хотя и приближенный к старому Кальвино. Ты даже командовал нападением на конвой. Точно ты не знаешь, но слышал намеки, будто в Пайнхиллзе кто-то работает на семью Кальвино. Кто именно, ты даже представления не имеешь. Вот разве что... ты вспоминаешь, будто слышал, скажем, в разговоре между мною и Папочкой упоминание о каком-то человеке. Ты вспомнишь, как совсем недавно Папочка позвал тебя к себе и, когда ты входил, услышал, как он разговаривал со мною. Я спрашивал его: «А не слишком часто он бывает у этой бабы?» А Папочка засмеялся в ответ: «Он у нас человек не пылкий. Два раза в месяц как по расписанию». Ты сможешь запомнить эти две фразы?

- Да, — кивнул Арт.
- Больше, хоть режь, ты ничего не помнишь. Можешь, конечно, рассказывать обо мне, Папочке, других — это они и так знают. Они кинутся проверять, кто из окружения главы

семьи ездит к знакомой дважды в месяц. И можешь не сомневаться — найдут. Это уж точно — найдут. И как ты можешь догадаться, этим человеком окажется Эдди Макинтайр, он же Тэд Валенти. Конечно, старику будет трудно сразу поверить, что его ближайший помощник предатель, но старик реалист. Иначе он не был бы главой семьи. Агент наш, имя которого мы тебе даже не называем, чтобы ты при любом нажиме не назвал его, будет в безопасности, а твой стаинный приятель получит удавочку на шею или пулю в лоб. Ты согласен, Арти?

— Да, дон Кальвино.

— Тогда Папочка изложит тебе детали...

* * *

Арт сидел один за столиком, положив подбородок на ладонь. Бармен нажал кнопку автомата, и легкая грустная мелодия старинной песни заскользила вдоль обшитых темными дубовыми панелями стен. В стакане с янтарным виски таяли кубики льда, но лень было даже изменить позу, не то что поднять стакан.

Песенка сжимала сердце. Чего-то было бесконечно жаль, что то потерялось безвозвратно, осталось где-то позади, там, куда уже не вернешься. Через столик от него. Папочка, блаженно зажмурив глаза, покачивал головой в такт мелодии, и лоснящиеся его чудовищные щеки плавно колыхались в медленном танце. Обычно шумливый, Сарди Колла, сидевший за его столом, тоже притих и задумчиво смотрел перед собой невидящим взглядом.

Патрик Кармайл, такой же лейтенант, как и Арт, был уже пьян. Глаза его были налиты кровью, лицо побагровело. Внезапно он встал, с минуту постоял, с пьяной сосредоточенностью разглядывая Арта, потом спросил тихо и почти ласково:

— Ты, говорят, выгнал Конни?

«Что это, — подумал Арт, — всерьез он или так задумано? Папочка не сказал мне заранее, с кем я должен буду поссориться. Как он сказал? «Чтобы не лишать сцену непосредственности».

— Да, — сказал Арт.

— Почему?

— А тебе что за дело? — Арт почувствовал поднимавшееся в нем раздражение. По сценарию это идет или не по сценарию, но его-то какое собачье дело?

Кармайл задумчиво пожевал нижнюю губу, прищурил глаза и так же тихо, но уже менее ласково сказал:

— А то, что я ее двоюродный брат.

— Ну и что? Да хоть бы ты был ее мамочкой. Или бабушкой. Или ты следишь за моей нравственностью? Топай за свой стол и оставь меня в покое, следи за ее нравственностью. Это серьезная работа. На весь день. И даже на ночь.

— Я бы простил тебе, если бы ты оскорбил меня, но ты выгнал Конни. Ты подлец, — Кармайл поднял голос, — ты не знаешь, что такое честь...

Музыка замолкла. Головы присутствующих медленно повернулись к столику Арти.

— Хватит, ты пьян, проваливай, — брезгливо сказал Арт.

— Сволочь, — громко и неожиданно отчекливо отчеканил Кармайкл. — Мало того, что ты сделал с Конни. Ты еще и обо мне говорил...

Папочка начал вставать, задел животом столик, и стаканы брызнули радужными осколками.

— Прекратить! — крикнул он. — Всем выйти! Остаться Кармайклу и Фрисби. Надрались, мерзавцы...

Загрохотали отодвигаемые стулья, и люди, оглядываясь, стали выходить из бара.

— Прохвост, сын шелудивой суки, ты еще поползаешь у меня в ногах! — гремел Кармайкл, а Арт начал медленно вставать, не спуская взгляда с лейтенанта.

— Стоп, Арт, дай-ка твой пистолет! — приказал Папочка, и Арт покорно отдал ему оружие.

— Ну как, Папочка, как я сыграл? — спросил вдруг Кармайкл и подмигнул Арту. — Все правильно?

— Все, — улыбнулся Папочка и поднял пистолет Арта. — Продолжим уж инсценировку до конца. — Он прицелился в Кармайкла и нажал на спуск. Грохнул выстрел, и лейтенант с довольной улыбкой начал медленно оседать. На лбу у него появилась маленькая дырочка.

— Беги, — прошептал Папочка Арту, сунув ему в руку пистолет.

Арт бросился к двери, а Папочка толкнул спиной столик и упал на ковер.

Когда в бар снова вошли, Папочка застонал, с трудом сел, упираясь в ковер руками, и помотал головой.

— Что случилось? — крикнул Сардж Колла, заметив распростертую фигуру Кармайкла. Он стал на колени и приложил ухо к груди. — А вы целы, Папочка?

— Более или менее. Хорошо, что этот выродок не спутал меня с Кармайклом. Схватили его?

— Фрисби! Господи, да никто, наверное, в суматохе и не сообразил задержать его. Эй, кто там ближе к двери, поглядите, где он.

— Вот сволочь, вот сволочь, — шептал Папочка, глядя на труп Кармайкла. — Это ж надо, это ж надо, — помотал он головой, словно никак не мог поверить своим глазам. — Из-за какой-то девки продырявить товарища... Вот подлец, вот сволочь... Ей-богу, от себя заплачу тысячу НД тому, кто схватит его... А я его еще тянул, верил в него... Сардж...

— Да, Папочка?

— Он как будто женат? — Папочка кивнул на нелепо скорченное на полу тело Кармайкла.

— Да.

— Вот сволочь, — снова сокрушенно прошептал Папочка. — Пока ничего ей не говори. Я сам к ней съезжу.

Глава III

Арт добрался до Скарборо только к утру. Ночью никто не хотел ехать, а свою машину он бросил на окраине Уотерфордла. В конце концов какой-то молодой таксист с глазами начинаяющего нарка согласился довезти его до Скарборо за фантастическую сумму в триста НД. «Это даже и лучше, — подумал Арт, устало плюхаясь на сиденье. — Если они захотят

проверить и найдут эту машину и шофер подтвердит, что содрал с меня триста НД, они увидят, что я не вру».

Старенькая машина, дребезжа, мчалась по шоссе, и Арт, закрыв глаза, снова и снова видел, как Ка́рмайкл подмигивает ему и спрашивает: «Ну как, Папочка, как я сыграл свою роль?»

* * *

На мгновение ему захотелось поискать комнату где-нибудь около того дома, где он жил когда-то, но он тут же понял, что это было бы неправильно. Он ведь не круглый идиот и понимает, что такие вещи, как хладнокровное убийство товарища, члена семьи, да еще в присутствии заместителя босса, на которого он тоже поднял руку, даром не проходит. Его должны найти и должны убить. Почему он прячется в Скарборо? Да потому, что это уже территория семьи Коломбо и здесь люди Кальвино, особенно после последнего нападения на конвой, слишком спокойно себя чувствовать не будут. Отсидит в берлоге месяц-другой, пока уляжется пыль, а там можно попытаться и вообще дунуть куда-нибудь подальше, где и слыхом не слыхали о семействах Кальвино и Коломбо.

Он увидел средней руки отель под названием «Башня». Он нашел телефон-автомат,бросил три монетки, попросил Уотерфолл и, когда ему ответили, произнес лишь одно слово «Башня».

Портье за стойкой в гостинице перестал что-то жевать и равнодушно уставился на Арта.

— Мне нужен номер.

— Пожалуйста, — портье кивнул и щелчком ногтя направил к Арту бланк. — Вот, заполните.

— Номер, не соединяющийся с соседними комнатами. Без балкона и с хорошим замком на двери. И не ниже пятого этажа.

Портье по-птичьи склонил голову на плечо и посмотрел снизу вверх на Арта.

— Хорошо, сэр.

— И мне нужно, чтобы кто-нибудь приносил мне жратву из ресторана.

— Хорошо, сэр. Ваши вещи?

— Они еще не прибыли, — пожал плечами Арт, взял ключ с большой медной грушей и пошел к лифту.

— Шестой этаж! — крикнул портье. — У нас лифт без лифтера. Может быть, вам что-нибудь нужно? У нас есть первоклассные успокаивающие средства.

— Спасибо, — кивнул Арт. — Да, кстати. Чуть не забыл. Если кто-нибудь будет вас расспрашивать, не видели ли вы человека, похожего на меня, вы ответите, что не видели. Так будет спокойнее и для меня и для вас. А если вам посыпят какие-то деньги, прибавьте к этой сумме десять процентов и предъявите мне счет. Вы проценты высчитывать умеете?

— Да, сэр, — подобострастно и одновременно испуганно кивнул портье.

Арт захлопнул за собой дверцу шахты. Лифт поплыл вверх,

по-стариковски покряхтывая и пощелкивая суставами на этажах, пока не замер на шестом.

Комната неожиданно оказалась вполне сносной, именно такой, какую он хотел найти. Он сбросил ботинки и, даже не снимая пиджака, рухнул на кровать и почти тут же уснул.

Первые два дня прошли спокойно. Он смотрел телевизор, спал, снова смотрел и снова спал. Еду ему приносил мальчишка-посыльный. Арт сразу договорился с ним, чтобы он стучал в дверь условным стуком: два удара быстрых и два с паузами. На третий день вечером, когда он ждал ужина, раздался обычный стук в дверь.

— Ты? — спросил Арт, подходя к двери.

— Я, — раздался голос мальчика, и ему почудилось, что был он каким-то странным, сдавленным.

Арт усмехнулся, достал из кармана пистолет, стал спиной к стенке, повернул ключ. В дверь снаружи чем-то ударили, должно быть ногой, и в комнату ворвались двое. Арт, не целясь, несколько раз нажал на спуск. Выстрелы, казалось, не умещались в маленьком номере. Горьковато запахло дымом. Один из людей выругался вполголоса, и они исчезли, захлопнув дверь. Арт постоял с минуту, прислушиваясь к тихому всхлипыванию в коридоре. Наконец он приоткрыл дверь. Мальчишка сидел, прислонившись спиной к стене, и закрывал лицо руками.

— Ты жив? — прошептал Арт.

— Да-а, — всхлипнул посыльный. — Они увидели, как я шел с едой, и заставили меня идти перед собой. Они сказали, что, если я сделаю что-нибудь не так и вы не откроете дверь, они с меня шкуру сдерут, не целиком, а полосками. А еда на полу. Пять НД, а в чем же я виноват?

— Ни в чем, — сказал Арт. — Вот тебе десятка. И перестань реветь. — Он сообразил, что все еще держит в руке пистолет, и засунул его в карман. Он оглядел коридор, и несколько чуть-чуть приоткрытых дверей тут же захлопнулись.

— А как же вы? Голодный останетесь?

— Зачем голодный? Ты мне опять принесешь что-нибудь. Не бойся, больше они не сунутся.

— А они... это ваши враги?

— Кто знает, — пожал плечами Арт. — В наше время не знаешь, кого бояться больше, друзей или врагов.

Арт вернулся в комнату и позвонил портье.

— На меня только что было произведено нападение, — скучным голосом сказал он. — Вы случайно не посылали наверх этих двух джентльменов?

— О чём вы говорите? — фальшивым и испуганным голосом сказал портье. — Я никого никуда не посыпал. У нас приличный отель.

— Значит, вы все-таки не умеете высчитывать проценты...

— Я вас не понимаю, — пробормотал в трубке голос портье.

— Вы меня прекрасно понимаете, дружочек. И все-таки мне интересно: или вы действительно не умеете рассчитывать проценты, или вы предпочитаете наличные обещанным?

— Я вас не понимаю...

Арт положил трубку. Можно, конечно, было подождать, пока портье сообщит в полицию. Но он может струхнуть — сам послал наверх двух джентльменов, показавших ему, наверное, одновременно три предмета: пистолет, фотографию Арта и купюру в двадцать пять НД.

Он спустился вниз и минут через десять сидел уже в участке напротив дежурного сержанта.

— Нападение, вы говорите? — лениво пробормотал сержант. Он был похож на снулую рыбу. — А откуда вы знаете, что это было нападение?

— А как еще называть, когда к тебе в комнату врываются два человека с оружием?

Сержант необычайно бережно нес сигарету с длинным столбиком беловатого пепла к пепельнице. Казалось, от того, донесет ли он пепел или просыплет на большой, покрытый стеклом стол, зависит очень многое. Пепел благополучно оказался в стеклянной пепельнице, и сержант спросил:

— Вы ожидали нападения?

— Да.

— Почему?

— Потому что ожидал.

— Мистер, — угрожающе сказал сержант, — вы говорите не тем тоном. Я вас спрашиваю: почему вы ожидали нападения?

— Я приехал из Уотерфорла.

— Ну и что? Да хоть бы с Луны, какое это имеет отношение.

— Имеет. Вы знаете, в чем разница между Уотерфорлом и Скарборо? — Арт посмотрел на сержанта пристальным и многозначительным взглядом.

— Да, — неопределенно кивнул сержант. — Уотерфорл — это не Скарборо, и наоборот.

— Мне казалось естественным, — продолжал Арт, — что, если у меня неприятности в Уотерфорле, я лучше всего могу отсидеться в Скарборо. Но, кажется, у меня ничего не получилось, и сейчас я сидячая утка. А я не люблю, когда по мне стреляют, да еще прицельно...

Сержант переправил вторую порцию пепла в пепельницу, побарабанил пальцами по стеклу и сказал:

— Знаете что, я лучше доложу о вас дежурному офицеру, а вы уж сами с ним поговорите.

Сержант отвел Арта в небольшую комнатку, и вскоре туда явился совсем молоденький полицейский лейтенант. Он вошел быстро, легко, словно пританцовывая, распространяя вокруг себя запах туалетной воды. Лицо его было розово и старательно-серъезно.

Он уселся за стол, немного поиграл телом: поежился, расправил плечи, погладил ладонями грудь. Должно быть, он хотел показать, как он устал и как тяжело работать каждый день, охраняя общественный порядок в Скарборо.

— Имя? — наконец спросил он.

— Арт Фрисби.

- Место жительства?
- Уотерфорлл. А точнее, ОП Грин-Палисейд.
- Лейтенант быстро взглянул на Арта.
- Значит, у мистера Кальвино? — уже с некоторой почтительностью спросил он.
- Выходит, так.
- И вы сами приехали в Скарборо? По своей воле?
- Я уже говорил сержанту, у меня там были неприятности.
- С боссом?
- Почти.
- И вы прятались в Скарборо?
- Я все это уже объяснял сержанту.
- И вы сами пришли сюда в участок?
- Да.
- Сразу после попытки нападения на вас?
- Да.
- А как вы осмелились высунуть нос на улицу? — подозрительно спросил лейтенант. — Они же вас могли поджидать где-нибудь около отеля.

— Вряд ли сразу после нападения. Они могли рассуждать как вы. К тому же не забывайте, что они все-таки из Уотерфорла, а здесь они чувствуют себя далеко не дома. И еще. Одного я, похоже, все-таки задел.

— Ладно, — вздохнул лейтенант, — вы тут посидите, вот вам вечерняя газета, а я свяжусь с начальством.

Он вышел, и Арт услышал, как щелкнул замок дверей. Он встал, потянулся, подошел к двери, подергал — и впрямь заперта. Он развернул газету. На первой полосе было фото десятка искореженных и обгоревших машин. Над фото заголовок: «Новые данные о нападении дорожных бандитов на конвой из Скарборо». Новое заключалось в том, что в конвой были почтенные сотрудники нескольких солидных фирм из Скарборо, которые возвращались домой после служебной поездки. Ни слова, конечно, о Коломбо и ни слова о Кальвино.

Арт зевнул и отложил газету. Он не волновался. Пока все шло хорошо, все шло как задумано. У Папочки даже не голова, а электронно-вычислительная машина. Пока он кругом прав. Удивительное дело, столько жира у одного человека, а мозги что надо.

Снова щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и розовый лейтенант кивнул Арту.

— Пойдемте, внизу ждет машина.

— Куда вы меня повезете? — подозрительно спросил Арт.

— Не волнуйтесь, мистер Фрисби. Вы же прекрасно понимаете, что в участке мы вас долго держать не можем. Мы хотим вам помочь избежать повторного покушения на вас. Конечно, мы могли бы пока сунуть вас в тюрьму, но это, согласитесь, не лучший вариант.

— Я тоже так думаю, — буркнул Арт.

— Поэтому-то мы отвезем вас на одну охраняемую ферму, где вы сможете переждать кое-какое время.

— Это было бы неплохо, — Арт бросил быстрый настороженный взгляд на лейтенанта, — но что-то мне не верится...

— Мистер Фрисби, — раздраженно сказал лейтенант, — нас ждут. Вы слишком подозрительны.

— Может быть, — пожал плечами Арт. — Иначе я бы не разговаривал сейчас с вами.

— Почему?

— Потому что был бы уже давно там, где нет званий.

— Нет званий? Где это? — лейтенант с любопытством посмотрел на спутника. Он, очевидно, никак не мог допустить, что есть такие места, где он не мог бы красоваться своей формой.

— На том свете...

Длинная мощная машина стояла прямо у подъезда, и, прежде чем Арт успел сообразить что-либо, он уже сидел на заднем сиденье, и на запястьях у него серебряно блестели наручники. С обеих сторон его сжимали две молчаливые фигуры. Под тонкими пиджаками и брюками перекатывались металлические мускулы. Тела их были горячи, словно были только что выкованы и еще не успели остыть.

Машина шла почти бесшумно. Двое по бокам Арта молчали, лишь у одного что-то булькнуло в желудке. Чересчур спокойным быть тоже не годилось. «Надо показать, что я нервничаю, — подумал Арт. — А то может создаться впечатление, что я догадываюсь, куда меня везут. А это не годится. Самое страшное, если с самого начала они меня заподозрят. Один раз нужно спросить. Но два — это было бы уже глупо и нарочито. Один».

— Послушайте, — сказал Арт, прекрасно зная, что ему ничего не ответят, — что все это значит?

Он не ошибся. Ему ничего не ответили. Генератор тепла слева пошевелил ногой и коснулся случайно ляжкой ноги Арта. Ляжка была нечеловечески твердой, и Арту на мгновение показалось, что рядом с ним вовсе не люди, а роботы.

Должно быть, он в конце концов задремал, потому что вдруг почувствовал, как у него затекла шея.

Машина замедлила ход, свернула с шоссе куда-то в сторону, несколько минут плыла в кромешной тьме, освещая себе путь фарами, свернула еще раз и очутилась у ярко освещенных ворот.

Сосед Арта справа молча и ловко ощупал его, вытащил из кармана пиджака пистолет и снова застыл в неподвижности, словно у него кончился завод.

Дверцы машины распахнулись. Сильный луч электрического фонарика на мгновение ослепил Арта и потух. Видно было, что машина стоит у металлического массивного шлагбаума. Вот машина тронулась, остановилась еще перед одним шлагбаумом, нырнула в длинный туннель из сосен, подъехала к приземистому белому зданию и затормозила. Открылись двери, брызнул яркий свет, и чей-то голос спросил:

— Привезли?

— Да, — ответил человек, сидевший рядом с водителем.

— Обыскали?

— Чист.

— Давайте его быстрее. Босс ждет.

Глава IV

Джо Коломбо, глава гангстерской семьи Скарборо, строго говоря, не являл собой фигуру необыкновенную. Он не был ни отчаянным храбрецом, ни хитроумным стратегом, ни безжалостным палачом. В равной степени он не был ни трусом, ни глупцом, ни добряком. Он был обыкновенным человеком, изучившим лишь в совершенстве правила игры, царившие в том мире, в котором он жил. Он никогда не нарушал этих правил, всегда следовал им и постепенно сделался их символом, хранителем традиций, олицетворением того порядка вещей, который создал его и который он укреплял.

Он никогда не сутился, сохранял спокойствие, работал тщательно и никогда не оставлял недоделанных начинаний, ибо прекрасно знал, что неоконченное дело имеет иногда тенденцию превратиться в неожиданную автоматную очередь.

Были в семье люди более сильные, чем он, более храбрые. Стрелявшие лучше. Умевшие лучше, чем он, организовать нападение на конвой или убрать провинившегося толкача. Да, на отдельных дистанциях он мог и уступать другим, но в сумме многообразья он был недосягаем и потому уже много лет возглавлял семью.

Теперь ему предстояло серьезное испытание. Может быть, самое серьезное из тех, с которыми приходится сталкиваться главе семьи. Предстояло определить, кто из тех нескольких человек, которые составляли его ближайшее окружение, стал предателем. Он знал, что поручить это расследование кому-нибудь еще нельзя, потому что он и только он должен собственноручно выполоть сорную траву, пока она не заглушила всего поля, возделываемого им уже больше четверти века. Да и кому поручить, если он не знает, кто продал его семью, и сам расследователь может оказаться как раз тем, кого они ищут. Разве что сыну... Нет, он должен найти его сам.

Вот почему он сидел сейчас перед темноволосым молодым человеком, хотя было уже около полуночи, а он обычно уже давно спал в это время. Когда тебе за шестьдесят, цепляешься за режим.

Джо Коломбо не торопился начать беседу с человеком из Уотерфорла. Он молча рассматривал его. Что-нибудь около тридцати. Лицо было бы даже приятным, если бы не угрюмость. Характер скорее всего нелегкий. По-видимому, упрям и самолюбив, вспыльчив. В последнем можно не сомневаться. Вряд ли кто-нибудь из членов семьи решит дезертировать по трезвому размышлению: он будет обречен на месть своей семьи и постоянное подозрение новой семьи. Предателя могут ценить, но доверять — никогда. Предавший раз может предать и во второй. Предатель только тогда перестанет быть предателем, когда занимает место того, кого он предал. Как раз это, очевидно, не прочь бы сделать и та змея, что где-то ползала сейчас по Пайнхиллу. Сначала хочет ослабить его, Коломбо. Одно нападение на конвой, другое. Один провал, второй, третий, десятый. Случайность раз, случайность два, а потом пойдут разговоры. Стар стал, уже не тот. Ни одной операции спланировать не мо-

жет. А мы? Стоит ли изыхать под пулями только оттого, что старик цепляется за власть? Не пора ли? И тогда тот, кто ждал своего часа, подаст знак. Или сам прошлет его автоматной очередью. И улыбнется снисходительно. Каждому свое. Теперь его очередь.

Коломбо вздохнул, помассировал себе сердце, включил магнитофон и сказал человеку, стоявшему перед ним:

- Садись. Как тебя зовут?
- Арт Фрисби.
- Член семьи Кальвино?
- Да.
- Место в семье?
- Лейтенант.
- Кто тебя рекомендовал?
- Толстый Папочка.
- Откуда ты его знаешь?
- Я пришел к нему одиннадцать лет тому назад и сумел убедить его, что смогу быть ему полезен.
- Чем ты убедил его?
- Тем, что в девятнадцать лет я бросил белое снадобье. Сам.
- Что помогло тебе бросить?
- Девушка, которую я любил и которая любила меня, тоже была на героине и покончила с собой. Она повесилась.
- И ты...
- Я ушел из Скарборо, набрел на какую-то ферму, валялся три недели в запертом сарае. Отошел. В девятнадцать лет это иногда бывает.
- Отец, мать?
- Отец упал с лестницы и разбился насмерть. Лет двадцать, наверное, назад, а может быть, и больше. Мать умерла чуть позже.
- Значит, ты одиннадцать лет был под началом Толстого Папочки?
- Да.
- Ты был к нему близок?
- Не знаю, — пожал плечами Арт, — мне трудно судить. Наверное, он доверял мне. Мне давали ответственные задания. Я, например, командовал последним налетом на ваш конвой.
- Джо Коломбо внимательно посмотрел на Арта. «Если парень не врет, — подумал он, — он может оказаться ценней, чем я подумал сначала. У Папочки в его жирных маленьких ручках все нити».
- Хорошо, — кивнул Джо Коломбо, — расскажи мне теперь со всеми подробностями о том, что случилось такого, что заставило тебя смотреть удочки из Уоттерфолла. Ты ведь как будто не из тех, кто перебегает с места на место.

Арт начал рассказывать о склоне в баре. Говорил он скучным, равнодушным тоном, и Коломбо отметил про себя, что именно такие взрываются неожиданно и непредсказуемо.

— Ты хорошо запомнил момент, когда выстрелил в этого Кармайкла?

— Да, — кивнул Арт. — Безусловно. Я головы не терял. Этого со мной не бывает. Я даже знал в ту секунду, что это

конец всему. Но у меня было такое бешенство, я был готов на все...

— Гм, — усмехнулся Коломбо, — нельзя сказать, чтобы ты был очень логичен. С одной стороны, ты осознавал, что делаешь, с другой — был готов на все. Или ты действительно считаешь, что приставания пьяного стоят погубленной карьеры и риска для жизни?

«Первое впечатление, что он не врет, — подумал Коломбо. — Для лжи выбирают что-нибудь пологичнее. Впрочем, подождем пока с выводами».

Арт молча пожал плечами.

— Наверное, вы правы. Мне просто кажется, что я сознал все... До этого я никогда нессорился с Кармайклом. Ничего общего у нас не было.

— А ты знал, что эта девушка — Конни — его родственница?

— Понятия не имел.

— Хорошо. Расскажи мне теперь, как ты добрался из Уотерфорла до Скарборо и что случилось в «Башне»?

Арт рассказывал, а Коломбо думал о том, что уже начало второго, что давно уже пора спать, что завтра нужно кое-что проверить и лишь потом переходить к тому, ради чего он сидит в этой комнате перед этим угремым, вспыльчивым типом, который командовал налетом, во время которого он и его семья потеряла миллион двести тысяч НД плюс двадцать семь человек охраны. И хотя мысль о потерях была досадной, он не испытывал личной ненависти к этому Арту Фрисби. Его делом, делом Джо Коломбо, было благополучно доставить из Пейтона месячную прибыль его торговцев белым спадобем, ростовщиков и букмекеров подпольных тотализаторов. Таков у него был приказ. И он его выполнил. Выполнил, надо сказать, здорово. И все же они никогда не смогли бы напасть на его конвой, если бы не шпион здесь, в Пайнхилле. Вот если бы удалось вытащить из этого парня хотя бы кончик ниточки, хоть какой-нибудь обрывок, он бы уж сумел распутать весь клубок. Но нет. Сначала нужно как следует проверить этого Фрисби. Кто знает, не подсадная ли он утка. Кальвино и особенно Папочка могут обвести вокруг пальца кого угодно. Пока им удается даже обводить его, Джо Коломбо. Пока. Только пока.

— На сегодня хватит, — кивнул он. — Тебя, кстати, наркимили?

Арт отрицательно покачал головой.

— Сейчас поешь. — Он вызвал по телефону сына и, когда тот вошел в комнату, сказал: — Во-первых, покорми человека. Стыдно, что семья Коломбо оказалась на этот раз не слишком гостеприимной. Проверь лично в «Башне», кто искал этого джентльмена и почему портье указал на его номер. Найди шофера такси — старенькое «шеви», — который вез этого джентльмена в ночь на шестнадцатое из Уотерфорла в Скарборо. Узнай, как и где похоронили в Уотерфорле некоего Кармайкла и видел ли кто-нибудь своими глазами его в гробу... Ты все понял?

— Да, отец, — кивнул профессорского вида худощавый человек в очках с толстой оправой. — Тебе пора спать.

— Я тоже так думаю, — тяжело вздохнул Джо Коломбо и поднялся из-за стола.

* * *

— Ну, Арт Фрисби, — сказал Джо Коломбо при следующей встрече, — продолжим наши беседы. Все, что ты пока мне рассказал, более или менее соответствует действительности. Меня, признаюсь, несколько удивляет, как это ты все-таки вспылил в баре... Ну допустим. Бывает. Вот что, сынок, ты теперь скажи мне, слышал ли ты когда-нибудь там, в Грин-Палисейде, разговоры о Скарборо, о Пайнхиллзе. Я имею в виду нашу организацию.

— Конечно, дон Коломбо. Половину времени только о вас там и говорят. Все-таки вы — главные конкуренты. Завидуют вам. У вас семья и богаче и больше.

— Это понятно, — еще раз вздохнул Джо Коломбо. Его меньше всего интересовали комплименты. — Я имею в виду разговоры, которые показывали бы, что они хорошо осведомлены о наших делах.

— Трудно сказать... Когда мы с Папочкой обсуждали детали засады против вашего конвоя, я, помню, спросил его, надежны ли сведения. Папочка весь засиял. Вам бы надо его видеть, когда он сияет. Прямо лоснится весь. «Надежны, — фыркает, — это не то слово. Надежнее надежного».

— И все?

— А что вы хотите, чтобы я спросил у него, кто именно тут у вас работает на нас? О таких вещах не спрашивают... Может быть, если бы я знал, что окажусь у вас, разве что тогда.

— Это ты верно говоришь, Арт Фрисби. Но все-таки напряги свою память, может быть, какое-нибудь имя, намек, обрывок фразы, что-нибудь...

— Я ж вам сказал, дон Коломбо, я все-таки был только лейтенантом...

— Ты знаком одиннадцать лет с Папочкой, а это кое-что да значит. Ты не рядовой лейтенант. Ты же говоришь, что тебе намекнули о месте советника...

— Да, дон Коломбо. Я бы рад вам помочь. Я ведь понимаю, что от этого зависит, может быть, моя жизнь, но я ничего не знаю. Я рассказал вам все. Если я вам больше не нужен...

— Не пузырись. Посиди спокойно, закрой глаза, покури не торопясь и вспоминай, вспоминай. Может быть, ты вспомнишь какие-нибудь слова, которые ты слышал от Папочки или Кальвино, которые ты просто не понял, которые казались тебе бесмысленными. Или неважными. Или просто болтовней, знаешь, такой бабьей болтовней, которую иногда ведут серьезные мужчины...

— Постойте, дон Коломбо, постойте. Вот вы сказали «бабье»... Погодите... Ага, вспомнил. Как-то, совсем недавно, Папочка позвал меня к себе. Когда я входил, он разговаривал

с доном Кальвино. Босс его спрашивает: «А не слишком часто он бывает у этой бабы?» А Папочка смеется: «Он у нас человек не пылкий. Два раза в месяц как по расписанию». И я еще подумал, про кого они это, но тут же, конечно, выбросил из головы.

— Так, так, Арт Фрисби. Я вижу, с тобой можно разговаривать. Я было уже начал думать, что ты можешь только стрелять по конвоем и делать во лбу маленькие дырочки. Хорошо, Арт, иди пообедай, Марвин тебя проводит, а мне нужно подумать.

Джо Коломбо включил магнитофон и пересел со стула в глубокое кожаное кресло. Усталости не было и в помине. Так, так, так. Допустим, речь шла именно об их шпионе. Допустим, хотя, конечно, они могли говорить о ком угодно. Почему Кальвино могло интересовать, не слишком ли часто икс бывает у какой-то женщины? Допустим, потому, что эта женщина тоже их агент и каждая лишняя встреча может представлять ненужную опасность. Она может быть связной. Хорошо, но не слишком вразумительно и убедительно.

Ладно. Весь мой штаб живет со своими семьями здесь, в Пайнхилле. Если шпион кто-нибудь из них, речь идет о его поездках в Скарборо. Два раза в месяц. Мало ли по каким делам туда ездят мои люди. Но он, конечно, к этой женщине ездил или ездит один, а это уже бывает не каждый день. Итак, надо проверить по журналу главных ворот, кто и сколько раз из штаба ездил в город один. Прекрасная идея, если речь шла о шпионе. Одно маленькое «если». Но пока не было других нитей, приходилось держаться даже и за этот кончик. Если семья в опасности, надо сделать все. Все, что возможно и невозможно.

Глава V

— Сюда, — сказал молчаливый провожатый и указал Клиффорду Марквуду на дверь без таблички. — Идите, босс ждет вас.

Марквуд толкнул дверь и очутился в скромном кабинете. За столом сидел седовласый человек лет шестидесяти с небольшим с темными живыми глазами.

— Садитесь, доктор Марквуд, — кивнул хозяин кабинета на кресло у его стола. — Позвольте представиться: меня зовут Джо Коломбо. Вам это имя что-нибудь говорит?

— Я, конечно, слышал это имя, — осторожно ответил Марквуд, — но... — Он замялся и пожал плечами.

Коломбо быстро взглянул на него, будто уколол взглядом, и спросил:

— Вы догадываетесь о характере нашей организации? Вы ведь здесь уже больше месяца.

— Нет, — Марквуд хотел, чтобы его «нет» прозвучало естественно и убедительно. Он одновременно пожал плечами, покачал головой и изобразил на лице недоумение.

— Э, доктор, я начинаю в вас разочаровываться, — усмех-

нулся Коломбо. — Я предполагал, что человек с вашим образованием поймет, что самое лучшее для него — это откровенность. Своим «нет» вы меня просто оскорбляете, доктор Марквуд. Судите сами. Вам платят раза в два с половиной больше, чем обычно. При этом вы даже не имеете отношения к тому, чем, собственно, занимается машина. Те немногие, с кем вам приходится иметь дело, избегают каких-либо разговоров о характере работы фирмы. Плюс вся прискорбная история с доктором Карутти, которая вас настолько взволновала, что вы предприняли целое расследование. И после всего этого вы хотите меня убедить, что вы не догадываетесь о том, кто мы?

— Видите ли, мистер Коломбо, все, что вы говорите, прекрасно укладывается в рамки фирмы, которая выполняет сугубо секретные исследования для правительства. Так, во всяком случае, мне говорил мистер Мэрфи, когда предлагал работу.

— И вы ему поверили? Я еще раз предлагаю говорить со мной откровенно.

Марквуд взглянул на седовласого человека за письменным столом. «Что он хочет от меня? Что скрывается за этими настойчивыми призывами к откровенности? Он мне не верит. Он видит меня насквозь. Действительно, это идиотское отрицание умного человека может только раздражать. А этот Коломбо, по-видимому, человек далеко не глупый. Хорошо, допустим я буду с ним откровенен, что тогда? Не будет ли это означать, что в один прекрасный день я последую за Карутти? Может быть, на другом шоссе, но ведущем туда же, на тот свет. Но если он подозревает, что я догадываюсь, большая ли здесь разница? Не шоссе, так пуля, не пуля, так нож — господи, мало ли способов у мистера Коломбо перестать во мне сомневаться...»

— Хорошо, мистер Коломбо, — вздохнул Марквуд, — я буду с вами откровенен. Это действительно упрощает игру. А то вы знаете, что я вру. Я знаю, что вы знаете, что я вру. Вы знаете, что вы знаете, и так далее...

— Это уже лучше, — улыбнулся Коломбо. — Так что вы знаете и о чем догадываетесь?

— Видите ли, мистер Коломбо, все началось с письма, которое я получил от Карутти...

— Я знаю, — кивнул Коломбо, — я читал его.

— Значит, ко мне действительно приходили домой? Я так до конца и не был уверен. Мне казалось, что в комнате кто-то курил...

— Вы не ошиблись. Я должен был знать, что он написал вам. Наивный чудак. Он тоже не хотел быть со мной откровенным. Впрочем, в отличие от вас он действительно ничего не понимал почти до самого конца. Он все время возился с машиной, все время что-то изменял и усовершенствовал. Я до сих пор не понимал как, но он все-таки догадался. И бросился к вам, а не ко мне, хотя моя покойная жена его тетя. Но вы казались ему ближе. Вы дружили?

— Нет, просто учились вместе, некоторое время работали в одной лаборатории.

— Родство интеллектов?

— Карутти был намного талантливее меня. И отрешенное.

— Последнее верно. За два года, что он провел у нас, он ни разу не подумал о том, что в коттедже у него могут быть микрофоны. Вы же в первый вечер постарались заткнуть чем-то микрофон в спальне. Чего вы боялись? Вы что, разговариваете во сне?

«Куда он клонит, — напряженно думал Марквуд. — Чего он петляет все кругом да около? Неужели он знает о машине? Но это же невозможно. Но тогда что все это значит?»

— Обычно нет, мистер Коломбо, — сказал Марквуд, — но согласитесь, что спать с микрофоном под боком не очень приятно. Даже оскорбительно...

— Может быть, хотя нормального человека этическая сторона электронного контроля уже давно не волнует. Он живет в окружении потайных и открытых микрофонов, он то и дело сует свою ладонь в определитель личности. Его просматривают, досматривают, осматривают, слушают, прослушивают, подслушивают. А вас оскорбляет микрофон за подушкой. Но мы с вами отвлеклись. Что же, по-вашему, мы делаем?

— Мне казалось, что ваша фирма...

— Смелее, доктор!

— Гмм... близка к мафии...

«Так, пожалуй, будет правильно, — подумал он. — Я догадываюсь, но я ничего конкретного не знаю. Да и не могу знать».

— А вы знаете, что такое мафия?

— Ну, в общих чертах...

— Это не так просто. Удивительно, как легко люди пользуются словами, значение которых они не знают. Мафия, мафия, только и слышь со всех сторон о мафии, и хотя бы кто-нибудь задался вопросом: а что же это все-таки такое?

Так что же это все-таки такое? Когда-то в Сицилии слово «мафия» означало «убежище». Затем им стали называть тайную организацию, которая на протяжении веков защищала народ от самых разнообразных угнетателей. А их хватало всегда, и своих и чужих. И если сицилийский крестьянин когда-то и думал, что полиция может защитить его от несправедливости власть имущих, он быстро понял на своей шкуре, кому служат полиция и суд. И вот люди научились искать справедливости и защиты только у «мафиозо». Они были ближе им, они были одними из них. Выдать кого-нибудь полиции считалось самым страшным позором, который может пасть на семью. Закон «омертвы» — молчания — стал править страной. Мать никогда не называла полиции имя убийцы ее сына, даже если знала его. Жена — убийц мужа. Брат — брата.

Постепенно, однако, мафия стала, в свою очередь, служить богатым. Так уж устроен мир, что раньше или позже богатые используют в своих целях все, что могут. Итак, доктор, мафия быстро стала самостоятельной силой. И, разумеется, не только в Сицилии. Она не служила ни бедным, ни богатым. Она служила сама себе, обогащая своих мафиозо. Когда можно было наживаться на бедняках, мафия наживалась и на них.

Подпольные тотализаторы, проституция, игорный бизнес и, самое главное, торговля наркотиками — вот заказы, которые

мафия быстро и охотно выполняла. Постепенно, с развитием наркомании мы становились огромной силой.

Вы, господин доктор, шокированы. Вы не можете верить ушам — возможно ли такое? И как этот человек может произнести такие слова? Как у него поворачиваются языки? Поворачивается, как видите. Просто нужно перестать мыслить жалкими старомодными понятиями. Доброта, служение людям, благородство — все это прекрасные слова, великолепные слова. Но только слова. И так было всегда, и так будет всегда, потому что мы цивилизованные звери, живущие в цивилизованных джунглях. И мы отличаемся от обычных зверей лишь тем, что мы ненасытны. Ненасытны и жестоки. Наши дикие четвероногие родственники никогда не убивают ради удовольствия и никогда не убивают, когда соперники покорно подставляют шею в знак капитуляции. У нас это не проходит. Мы ненасытны и жестоки.

Но это одна сторона жизни. Другая же посложнее. Наркомания во многом заменяет процесс естественного отбора в обществе. К шприцу ведь тянутся самые слабые, самые неприспособленные к жизни, которые заранее обречены. Мы лишь заставляем их, погибая, обогащать нас. Мы первые, кто превратил естественный отбор в бизнес.

Я смотрю на вас, доктор, и вижу в ваших глазах вопрос: а полиция, суд, правительство, государство? Они существуют, и мы делаем все, чтобы обеспечить их существование. Нас устраивает то, что называют парламентской демократией. Именно этот строй позволяет нам быть той силой, которую мы собой представляем. И вы знаете, почему даже самые порядочные и благородные наши политические деятели в глубине души охотно мирятся с нами? Нет, я вовсе не имею в виду финансирование избирательных кампаний и прочее. Это просто и банально. Они знают, что мы, мафия, горой стоим за парламентскую демократию и сделаем все, чтобы защитить ее. Она нам нужна, ибо любой другой социальный строй и другая форма правления — страшная угроза для нас.

Конечно, прискорбно, что нам приходится эксплуатировать человеческие слабости, но ведь в принципе всякое общество потребления не только эксплуатирует человеческие слабости, но и создает их. Мы просто бизнесмены, доктор, стоящие формально вне закона. Но, повторяю, лишь формально. Фактически мы уже давно вписались в рамки закона, потому что созданы создается тем же обществом, которое порождает и нас.

Марквуд сидел неподвижно, внимательно глядя на человека за письменным столом. Он видел благообразные черты спокойного, немолодого лица, совсем еще живые глаза, разделенные аккуратным пробором седые волосы, слышал тихий и спокойный голос человека, привыкшего, что его всегда слушают. Человек за письменным столом был реальностью. Он существовал, в этом не было никакого сомнения. И все же Марквуда не покидало ощущение какой-то призрачности, нереальности, смутности происходящего. Ему казалось, что стоит только покрепче закрыть глаза, подержать их закрытыми несколько секунд, а потом снова открыть, как мир мгновенно вернется в старое, доброе, привычное русло. Исчезнут эти молодые еще

глаза, и седые благообразные волосы, и этот письменный стол. Все исчезнет, развеется ночным дрянным кошмаром. Но он знал, что, сколько бы он ни закрывал глаза, хоть пластырем их заклеивай, Коломбо не уйдет в сон.

И дело было вовсе не в том, что Клиффорд Марквуд впервые в жизни узнал о существовании и размахе организованной преступности в их благословенной стране. Нет, его смятение было гораздо прозаичнее и эгоистичнее, ибо он знал, что теперь, после этого непрошенного признания, его жизнь уж никогда не будет прежней, если ему вообще суждено еще прожить. Но тут какой-то услужливый тоненький голосок подсказывал ему, что никакой особой угрозы его жизни нет, потому что ни один нормальный человек — а мистер Коломбо был более чем нормален — не станет рассказывать человеку такое только для того, чтобы отправить его к праотцам.

— Вы меня понимаете? — вдруг спросил Коломбо.

— В каком смысле? — растерянно пробормотал Марквуд.

— В прямом, — усмехнулся Коломбо.

— Да.

— Ну и прекрасно. Слава богу, цивилизация приучила нас понимать многое. Теперь послушайте внимательно, доктор. Мне нужен такой человек, как вы. Человек со стороны. Человек, который еще не пропитался духом Пайнхилза. Далекий от его интриг. Практически не знающий здесь никого. Человек, для которого все здешние обитатели — абстрактные понятия, а не сплав симпатий и антипатий. Человек незаурядного ума, блестящий специалист... Вы, кстати, знаете, что ваш прежний босс, кажется его фамилия Харджис, никак не хотел увольнять вас? Грилось его основательно припугнуть. Итак, мне нужен такой человек, как вы.

— Для чего? — спросил Марквуд. Он вдруг вспомнил паука Джимми, закатанные в его паутину жертвы. Марквуд сам был теперь мухой, и его спокойно, не спеша закатывают в паутинный кокон. И не вскрикнешь, не дернешься.

— О, я к этому как раз и собирался подвести разговор. Мне нужно, чтобы вы помогли мне определить, говорит ли правду один молодой человек из Уотерфорла. Вы знаете, как устроен детектор лжи?

— В общих чертах.

— Узнайте подробнее. Мы сегодня же закажем такой детектор, а завтра вы соберете его. Если вам нужна какая-нибудь справочная литература, звоните по телефону, который вам даст Мэрфи, и заказывайте все. Не думайте о цене. Все только самое лучшее... До свидания, доктор Марквуд...

— До свидания, мистер Коломбо.

— Доктор Марквуд... вы знаете, когда я понял, что вы будете сотрудничать со мной?

— Нет.

— Когда я узнал, что второй раз своему знакомому полицейскому Ройвену Хаскелу вы не позвонили. Вы ведь поняли, что он сообщил нам, когда вы пытались узнать подробности о гибели Карутти?

— Да.

— И не позвонили еще раз. Тогда я понял, что вы умеете

смотреть в лицо фактам. А это главное... И еще. Вы, наверное, думаете, зачем я потратил столько времени на вас, так витийствовал, когда речь идет всего-навсего о сборке детектора лжи. Так ведь? Признайтесь.

— Да.

— Вот видите. Я бы действительно мог вам просто приказать, и вы бы выполнили мое приказание. Но я хочу от вас не слепого послушания, а сотрудничества. Не потому, что вы мне понравились, боже упаси. Я не сентиментален. Но вы обладаете таким товаром — тренированным интеллектом, — которым лучше пользоваться в сотрудничестве с его владельцем.

Джо Коломбо улыбнулся, отчего его глаза еще больше помолодели и лучики морщинок возле них стали казаться нарисованными.

Глава VI

Марвин Коломбо никак еще не мог поверить удаче. Это даже было больше, чем удача. Это было неслыханным везением. Он приготовился было к многодневным поискам, но все оказалось настолько просто, что к торжеству примешивалось даже легкое разочарование. Часом раньше, разговаривая за ленчем с советником семьи Руфусом Гровером, он ловко перевел разговор на женщин. Он говорил на эту тему со всеми в последние дни, и многие, должно быть, пожимали плечами. Раньше он не отличался репутацией донжуана. Руфус Гровер сказал ему:

— Ты знаешь, Тэд Валенти болтает, что стоит ему пробыть с женщиной минут пятнадцать, как ему уже страстно хочется, чтобы она провалилась в тартарары, а на ее месте появилась пара приятелей с колодой карт и бутылкой виски. Я его спрашиваю, удается ли ему сбрасывать своих дам в преисподнюю. «Нет», — говорит он. — Я придумал более простой способ. Я просто бываю у своей приятельницы не чаще двух раз в месяц и не больше пятнадцати минут. И сам убираюсь вовсюсян».

Марвин Коломбо вошел в кабинет к отцу. Старик, уже совсем старик. Шестьдесят пять лет. Впрочем, вместе со своими камнями в печени он может еще жить и жить.

— Отец, — сказал он, — Тэд Валенти бывает у своей любовницы два раза в месяц.

Джо Коломбо снял очки, отчего его глаза стали казаться меньше и злее, и начал массировать лицо ладонями. Он вздохнул несколько раз, снова надел очки и невидящими глазами посмотрел на сына.

— Так, — наконец сказал он, — Тэд Валенти... Значит, он.

— Пока это только слова Руфуса Гровера, тем более что Гровер не слишком долюбливает Валенти, как, впрочем, и наоборот.

— Да, Марв, конечно, но слишком уж велики совпадения.

— Но зачем бы Валенти, если он действительно шпионит для Кальвино, рассказывать Руфусу Гроверу о своей любовнице?

— А почему бы и нет? Элементарная мера предосторожности.

сти. Мало ли кто мог увидеть его в городе. А так пожалуйста, я и не скрывал. Рассказывал даже Гроверу, спросите у него. Хитрый пес... Найди ее, Марв, и обязательно привези ко мне сюда. Я бы хотел сам поговорить с ней.

— Хорошо, отец, найду.

* * *

Марвин Колсмбо поднялся на лифте на третий этаж. Шофер Валенти сказал, что номера он не помнит, но как будто из лифта направо. Удивительное дело, но похоже, что Валенти вовсе не делал тайны из своего знакомства с этой дамой. Вот здесь. Квартира тридцать четыре.

Он нажал на кнопку звонка. Дверь не открывали. Он нажал еще раз, прислушался. Ему почудилось, что где-то внутри скрипнуло, затихло. После пятого звонка из-за двери послышался старушечий голос:

— Кого?

— Мне нужно видеть Бернис.

— Нет ее.

— Когда будет?

— Кто ее знает, будет или не будет.

— Вы можете мне открыть?

Из-за двери донесся слабый, но ехидный смешок.

— Чего захотел... Она тоже чужим открыла... вот что получилось...

Марвин почувствовал, как у него забилось сердце. Что-то случилось, кто-то уже опередил их. Неужели это дело рук самого Валенти? Но старуха говорит — чужие. Мало ли кого он мог послать... Понимал, что что-то не так...

— Уверяю вас, бабуся, я с вами ничего не сделаю.

— Не-е, — донесся из-за двери еще один смешок, — не открою.

— Мне нужно просто поговорить с вами.

— Не-е, не открою. Она тоже чужим открыла... вона что стало.

Он вышел на улицу и не без труда нашел привратника. Дом был из сравнительно дорогих, и при нем еще сохранился привратник, оказавшийся угрюмым человеком средних лет с костяной отполированной лысиной.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал Марвин.

Привратник ничего не ответил, лишь метнул на Марвина сердтый и обиженный взгляд.

— Мне нужно поговорить с женщиной, которая живет в квартире тридцать четыре.

— Ну и говорите, — неожиданно громко рявкнул привратник, — мне-то что. Я ей не хозяин. Я вообще никому не хозяин, — с отвращением добавил он и повернулся к Марвину спиной. Марвин протянул ему пять НД, которые исчезли мгновенно, словно растворились в воздухе.

— И еще десять, — сказал Марвин, — если вы устроите мне свидание со старухой из тридцать четвертой квартиры.

— Ей же тыща лет, — привратник подозрительно посмотрел на Марвина, — ее же черт испугается.

— Я не черт. И мне с ней надо поговорить по делу.

Они снова поднялись на третий этаж. Привратник нажал на звонок и, не дожидаясь ответа, забарабанил по двери руками и ногами.

- Эй, ты что, оглохла, старая? — заорал он.
- Чего разорался, лысый пес? — донеслось из-за двери.
- Тут к тебе кавалер пришел.
- Сказала, не открою.
- Он тебе посулился пять НД дать.
- Брешешь ты все.
- Ей-богу. Сейчас он под дверь подсунет.

Марвин попытался было подсунуть купюру под дверь, но не смог — мешал наружный порожек.

— Ну видишь, — донеслось из-за двери, — я ж говорила, брешешь ты все.

— Да как же я подсуну, если не дает порожек? — сказал Марвин, подумал и добавил: — Вот что. Я оставляю вашему знакомому деньги и выхожу на улицу. Вы открываете дверь, берете деньги и выходите на улицу. Там мы и поговорим. Вы ж не боитесь выйти днем на улицу... Если вы выйдете, получите еще столько же.

— Ладно. Иди на улицу и жди там, — проворчала старуха из-за двери.

Марвин спустился вниз и вышел на улицу. Недавно прошел дождь, и лужицы быстро подсыхали на раскаленном асфальте. Около подъезда на складном стульчике сидел старик. Глаза его были устремлены вдаль с сосредоточенностью слепого.

— Мистер, — тихо сказал старик, — почему вы остановились около меня? Я не люблю, когда останавливаются около меня.

- Почему? — зачем-то спросил Марвин.
- Я боюсь людей, — вздохнул старик.
- Я жду человека.
- А... — протянул старик, и Марвину почудилось, что в голосе его прозвучало разочарование, — я тоже жду.

— Кого?

— Жду. Просто жду. Все равно кого или что.

Хлопнула дверь, и из подъезда выползла толстая старуха с морщинистым, словно печеное яблоко, лицом.

— Это вы, что ли? — подозрительно спросила она Марвина.

— Чего вам нужно?

- Привратник передал вам деньги?
- Попробовал бы не передать... Говорите, чего вам, а то я здесь на улице торчать не люблю. Вон пусть он торчит. Ему хорошо, он слепой.

— Расскажите, что случилось с Бернис?

— А чего рассказывать? Звонят это поздно вечером, я уж и телевизор выключила в своей комнате. Она сама и открыла. Это все я из своей комнатки слышу. У нас вообще хозяйка так мне говорит: «Если, — говорит, — я сама знакомым открываю, нечего тебе твой старый нос совать». Это она мне. А что я, можно сказать, вынужнила ее, это ей без внимания.

— Я понимаю, — кротко сказал Марвин. — Значит, она открыла. Что случилось дальше?

— А чего дальше?

— Это я вас спрашиваю.

— Да, вот я и говорю. Открыла она, и я слышу, спрашивает: «Что-нибудь случилось с Тэдом?» Тэд — это у неё есть такой. Лысоватенький, но вообще самостоятельный мужчина.

— Это он? — спросил Марвин и показал старухе фотографию Тэда Валенти.

— Смотри, — удивилась старуха. — Он. Он как и есть он.

— Ну и что же случилось дальше?

— Дальше... Они заряжали, а Бернис вскрикнула. То ли чего она увидела, то ли ударили ее — не знаю, врать не стану. Только замолчала она. «Ну, — думаю, — сейчас до меня очередь дойдет», — и шмыг под кровать. Вы не смотрите, я еще шустрая. И правда. Они там чего-то между собой поговорили и, я слышу, мою дверь открывают. Хорошо, я ее не заперла, а то они бы сразу поняли, что внутри кто-то есть. А так вошли они, покрутились. Я лежу ни жива ни мертвa. Лежу, смотрю на ноги. Четыре ноги. В середине комнаты постояли, подошли к кровати. Один из них говорит: «Нет старухи, ушла, видно, к любовнику». Второй заржал и говорит: «Ладно, пошли, черт с ней». Я так и поняла, что это, значит, черт со мной. «И слава, — думаю, — богу». Смотрю — и вправду ноги к двери двинулись. Ну, потом я как услышала, что дверь входная хлопнула, вылезла. «Ну, — думаю, — сейчас я Бернис скажу, что больше я у неё работать не стану. Чё хватит с меня. Что хоть я ее и вынянчила, но терпеть такую жизнь не намерена. Не для того я до седых волос дожила, чтобы как кошка от ейных знакомых под кровати шмыгать». Так ей и хотела сказать. А ее нет. Унесли ее.

— Как унесли? Откуда вы знаете, что унесли? Вы ж были в своей комнате, да еще под кроватью.

— А я и не видела. Я, молодой человек, слышала. Перед тем, как хлопнула входная дверь, один из них и говорит: «Ты смотри, маленькая, а тяжелая. Попробуй ее на себе волочь. Пусть, мол, подкинет полсотни за тяжесть».

— Кто подкинет?

— А я почем знаю, какое-то имя вроде он назвал, да я не помню. Вот и все. Вы мне еще обещали пятерку.

— Вот, держи. И когда это все случилось?

— Да позавчера. Я все жду хозяйку-то. Только ни слуху от нее ни духу. Ну ладно, я пойду, а то озябла я что-то. Да и Бернис вдруг позвонит.

— Значит, вы не помните, о ком они говорили, чье имя поминали?

— Нет. Я б сразу сказала, чего таить-то?

— Хорошо. Я еще раз приеду к вам завтра. Постарайтесь вспомнить имя. Если вспомните, четвертной ваш.

— Врешь ты, — недоверчиво сказала старуха.

— Ей-богу, — улыбнулся Марвин.

— Ну приезжай, даст бог — вспомню.

Тэд Валенти подошел к двери комнаты босса, но путь ему преградил телохранитель Коломбо.

— Я очень сожалею, мистер Валенти, но есть приказ забирать оружие у всех, кто входит к боссу.

— А что случилось? — встревоженно спросил Валенти.

— Не знаю, у меня приказ.

Валенти протянул телохранителю пистолет, постоял, пока тот ловко не ощупал его, и спросил:

— Теперь можно?

— Идите, мистер Валенти, босс вас ждет.

Валенти вошел в комнату. Он взглянул на главу семьи и наклонил голову:

— Добрый день, дон Коломбо. Вы звали меня?

— Да, Тэд. Марвин и я хотели спросить у тебя, сколько тебе платит дон Кальвино. Нет, нет, Тэдди, не волнуйся. Мы же не налоговое управление. Просто любопытно. Может, это действительно выгодно — шпионить? Расскажи нам, Тэдди-бой.

Коломбо внимательно посмотрел на Валенти и заметил, как тот с трудом проглотил слюну и неуверенно, как бы на пробу, сложил лицо в улыбку. Но улыбка мгновенно исчезла, когда взгляды их встретились.

— Так тебе не хочется ничего рассказать нам? — мягко, почти ласково спросил Коломбо. В его вкрадчивой неторопливой манере было что-то от кошки, которая собиралась поиграть с жертвой.

— Я... я не понимаю, — пробормотал Валенти. — Я не могу понять, шутите ли вы, дон Коломбо...

— Ну, конечно, шутим. Шутим, почему же нам не шутить, когда у нас хорошее настроение, когда нам весело, когда, наконец, я знаю, кто предает и продает меня и всю семью. Согласись, это случается не каждый день, Тэдди, и не каждый день можно накинуть на шею бывшему другу, которого ты собственноручно вытащил из деръма, хорошенъкую удавочку. Можно было бы, конечно, и просто пустить пулю в лоб, но не надо забывать старых традиций.

— Нет, нет, нет! — слабо крикнул Валенти и упал на колени. — Богом клянусь...

— Ты же у нас атеист, — улыбнулся Коломбо.

— Клянусь всем, что вы сделали для меня, дон Коломбо...

— Так это я сделал, а не ты. Я тебя вытащил из джунглей, где ты под именем Эдди Макинтайра размешивал белое снадобье молочным сахаром, чтобы трижды обокрасть и тех, кому ты толкал героин, и тех, кто тебя им снабжал. Ты и капитан Доул, я вас вытащил обоих, когда вас хотели наказать, чтоб другим было неповадно красть у тех, кто тебя кормит. Доул сегодня наш уважаемый сенатор, гордость Скарборо. Сенатор и респектабельный бизнесмен, у которого вложено в дело почти полмиллиона. Ты же, Тэд Валенти, дослужился до советника семьи. У тебя жена и двое детей, на которых ты получил лицензии. Ты уважаемый гражданин. Ты неплохо работал, потому что чем выше ты поднимался под моим крылом, тем больше, надо думать, тебе платил дон Кальвино.

— Го-осподи, го-ос-поди! — взвыл Валенти и ударил головой об пол. — Это ложь, ложь, ложь! Слова здесь нет правды, дон Коломбо, клянусь вам. Детьми клянусь! Кто, кто мог вам нашептать такое? Почему вы так решили, почему вы отвернулись от меня? Жизнь моя вся прошла у вас на виду... — Он начал всхлипывать.

— Ты неплохой актер, — улыбнулся Коломбо и несколько раз хлопнул в ладоши. — Я аплодирую твоей игре, потому что я человек справедливый. Что хорошо, то хорошо. Я ничего не буду от тебя утаивать. К нам из Уотерфорла перебежал человек. Он рассказал, между прочим, о разговоре, который он случайно услышал и который вели между собой дон Кальвино и Папочка. Кальвино беспокоился, не слишком ли часто ездит один человек к своей dame, а Папочка успокоил его, человек этот не пылкий и ездит всего два раза в месяц. Этот человек ты.

— Дон Коломбо, — протянул руки Валенти. — Это вы говорите о Бернис? Так спросите ее, она вам подтвердит под пыткой, что ничего у меня и в мыслях не было.

— Она ничего не подтвердит.

— Почему, дон Коломбо? Почему? Сжалитесь надо мной, почему?

— Ее похитили. Ее нет.

— Кто похитил? Зачем?

— Это я как раз тебя хотел спросить.

- Найдите ее, богом вас заклинаю...
- Ты к ней так привязан? — улыбнулся Коломбо.
- Нет, чтобы она подтвердила мою невиновность.
- Хватит, ты становишься, смешон. Оставайся хоть мужчиной.
- Но я же не скрывал, что езжу к ней. Все знали об этом.
- И даже в Грин-Палисейд? Даже дон Кальвино знал?
- Господи, что же это? — Валенти на коленях добежал до кресла, в котором сидел Коломбо. — Господи, это же заговор врагов моих! Я знаю, дон Коломбо, это все чудовищные интриги Руфуса Гровера. Он ненавидит меня. Да, я ему говорил, что езжу к Бернис. Разве это преступление? Я сам предлагал познакомить его с ней.
- Хватит, Тэд Валенти, ты мне надоел. У меня все уши полны твоим визгом. Будь мужчиной. Ты ведь у нас атеист, так что тебе нечего беспокоиться из-за ада. Эй, — крикнул он, — возьмите его!
- Дверь бесшумно распахнулась, и в комнату вошел телохранитель дона Коломбо. Он легко, словно ребенка, поднял Валенти с ковра и посмотрел на босса..
- Запри его пока в подвале.

Окончание в следующем выпуске

БЕЛОЕ СНАДОБЬЕ

Фантастический роман-памфлет

МАРКВУД И ФРИСБИ

Глава I

Клиффорд Марквуд вылез из-под душа, вытерся и посмотрел на себя в зеркало. Удивительный все-таки перед ним был человек, решил он. Мало того, что физиономия у него всегда была ассимметрична и унылая, теперь в ней появилось что-то совсем отталкивающее. Блудливо-самодовольные глаза, трусливо-жестокие губы. И не мудрено, впрочем. Доктор Клиффорд Марквуд, друг гангстерского лорда. Друг и поверенный. Интеллигентный и образованный человек, который с таким интересом выслушивает лекции по истории мафии. Кто сможет еще так оценить тонкие силлогизмы седовласого джентльмена? Никто. Народ все вокруг грубый. Стрелять? Это пожалуйста! А вести после стрельбы тонкие просвещенные беседы — для этого, извольте, мы держим специально-го человечка. Как же, как же, с образованием. Настоящий доктор наук. И не какой-нибудь адвокатишко, которые толпятся в очереди перед дверями мафии — авось возьмут, а специалист по компьютерам. И заметьте, человек со стороны, будней наших не знает, все ему в диковинку. Надо будет вас познакомить. У него, представляете, еще есть совесть... ха-ха... представляете? Правда, чуть-чуть, но есть еще, и так забавно следить, как он ее, совесть, выжимает из себя. Что вы хотите, человек он образованный, не может просто вспороть кому-нибудь брюхо, как это делаем мы. Должен же он помучиться немножко. Нет, нет, я вам его не уступлю, мне свой ученый тут нужен.

Да, Клиффорд Марквуд, это ты можешь. Что-что, а по части самобичевания ты мастак...

Ну хорошо, а если прямо сказать: мистер Коломбо, я вас презираю и ненавижу. Вы чудовище. Я отказываюсь иметь с вами дело. Я буду всеми силами бороться с вами. Всегда и везде. Что вы говорите? Стать сюда? Зачем? Ах, чтоб не забрызгать мозгами ковер, когда вы сейчас будете стрелять в меня? Нет, дон Коломбо, я вас предупредил, что буду бороться против вас — я забрызгаю своими мозгами ваш ковер, причинив вам тем самым ущерб в пять кредиток на химчистку.

А если серьезно? А если серьезно, то на душе муторно, а что делать, не известно ни мне, ни даже мудрой машине. Пока

ждать, даже отдаёт себе отчет, что с такого Бездолотного сожидания, когда человеку кажется, что он лишь выжидает благоприятного случая, чтобы потом проявить верность принципам, — и начинается предательство. Кто определит, что такое благоприятный случай? То, что имеешь сегодня? Пожалуй, нет. Надо подождать, может, завтрашний день принесет действительно благоприятный случай. А принципы? А что принципы, я же им серен. Просто жду благоприятного случая.

Марквуд сварил себе кофе, выпил пару чашечек и вышел на улицу. Хвойный густой воздух настаивался на солнечных лучах. В торжественной сосновой тишине слышно было, как деревья, потрескивая, разминают суставы. Пайнхиллз. ОП, охраняемый поселок. Сосновые холмы. Богом благословенное место. Дорогое место. Стоило миллионы. Миллионы, по крохам собранные, скопленные, уворованные нарками для короля Гангстерляндии, его светлости дона Коломбо Первого.

Под ногами у него хрустнула сухая веточка, и на мгновение ему почудилось, что это хрустнуло стекло шприца. Ничего удивительного. Эти благословенные холмы стоят на шприцах. Не Гангстерляндия, а Шприцляндия...

Его уже ждали. Конвоир — дюжий парень, и тот, ради которого он выслушал столь замечательную лекцию по истории мафии. Лекцию, прочитанную самим доном Коломбо.

— Возьмите его наверх, мистер Маркауд? — спросил конвоир.

— Да, в мою комнату.

Сни молча поднялись по лестнице.

— Мне помочь вам? — поинтересовался конвоир.

— Да нет, я сам справлюсь, спасибо, — кивнул Марквуд.

Сни остались вдвоем и оценивающе осмотрели друг друга.

— Как вас зовут? — спросил наконец Марквуд.

— Арт Фрисби, — ответ был четкий и старательный, как у ученика, который хочет показать учителю свою дисциплированность.

— Прекрасно. Будем знакомы. Меня зовут Клиффорд Марксайд, и мне поручили произвести испытание вас на детекторе лжи... Вы знаете, кстати, что это такое?

— Так, — пожал плечами Фрисби, — в самых общих чертах.

— Ну хоть назначение его вы себе представляете? — Марквуд вдруг почувствовал, что говорит снисходительным тоном

Специалист по электронно-вычислительным машинам Клиффорд Марквуд узнает, что при попытке встретиться с ним погиб его товарищ Франк Карутти. Вскоре Марквуд начинает работать в фирме, где Карутти наладжал и усовершенствовал огромный компьютер. Усовершенствовал так блестяще, что машина обрела способность мыслить. Она вступает с Марквудом в контакт и подтверждает его подозрения: фирма, пригласившая его на работу, — на самом деле прикрытие для гангстерской «семьи» Джо Коломбо...

...Арт Фрисби, выросший в асфальтовых джунглях, зараженных наркоманией, дослужился в другой

сержанта, обращающегося к новобранцу. Боже мой правый, я презираю человека за то, что он плохо знает, что такое дэтектор лжи!

— Назначение? — переспросил равнодушно Фрисби.

— Да.

— Догадываюсь.

Марквуд посмотрел на Фрисби и подивился какой-то апатии испытуемого, глубокому безразличию, наконец просто отсутствию самого элементарного любопытства. Не его, Марквуда, собирались испытывать, а он, и тем не менее сердце у него билось учащенно. Перед ним человек, похожий на корову, ведомую на убой. Она спокойно пережевывает в блаженном неведении свою жвачку, а он, тонко организованный поводырь, переживает за корову. Но все это самое элементарное и самое привычное для него принаряживание своей трусости, ее обла гораживание. Что ни говори, а по этой части он мастак. Ни подлости, ни трусости — один лишь трепет высокоорганизованной нервной системы.

Он усадил Фрисби на стул и долго и неумело возился с датчиками, прикрепляя их клейкой лентой к его телу. Наконец он управился со всем: пульс, электропроводность кожи, дыхание и другое. Датчики он соединил с машиной.

Он начал задавать вопросы, помня об инструкциях, которые получил от Коломбо. Мистера Коломбо несколько смущала ссора в баре, и нужно было подойти к ней неожиданно. Поэтому вопросы вначале были отвлекающие, безобидные, простые. Он заранее договорился с машиной, что она будет анализировать одновременно и сами ответы как таковые, и показания физиологического состояния Фрисби. Замечания и указания машина должна была сообщать по радио, и в ухо Марквуда был вставлен крошечный приемник.

Арт отвечал на вопросы скучным, ровным голосом.

«У меня впечатление, — вдруг сказала машина, — что его угрюмость, как бы внутренняя замороженность, в общем для него привычны. Он не стал таким с момента ссоры в баре. Скорее всего причины формирования такого характера лежат где-то глубже...»

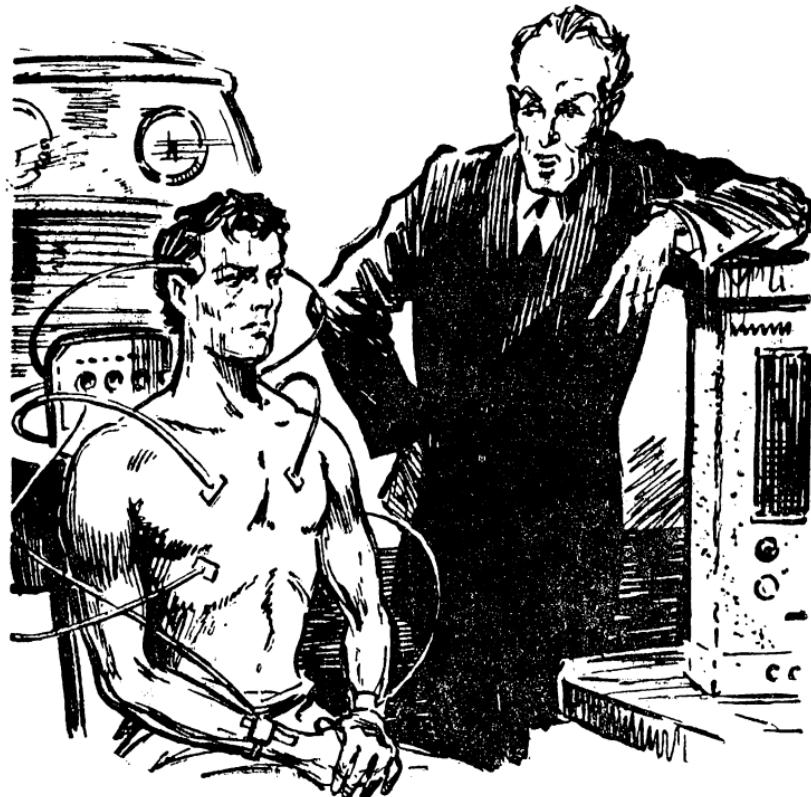
Марквуд посмотрел на Фрисби. Вот перед ним сидит ладно скроенный человек лет тридцати с правильными, но маловыра-

гангстерской «семье», возглавляемой Филиппом Кальвино, до «лейтенанта». Ему поручают ответственное задание. Делая вид, что он бежал от дона Кальвино, Арт должен попасть к Джо Коломбо и дать понять, что один из его советников — Тэд Валенти — шпионит для «семьи» Кальвино. Эта операция, по мысли Кальвино, должна отвести подозрения Коломбо от истинного шпиона, имя которого Арту Фрисби неизвестно. Арт соглашается сыграть свою роль перебежчика, так как ненавидит Тэда Валенти, который обманом приохотил его в юности к героину — белому снадобью. Один лишь Арт знает, чего это ему стоило...

зительными чертами лица и ждет очередного дурацкого вопроса. Человек, устроенный так же, как он. Его земляк по планете. И он не понимает его, не знает его. Словно они заряжены одноименными зарядами и не могут приблизиться друг к другу. Что в голове у этого Фрисби, что за пружинка заставляет его дышаться, думать, жить? Кто он, что он, для чего он? Неужели нельзя преодолеть одноименность зарядов и приблизиться друг к другу, не испытывая взаимного отталкивания? Ах, ах, — тут же поймал он себя, — какие прекрасные слова! Земляк по планете. А он, тонко организованный Клиффорд Марквуд, пытается этого самого земляка поймать, дабы укрепить или развеять подозрение гангстера. Для чего он играет эту дурацкую роль? Только ли оттого, что в услужении Коломбо для него есть какая-то надежда? Надежда на что? На то, что он выживет? А для чего?

— Послушайте, Фрисби, — сказал Марквуд, — для чего вы живете?

Фрисби поднял глаза и посмотрел на Марквуда. Он, должно быть, ожидал улыбки, но Марквуд был серьезен.

Рисунки Ю. МАКАРОВА

— Не знаю, — медленно сказал он. — А вы знаете? Вы человек образованный, а у меня четыре класса за душой. Вы даже книги, наверное, читаете. Вот и объясните, для чего вы живете.

— Не знаю.

— А чего же вы меня спрашиваете?

— Мне на минуту показалось, что у вас есть цель в жизни. Что вы, в отличие от меня, знаете, для чего вы дышите и шевелитесь. Мы ведь все дергаемся, как маленькие заводные игрушки. Бегаем, чтобы было что поесть, где поесть, на что купить, с кем лечь спать. Это все не цели...

— А... Верно... Цель — это другое. У меня, если подумать, были цели...

«Легкое отклонение от нормы», — послышался в ухе у Марквуда голос машины, — разговор о цели имеет для Фрисби эмоциональную окраску».

— Какие же? — спросил Марквуд.

— Разные, — пожал плечами Фрисби, — в разное время разные. Бывают цели поменьше, бывают покрупнее. А бывают и такие, которые помогают жить.

«Еще раз обращаю внимание, — пискнуло в ухе у Марквуда, — разговор о целях волнует его, но он старается держать себя в руках».

— Возможно, — кивнул Марквуд Фрисби. — Даже не возможно, а безусловно. Вопрос о другом. Ну хорошо, у вас есть цель. Вы ее достигаете. Допустим. А что дальше? Вы ставите себе новую цель?

— Не знаю, — покачал головой Фрисби. — Я в философии не разбираюсь. Каждый живет как может. Один одним — другого другим. Люди себе цели не ставят. Жизнь их ставит.

— А вам какие цели ставила жизнь?

— Разные. Я вот когда был совсем еще сопливым, поставил себе целью стать сильнее одного мальчишки, который меня тиранил... — Фрисби слегка улыбнулся, словно ему было приятно вспоминать, как его тирикли. — Я устроил себе что-то вроде турника из куска трубы. Сначала я, не то чтобы подтянуться, даже висеть толком не мог, а потом пошло...

— И вы поколотили своего тирана?

— Да. Это был хороший день.

— Мне кажется, у вас должна быть сильная воля.

— Может быть, — пожал плечами Фрисби. — Не знаю.

— Но вы ведь, кажется, пристрастились к героину и все-таки сумели бросить. Так, во всяком случае, вы говорили мистеру Коломбо.

— Это правда.

— Но бросить героянчно трудно. Практически невозможно. Он же включается организмом в процессы обмена. Что вас заставило бросить?

«Все датчики регистрируют эмоциональное отношение к вопросу», — предупредила машина.

— Мне повезло, — еле заметно усмехнулся Фрисби. — Я полюбил одну девушки. А она повесилась. Из-за белого снадобья. Она, выходит, тоже была волевым человеком. Обычно нарки умирают медленно. Так, что они даже сами не замечают, как

окочуриваются, не говоря уже об окружающих. Может, это потому, что и жизнь-то нарка трудно назвать жизнью... Так. А она решила умереть сразу... Тогда я и надумал бросить.

— Почему? Вы были потрясены ее смертью? Я понимаю. Но все-таки как вы бросили? Наоборот, в вашем состоянии тогда естественно было бы искать успокоения в наркотиках.

— Наверное, вы это понимаете лучше. А я думаю, что мне удалось все-таки бросить из-за сильного чувства.

— Любовь к этой девушки?

— Нет, не совсем. Мне кажется, из-за любви того не сделаешь, что сделаешь из-за ненависти.

«Эта тема необыкновенно для него важна, — сообщила машина Марквуду. — Он справляется с волнением только усилием воли».

— Простите, Фрисби, я вас не совсем понимаю. Ненависть — это действительно сильная штука. Кого вы ненавидели?

— Был толкач, который сначала меня подколол обманом, а потом, когда Мери-Лу — так ее звали — все старалась помочь мне бросить, он ее убедил, что вдвоем бросить легче. Что она меня лучше понимать будет. В общем, и ее приспособил к шприцу. Его-то я и возненавидел. Хотя, если как следует разобраться, — задумчиво протянул Фрисби, — я его возненавидел только потому, что уж очень сильно любил ее. Вот ведь что получается, без любви не было и ненависти. — Он усмехнулся и покачал головой, удивленный, должно быть, своим открытием.

— Ну и что, удалось вам еще встретиться с ним?

— Да нет, все это давно было. Одиннадцать лет назад... Так вот, вспомнил тут с вами. А так все это дело забытое...

«Сильный сдвиг всех показаний датчиков. По-видимому, ответ представляет сознательную ложь», — пропищало в ухо Марквуда.

— А как его звали? — спросил Марквуд и посмотрел на Фрисби. И без анализа машины видно было, что вопрос был собеседнику неприятен.

— Не помню. Мало ли было толкачей. Если б я всех толкачей, с кем приходилось иметь дело, помнил, у меня б голова давно лопнула бы...

«Безусловно, сознательная ложь», — констатировала машина. — По-видимому, имя и личность этого толкача играют в жизни Фрисби большую роль. Именно играют, а не только играли. Слишком велика эмоциональная реакция. Мне кажется, что следует пойти обходным путем. Постарайтесь узнать, где все это происходило. Когда, мы уже знаем. Примерно одиннадцать лет назад».

— Послушайте, Фрисби, вот вы сказали, что ненависть важнее в жизни, чем любовь. Ну допустим, что вы сейчас так думаете. Допустим даже, что вы правы. Но в детстве вы, наверное, были другим? Пока жизнь не повернулась к вам своей жестокой и грозной стороной.

Фрисби исподлобья посмотрел на Марквуда. Странный человек — подумал он. Странные вопросы, глупые вопросы. Чистоплюй из охраняемого поселка. Но ведь он сам-то здесь у Коломбо. Что же строить из себя наивную девицу! Или все они с образованием чокнутые?

— Позвольте вас спросить, мистер Марквуд, вы сами где родились, не в ОП случайно?

— Да.

— А я в джунглях. И там жизнь не крутится перед их обитателями то одним, то другим боком. Она вам не вертихвостка какая-нибудь. Она всегда повернута к ним одной стороной. На то это и джунгли.

— Где вы выросли? Я имею в виду — в каком городе?

— Здесь, в Скарборо.

— Где именно?

— На тридцать второй улице. Если вы представите не просто джунгли, а болото в джунглях, так это как раз там...

Марквуд на мгновение вообразил, как перетряхивает свою магнитную память машина, которая должна помнить всех тех, кто работает или работал на семью Коломбо. Если этот толкач не был диким...

«Это участок Тэда Валенти, которого тогда звали Эдди Макинтайр», — передала машина.

Так, спокойно, не торопясь, сказал себе Клиффорд Марквуд. Обдумай все спокойнее. Этот человек, Фрисби, конечно, знает, что Эдди Макинтайр стал теперь Тэдом Валенти и входит в число самых приближенных к Коломбо людей. Знал и скрывал, что знает. Почему? Наиболее естественный ответ: боялся за свою шкуру. Ведь могли бы тогда подумать, что он оказался здесь для мести и вся история с побегом из Уотерфорла лишь инсценировка. Что значит, инсценировка? Какая, в конце концов, разница, убил ли он Кармайлка в порыве гнева или для того, чтобы его появление здесь, в Пайнхиллзе, выглядело правдоподобным? Но раз Кармайлк действительно убит, выходит, он был убит хладнокровно, только для инсценировки? А может быть, в инсценировке принимал участие не он один? Нет, это уже область чистого вымысла. Чистая спекуляция.

— Когда вы узнали, что Тэд Валенти когда-то назывался Эдди Макинтайром? — спросил Марквуд.

— Не помню, — медленно сказал Фрисби и пожал плечами. «Безусловно, ложь, — комментировала машина. — Кроме того, ему вообще следовало бы несказанно удивиться. Это его первая грубая ошибка. Ведь из всего предшествующего разговора должно было явствоваться, что он даже Макинтайра не помнит, а не то, что Макинтайр и Валенти — один и тот же человек. Теперь задайте ему вопрос: сам ли он узнал, что Эдди Макинтайр служит Коломбо, или ему сказали?»

— Скажите, Фрисби, вы сами узнали, что Макинтайр и Валенти одно и то же лицо, или вам кто-то сказал об этом?

— Сам.

«По всем физиологическим показателям — ложь. Пульс сразу дошел до девяноста против его обычных семидесяти двух. Марквуд, начните снимать с него датчики и, когда вы все их снимете и он начнет успокаиваться, задайте ему вопрос, для чего его послали в Пайнхиллз. Спросите между делом, небрежно. Я буду следить за его голосом и выражением».

Марквуд посмотрел на Арта Фрисби. Тот устало опустил плечи, но лицо его по-прежнему было непроницаемым и неподвижным. «Думающий компьютер да еще человек — не слишком ли

много для одного гангстера с четырьмя классами образования? — подумал Марквуд. В нем впервые шевельнулось нечто похожее на симпатию к человеку, сидевшему перед ним. Почему вообще он проявляет такое рвение в допросе? Почему он, ученый, привыкший думать, что он сам себе хозяин, вдруг лезет из кожи, чтобы помочь одному бандиту поймать другого? Что ему вообще до этих людей с их заботами? Ну хорошо, раз попал он сюда, в это осиное гнездо с философствующим гангстером во главе, — значит, попал. И вряд ли выберется отсюда вообще. Но загонять кого-либо в угол при помощи думающей машины? Да еще испытывать при этом охотничье возбуждение? До каких же пределов подлости может человек докатиться и оправдывать себя при этом? Хотя бы азартом охоты или поиска...

Он молча подошел к Фрисби и подумал, что надо иметь железные нервы или вообще ничего не понимать, чтобы сохранять такое спокойствие. Но он же понимает. В его мозгу бушуют бури: страх, ненависть, боязнь, что вот-вот он проговорится. Нет, право же, в неподвижном лице Фрисби было что-то стоеческое, индейское...

Марквуд начал снимать с Фрисби датчики. Тот облегченно вздохнул, слегка развел руками, разминая затекшие плечи.

— Да, Фрисби, — как можно небрежнее спросил вдруг Марквуд, — а чего вас все-таки послали сюда, в Пайнхиллз?

— Не знаю, — машинально сказал Фрисби и тут же вздрогнул, словно его ударили электрический ток. — Я хочу сказать, что не понимаю вас, — добавил он и сам понял, что голос его звучит жалко и неубедительно. Он побледнел. Кулаки его несколько раз сжалась и разжались. — Меня никто не посыпал, — твердо сказал он. — Никто. Все было так, как я рассказывал дону Коломбо. Можете меня пытать.

Значит, его послали сюда. Значит,нюх не подвел мистера Коломбо. То, что произошло в баре, было инсценировкой. У Арта Фрисби есть цель. Им движет ненависть. Ненависть к Макинтайру — Валенти. Значит, те, кто его послал, тоже хотят причинить вред Валенти. Ну что ж, у этого парня хоть есть в жизни цель. Хоть негативная, но цель. А у меня нет. Ни негативной, ни позитивной. Он не боится, а я боюсь. Боюсь всего. Я и пошел-то сюда только из-за страха. Из-за страха остаться без работы и быть вышвырнутым из привычного ОП в джунгли. Мэрфи и его хозяин не ошиблись во мне. Именно такие мучающиеся тряси и служат хозяину лучше всех.

Его мысли прервал голос машины: «Я бы сообщила о результатах дону Коломбо. Мне кажется, что детектор лжи кое-чего стоит. Это может пригодиться...»

Глава II

Марвин Коломбо снова подошел к знакомой уже двери и нажал на кнопку звонка.

— Кто там? — почти сразу ответила старуха.

— Мы с вами вчера беседовали...

— Ну славе те, господи, — послышался облегченный вздох, и дверь распахнулась. — А я уж боялась, что вы не придетете, мистер. Деньги при вас?

— Какие деньги? — рассеяно спросил Марвин.

— Это как какие? — испуганно спросила старуха, стоя прямо перед Марвином и глядя ему в глаза. — А кто мне полсотни обещал, ежели я вспомню? — в голосе старухи появилась дребезжащая визгливость. — Я цельную ночь глаз не сомкнула — все вспоминала, чуть голова не лопнула, а у меня и так давление, а ты прикидываешься, что не знаешь, какие деньги.

Марвин потряс головой. Не может быть. Два раза подряд так не везет. Сейчас старуха исчезнет, растворится, и он снова окажется за своим письменным столом и юркнет как мышь в гору документов. Но старуха не исчезала, и Марвин сказал с нежностью, которая была для него непривычна:

— Да есть же деньги, вот они. Хотите две по двадцать пять. А хотите — одной бумажкой.

— Тогда слушай, — степенно кивнула старуха. — Вот тебе имя-то. Значит, один из них и говорит другому: «Маленькая, а тяжелая. Попробуй ее на себе волочь. Надо бы, чтобы Руфус Гровер подкинул нам по полсотни за тяжесть».

— Как вы сказали? — чуть не подпрыгнул Марвин. — Руфус Гровер?

— Ну а я что говорю? Руфус Гровер.

— Точно?

— А я что, придумала? Я б тогда еще вчера придумала. Всю ночь вспоминала, веришь — глаз не сомкнула, а у меня давление...

Марвин не стал ожидать лифта, а бросился вниз по лестнице, перепрыгивая сразу через три-четыре ступеньки. Это даже бы-

ла не просто удача, это невозможно было себе представить. И даже дело не в том, что шпионил-то вовсе не Валенти, а сам Руфус Гровер, черт с ними с обоими. Дело в том, что теперь-то уж отец поймет, что на него можно положиться. Исчезнет из отцовских глаз то снисходительное выражение, которое всегда в них появлялось, стоило ему заговорить с сыном. Не ценил его отец, считал, видите ли, адвокатишкой, испорченным слишком легкой жизнью, способным лишь оказывать услуги. А для главы семьи, для настоящего босса нужна, мол, прежде всего твердость, жестокость, предприимчивость. Вот тебе и предприимчивость, вот тебе и правая папенькина рука. Руфус Гровер. Кто бы мог подумать...

Он не помнил, как домчался до Пайнхилла и как ворвался в домик, в котором жил отец. Телохранитель кивнул ему, и он понял, что старик у себя. Он даже не постучал в дверь, а распахнул ее толчком. Коломбо сидел за письменным столом, обложившись бумагами. Он поднял глаза и понял, что случилось что-то важное.

— Руфус Гровер, — задыхаясь, пробормотал Марвин.

— Что Руфус Гровер?

Старуха вспомнила. Те двое, что похитили Бернис, говорили между собой, что она маленькая, а тяжелая и что надо бы, чтобы Сы Руфус Гровер подкинул им по полсотне.

— Она назвала имя Руфуса Гровера?

— Да. Темная, наполовину выжившая из ума старуха. Она не могла ничего придумать.

— Да, наверное... Марвин, налей мне немножко выпить. И можешь плеснуть себе.

Марвин подошел к бару, налил два стакана виски, бросил туда льда и добавил воды. Старик, видно, раз волновался. Он ведь пьет только, когда что-то его очень беспокоит. Вообще-то ему нельзя. Печень. Еще, не дай бог, что-нибудь с ним случится. Нет, нет, он, конечно, не желал смерти отца, боже упаси, но вместе с тем мысль о его смерти не пугала его, не несла эмоционального заряда, а была лишь некой абстракцией.

Джо Коломбо сделал глоток, облизал губы, поставил стакан на папку с бумагами — боится, что от мокрого стакана может остаться пятно на полированном столе, подумал Марвин, — помассировал руками лицо.

— Это несколько меняет картину, — вздохнул Коломбо.

— Еще бы. А я было уж решил, что на Кальвино работает действительно Валенти.

Марвин мог бы, конечно, сказать: «Ты было уже решил», но старик не прощал, когда его тыкали носом в собственные ошибки.

— Да, похоже было, — согласился Джо Коломбо. — Значит, это Руфус Гровер.

— Да, отец, теперь уже сомневаться не приходится. Посуди сам, какая получается картина. Мы узнаем, что в нашем штабе кто-то из наших приближенных к тебе людей работает на Кальвино. Это факт.

— Это факт, — кивнул Джо Коломбо.

— К нам попадает Арт Фрисби, и от него мы узнаем, что Ка

вино заботит человек, посещающий свою приятельницу дважды в месяц. Мы узнаем, что это Тэд Валенти. Это факт.

— Это факт.

— Дальше. Нам удается узнать адрес этой Бернис, причем выяснилось, что Валенти вовсе не скрывал ни Бернис, ни ее адреса. Даже предлагал познакомить с ней Руфуса Гровера. Это факт.

— Это факт, — слабым эхом отозвался Джо Коломбо.

— Я нахожу квартиру Бернис. Ее похитили. Похитили после того, как в Пайнхиллзе появился Арт Фрисби. Я решаю, что все сходится. Шпион — Тэд Валенти. Именно его имел в виду дон Кальвино в разговоре с Папочкой. А когда они узнали, что Арт Фрисби у нас, они убирают на всякий случай Бернис, которая, очевидно, была связной и что-то могла знать.

Но это не так. Шпион не Валенти, а Руфус. Это, кстати, Руфус сказал мне о Бернис. Чтобы отвести подозрение от себя... Постой, постой, значит, этот Арт Фрисби... Значит, его подослали... Подослали с байкой о человеке, который ходит дважды в месяц к своей приятельнице. Теперь все понятно. Руфус знает об этом, сообщает в Уотерфорлл, и все вместе они разрабатывают просто дьявольский план. Бросить подозрение на Валенти. Все указывает на него. На шее его затягивается традиционная удавка — все в порядке. Невинный человек на том свете, а шпион может теперь спокойно работать, пока Кальвино не решит, что можно вообще разделаться с семьей Коломбо. Имея такого шпиона, грех не попробовать. Руфус Гровер... Кто бы мог подумать... Предан как собака, казался преданным как собака. Боже, что было бы, если бы старуха не вспомнила имени или эти два похитителя получше обыскали бы квартиру...

— Никогда не верь никому, — сказал Джо Коломбо, поднял стакан и посмотрел его на свет. — Ты думаешь, я тебе верю до конца, сын мой? Ты ведь сам не против стать главой семьи? А? Тебе ведь кажется, что ты бы уже развернулся, что я слишком много плачу и полиции, и судьям, и депутатам. Так ведь?

— Господь с тобой, отец... — испуганно промямлил Марвин.

— Господь со мной, — кивнул старик. — Он-то и учит меня никому не верить. Есть только интересы. Если твои интересы совпадают на какое-то время с интересами другого — можешь рассчитывать на него. Если нет, лучше подумай о своей безопасности. Так-то, сынок. И поди скажи Раве, чтобы он позвал ко мне Руфуса. И пусть позовут ко мне этого Марквуда. Давай-ка подумаем, с кем лучше побеседовать сначала.

* * *

— Ну как, доктор, что-нибудь получилось из ваших бесед с перебежчиком? Или все то же самое, что я уже знаю?

— Боюсь, мистер Коломбо, кое-что оказалось не совсем так, как рассказывал Фрисби.

— А именно? — без особого интереса спросил Коломбо.

— Арт Фрисби не убежал из Грин-Палисада. Все это была тщательно поставленная инсценировка. Его послали. А если это так, то выходит, что в Уотерфорле заинтересованы в погибели

Валенти. Стало быть, он не является их шпионом и не предал вас. Шпионит кто-то другой, а вся операция была задумана, чтобы обезопасить этого другого и лишить вас Валенти. Таковы выводы из показаний детектора лжи. Арт Фрисби держался прекрасно. Ни одной ошибки, ни один мускул не дрогнул. Если бы не детектор...

— Спасибо, Марквуд. Я уже знал обо всем этом. Но вы еще раз укрепили меня в мысли, что Валенти ни при чем. Продался Кальвино не он. Продался Руфус Гровер. Что поделаешь — он деловой человек. Решил, что работать на дона Кальвино выгоднее. Очевидно, так... Стало быть, я не ошибался, когда говорил, что ссора в баре мне не очень нравится.

— Вы не ошиблись.

— А вы знаете, в этом Фрисби что-то есть. Согласиться на такое задание... Почти верный провал...

— Мистер Коломбо, я как раз хотел попросить вас, чтобы вы разрешили мне продолжить опыты с Фрисби и детектором лжи. Я хотел бы усовершенствовать технику анализа показаний датчиков, вводя их в компьютер. Если вы не возражаете, я бы даже поселил Фрисби у себя на некоторое время. Он должен привыкнуть ко мне.

— Пожалуйста, доктор. Держите его сколько вам угодно. Это пешка, которой уже сыграли, сыграли хитро, коварно, но противник разгадал замысел... — Джо Коломбо слегка улыбнулся.

* * *

Открытый грузовичок медленно двигался по улице. На транспарантах, прикрепленных к бортам, белыми буквами на черном фоне было написано: «Зачем быть рабом белого снадобья? Хочешь избавиться от шприца — переходи на метадон. Раз в день бесплатный стакан сока с метадоном — и ты сможешь обойтись без дозы белого снадобья. Общество борьбы с наркоманией». Те же слова доносились время от времени из динамика, установленного на крыше кабины, но в женском хриплом голосе не было особой уверенности, скорее безразличие, а может быть, даже и брезгливость. То же выражение можно было прочесть и на лице той, которая сидела в кабине рядом с водителем и каждые несколько минут подносила к губам микрофон.

Общество борьбы с наркоманией не испытывало недостатка в молодых добровольцах из сытых, благополучных ОП, которые горели желаниями бороться против белого снадобья и перевоспитывать нарков. Но когда они сталкивались лицом к лицу с джунглями, когда видели перед собой упрямые, стеклянные глаза нарков, отказывавшихся от метадона, когда к ним придиравлась полиция, когда их оскорбляли, — многие начинали колебаться. А когда газеты и телевидение рассказывали о гибели то здесь, то там очередной бригады общества, случалось, что какой-нибудь грузовичок с черно-белыми транспарантами оказывался брошенным экипажем.

Молодые люди, приходившие добровольцами в общество, представляли себе свою миссию иначе. Да, конечно, им говорили и о трудностях, и даже об опасностях, но рассказы лишь разжигали их стремление прийти к страждущим, протянуть ру-

ку помощи и увидеть в глазах чистое сияние благодарности. Да, конечно, это нелегко, это должно раздражать всяких там торгаших наркотиками, но зато сколько благородства в их миссии. Ведь это так просто. Послушайте, неужели вы не понимаете. что нельзя быть жалким рабом белого снадобья, нельзя губить себя ради мимолетного, эфемерного удовольствия. Стакан апельсинового сока с метадоном в день — и вы сможете обойтись без героина. Неужели же это непонятно? А может быть, все дело в том, что обитатели джунглей устроены не так, как они? Может быть, они вообще не хотят, чтобы им помогали? Может быть, так и надо? Может быть, все эта затея с метадоном, метанолом, налоксоном, циклацозином бессмысленна? И может быть, ей, Аби Шривер, лучше бы сейчас оказаться дома, в их уютном милом домике, принять ванну, лениво поспорить с мамой, что надеть вечером, когда она пойдет в гости к Джеку Эйтстайну.

— Не будь дурочкой, — ворчливо сказала бы мама, — надень новый серый костюм. Ты ведь знаешь, как он тебе идет.

— Ну что ты, мама, — сказала бы она и презрительно сморшила бы нос. — Этот костюм... Он же... буржуазен. Типичный костюм ОП.

— Ну если тебе нравятся моды джунглей, — уже всерьез рассердились бы мама, — тогда, конечно, другое дело.

— Нет, мама, мне не нравится в джунглях, но ведь ежегодно в стране гибнет от белого снадобья почти полмиллиона человека. Это война. Это война, которую мы ведем сами против себя. Война шприцами против своей цивилизации, и пока побеждает шприц. Вот почему, мама, я опять подношу к губам микрофон и вот почему в моем голосе, что гремит из динамика на крыше, нет убежденности.

— Откашляйся, ты же хранишь, как пропойца, — криво усмехнулся Эрл О'Риордан, сидевший за рулем. — Я думаю, можно постоять здесь.

Они остановили машину, и Аби перелезла в кузов, уселась на стульчик у бака с соком и лекарством. Было жарко, и она вытерла лоб носовым платком. «Хорошо, что я без косметики, — лениво подумала она, — а то в такую духотищу все поплыло бы».

Было действительно душно. Душно асфальтовым зноем, каменными сбшарпанными домами, неубранными мусорными контейнерами на тротуарах, бессильным шорохом обрывков газет на мостовой.

Грузовичок постепенно окружали дети. Осторожно, шажок за шажком, приближались они к машине, и в их широко раскрытых глазах детское любопытство смешивалось с недоверчивостью маленьких зверьков.

— А она конопатая, — беззлобным басом сказал крошечный мальчик в одних трусах.

— Сам ты конопатый, дурак, — вступилась на защиту Аби девочка постарше.

К машине подошел полицейский. Лицо его под форменной фуражкой было так красно от жары, что казалось, он уже сварился и вот-вот начнет поджариваться, образуя вкусную хрустящую корочку. Он подозрительно осмотрел грузовичок,

скользнул невидящим взглядом по Аби — не человек, а ходячее воплощение Закона — и медленно побрел к своей машине.

Вслед за детьми к грузовичку начали подходить и взрослые.

— Вранье все это, — убежденно и почему-то радостно сказала женщина с рыжей челкой. — Это они специально так действуют, чтоб народ к снадобью приохочивать. Напьешься этого ихнего сока бесплатно, а тебя потом прямо подхватывает, к белому снадобью так и несет, так и толкает.

— А вы пробовали? — громко, чтобы все ее услышали, спросила Аби. — Как вы можете говорить такую чушь?

— А ты сиди там, — еще более радостно, почти торжествующе сказала челка. — Тебя посадили — ты и сиди себе. А я раз говорю — значит, знаю.

Она действительно знала, что говорить, потому что ее научил местный толкач, обещавший ей десятку.

— А я-то думаю, странно как-то — бесплатно, — задумчиво протянула худая черная старуха. — Я как увижу слово «бесплатно» — так я сразу думаю: к чему бы это?

— Болтаете вы все, — зло крикнул высокий парень с узкой, впавшей грудью. — Мой приятель пробовал. Все точно, говорит.

— Все-то ты знаешь, доходяга, — ласково проворковала рыжая челка. — Платят тебе, что ли, расхваливать их сок?

— Рехнулась баба! — крикнул парень и шагнул к ней, но она сама бросилась навстречу и с неожиданной силой уцепилась за его белую безрукавку.

— Убивают! — торжествующе прокричала, почти запела она. «Господи, — тоскливо подумала Аби, — хоть бы этот вареный полицейский подошел, разнял этих зверей». Она оглянулась, но страж закона бесследно исчез. Хотелось пить. Слюна во рту загустела, и она с трудом проглотила ее. У ног крохотного мальчугана, сосавшего палец, расплывалась на асфальте черная лужица. Но через минуту, когда Аби снова взглянула на него, лужица уже высохла. Жарко.

— Ну-ка отойди, дай пройти, — угрюмо сказал человек лет двадцати пяти со стеклянными глазами нарка. — Сил больше нет. Дай попить.

«Господи, — благодарно подумала Аби, — хоть один. И то хорошо».

— Пожалуйста, — улыбнулась она, налила сок с метадоном в бумажный стакан и, упервшись одной рукой в борт грузовика, протянула нарку.

Толпа, стоявшая вокруг, молча смотрела, как нарк медленно высосал стаканчик и бросил его на мостовую.

— Ну как? — спросил высокий худой парень.

— Легче, — пожал плечами нарк и медленно побрел прочь от грузовичка.

— Тогда дай и мне попробовать...

«Пора», — подумал рыжий Донован по прозвищу «Крыса». Он стоял в подъезде, откуда был виден грузовик, и думал о том, что через полчаса получит обещанные сто доз первоклассного белого снадобья, которых ему хватит надолго. Ух и надолго же... На неделю запрется в своей конуре, провались весь божий мир к черту. Запузырит себе для начала хорошенькую

порцию — так, чтобы подхватило, понесло... Эх, побыстрее бы... Он выскочил из подъезда и побежал к машине, по-ловшиному вскидывая ноги.

— Стойте, — визгливо закричал он, — не пейте эту отраву! — И мысль о ста дозах, о целой горе героина наполняла его небывалой силой. — Вчера в шестом доме человек от этого помер. Как шел, так и покатился по лестнице.

— А, это ты, Крыса, — пробормотал высокий худой парень. — Опять шумишь...

Крыса развернулся, чтобы ударить парня по уху, но тот увернулся, и он ударился о борт грузовика.

— Сволочи! — крикнул он и вытащил пистолет.

Длинный парень успел схватить его за руку, но Крыса в слепой ярости все нажимал и нажимал на спуск, пока не разрядил обойму.

Одна пуля пробила бак, другая попала в Аби. Она начала медленно, неправдоподобно медленно клониться в сторону, пока не упала на дощатый пол кузова, в лужицу апельсинового сока, в котором был растворен метадон. Она лежала лицом кверху, и струйка сока брызгала ей на лицо, и она подумала, что, к счастью, не положила сегодня косметики. А то бы она поплыла.

* * *

Джо Коломбо взял очередную бумагу. Это был отчет толкача, уже завизированный Тэдом Валенти. Коломбо бегло просмотрел цифры. Сто семь кредиток на разжигание толпы. Сто

пятьдесят полицейскому сержанту за отсутствие на месте происшествия. Двести пятьдесят трем журналистам, писавшим о случайной смерти Аби Шривер. Тысяча четыреста прокурору и судье, которые вели дело Донована по прозвищу «Крыса», стрелявшего в Аби Шривер на почве ревности. Так, во всяком случае, установил суд. Плюс восемьдесят на мелкие расходы. Итого, — Джо Коломбо нажал на клавиши калькулятора, — тысяча девяносто восемьдесят семь. Почти две тысячи на один паршивый грузовик с метадоном. Эдак можно вообще взять весь мир на содержание. Две тысячи — это ж надо придумать. И Валенти начал выживать из ума — завизировал такую сумму.

Он взял ручку и написал: «Оплатить половину. Остальное пусть доплачивает сам толкач». И без того он, наверное, уворовывает добрую третью. А если не захочет — ради бога. Его похороны обойдутся гораздо дешевле.

Глава II

Клиффорд Марквуд разлил кофе в чашки и подвинул одну Арту Фрисби. Они сидели в коттедже доктора, в крошечной кухоньке, и пили уже по третьей чашке.

«Я же не засну, — вяло подумал было Марквуд, но тут же добавил: — Черт с ним. Иногда не мешает помучиться бессонницей. Можно подумать о смысле жизни и судьбах цивилизации. Арт, наверное, никогда не страдает от бессонницы. Ну конечно же, — поймал он себя, — обычные ваши штучки, доктор Марквуд. Даже банальную бессонницу вы должны оправдать в собственных глазах, поднять ее на пьедестал».

Марквуд улыбнулся, и Арт Фрисби спросил его:

— Чего вы улыбаетесь, мистер Марквуд?

— Так, Арт, своим мыслям. Что вы, интересно, обо мне думаете?

— Да ничего...

— Это не ответ. Вы находитесь у меня в коттедже. Это не совсем обычное место для человека, который перебежал из одной семьи в другую, — в коттедже у специалиста по электронно-вычислительным машинам. А вы, Арт, ведь даже не перебежали. Вас послали, чтобы вы выдали Эдди Макинтайра — Тэда Валенти. Старик Коломбо иногда формулирует свои мысли грубо, но четко. Он назвал вас пешкой, которой уже сыграли и которая никому не нужна. Ваши друзья Кальвино и Папочка разыграли вами отличный вариант хитрейшей сицилианской партии. Если бы не случайность, они бы преуспели, и Тэд Валенти уже получил бы по заслугам. Старик Коломбо ведь не любит, когда его люди продаются конкуренту. Как, впрочем, и любой бизнесмен.

— А я все равно не верю, — упрямо сказал Арт.

— Чему?

— Что на Кальвино работал Руфус Гровер.

— Вы такого высокого мнения о нем? —sarкастически спросил Марквуд. — Вы его хорошо знаете?

— Нет, я слишком низкого мнения о Валенти.

— Э, Арт, то было одиннадцать лет назад. И потом, он по-

ступил ужасно только потому, что это коснулось вас. А ваш Папочка разве пользовался другой техникой? А вы сами? Вы же рассказывали мне, как обеспечивали Папочке своевременный возврат ссуд. Сколько он брал? Двадцать процентов в неделю?

— Двадцать пять.

— Вот видите. И все жертвы этого вашего жирного паука платили такой чудовищный процент с веселой улыбкой? Или кое из кого вам приходилось выбивать деньги силой?

Арт молча курил, откинувшись на стул. Что от него хочет этот странный болтливый человек, так не похожий на всех тех, с кем ему приходилось когда-либо встречаться? Ведь ему как будто ничего от него не надо. Он, Арт, уже сыгранная пешка. Это верно. Сбитая, съеденная пешка, небрежно брошенная на стол рядом с доской. На доске остались фигуры. Крупные, солидные фигуры, вроде Валенти. Не чета какой-то паршивой пешке...

— Вы мне так и не ответили, Арт. Вам приходилось выбивать из кого-нибудь деньги силой?

— А как же, — пожал плечами Арт, — если бы не страх, люди не стали бы платить ростовщику такие проценты. Тут ведь расписок нет, в суд не обратишься. Главное — страх. Должник должен знать, что, если не отдаст в срок, ему будет плохо, очень плохо.

— И насколько же плохо? — Арт раздражал Марквуда и одновременно возбуждал в нем какое-то едкое любопытство. Умом он понимал и его жестокость, и безразличие к чужим страданиям. Он не только понимал, но и объяснил бы эти качества куда красноречивее и элегантнее, чем сам Арт. Но то умом. В сердце же у него до сих пор оставался какой-то детский участочек, который не потерял способности удивляться и мерить все на свой аршин, не подвластный логике головы. И этому детскому участку все казалось, что если поговорить с человеком как следует, ну искренне, тепло, не спеша, ну как человек с человеком, ну как когда-то разговаривали люди, то и такой, как Арт, вдруг прозреет, увидит, что причинял боль и страдания ближним, — и раскается.

— Насколько же плохо бывает людям, которые не хотят возвращать акуле-ростовщику ссуды? — повторил Марквуд свой вопрос.

«Что за странные вопросы, — думал Арт Фрисби. — Что он хочет от меня?» Он сам не заметил, как начал говорить. Может быть, потому, что голос был не его, а кого-то другого, потому что вдруг снова распахнулась та дверь, и из бездонного, плотного и сырого мрака пахнуло холодной пустотой, ничем, отчаянием. Он говорил как человек в трансе, как загипнотизированный. Слова выползали из него сами по себе, потому что мозг был парализован ужасом, таившимся за бездонной, бесконечной дверью.

— Я работал тогда у Папочки уже года полтора, наверное. Он дал мне адрес одного типа, который на две недели задерживал возврат ссуды. Я быстро нашел нужный дом. Огромный, в полквартала шестиэтажный старый дом, набитый людьми и крысами.

Когда-то в подъездах работали лифты. Но они давно стали.

Когда я подходил к дому, попадавшиеся мне навстречу либо подобострастно кланялись, либо старались отойти в сторону. Меня многие знали, а стало быть, и боялись, потому что я был человек Папочки. Папочка же был господом богом. Всесильным, непонятным и грозным. От него исходила благодать. Он был единственным человеком, который мог дать деньги и белое снадобье, а о чем еще может мечтать человек в джунглях? Он мог и пристроить человека к хорошему делу. Реже — на работу, чаще — в одну из многочисленных банд, которые орудовали в самих джунглях; нападали на машины на дорогах и даже атаковали по ночам ОП.

Я поднимался по лестнице, и даже кошки замирали при виде меня, и мне нравилось, что я внушаю страх — самое, пожалуй, распространенное чувство в джунглях.

Звонок не работал. Я постучал в дверь. Наверное, стук мой был хозяевским, смелым, потому что дверь сразу открылась, и я даже не вскинул руки вверх традиционным приветствием гостя. Да я и не был гостем.

Хозяин подобострастно кланялся мне, глядя заискивающе в лицо, и что-то говорил, говорил и говорил. Должно быть, он считал, что поток слов — единственная преграда между ним и мною. В углу стояла женщина, в ужасе глядела на меня и держала за руку мальчугана лет пяти. Но я их вспомнил лишь позднее, когда вышел из квартиры. Тогда я не видел их. Точнее, я видел их глазами, но они не проявлялись в моем сознании. Я видел только человека. Скорее, правую его руку. Вернее, пустой рукав. Такой же, какой был у моего отца. У моего отца, который приходил по вечерам пьяным и рассказывал мне, как он устроится на работу водителем грузовика, и вывезет нас из джунглей, и поселит в маленьком уютном ОП, в маленьком уютном домике. И вокруг будет настоящая зеленая травка, которую можно пощупать и на которой можно сидеть.

Человек все говорил и говорил. А слова были жалкими и пустыми, как шелуха, как слова моего отца. И как-то, у меня на мгновение сжалось сердце. От стыда ли, жалости — не знаю. Я подошел к однорукому и ударил его по лицу. Не очень сильно. Всего несколько раз. Я был очень зол на однорукого, потому что он был слаб и жалок. Я был своего отца, потому что презирал его и ненавидел за слабость. Но это ведь не был мой отец. Мой отец упал с лестницы, а этот выбросился той же ночью из окна. Так что мне все только казалось. Общего у них не было ничего. Разве только то, что у обоих не было руки, был сын, и оба покончили с собой. Или случайно упали, потому что хотели упасть.

Папочка пожурил меня, но беззлобно. Тут, сказал он, подход нужно иметь. Что он перекинулся — это дело его. Но должок-то плакал, дитя природы. Так он называл меня тогда — дитя природы.

Арт замолчал. Проклятая дверь все не закрывалась. Раньше она захлопывалась быстрее, и мир потихоньку возвращался в наезженную колею, которая так привычна, что ее и не замечаешь. А сейчас все вдруг теряет смысл, все ставится под сомнение, словно ко всему прикреплен знак вопроса: на что надеяться ему, когда ничего не хочется, ничего не нужно, все

призрачно и нереально, а реален лишь промозглый холод из черной двери? Боже, дай силы хоть ненавидеть. Ведь остаются еще в мире Тэд Валенти и капитан Доул.

— Мистер Марквуд, я хотел бы поговорить с Валенти с глазу на глаз. Я никогда никого ни о чем не просил.

— Я вижу, что у вас характерец не из легких. Но это невозможно, Арт.

— Но я же вас прошу...

— Не знаю, Арт. Я подумаю. Может, что-нибудь и придет в голову.

Но придумал не он. План созрел у машины, когда Марквуд изложил ей просьбу Арта Фрисби. Марквуд должен записать на пленку любой свой телефонный разговор с Джо Коломбо. Машина проанализирует звуки его голоса, высоту, тембр, особенности произношения и постараётся синтезировать этот голос для телефонного звонка. От имени Джо Коломбо. Звонок Тэду Валенти, чтобы он немедленно явился в счетный купус в комнату Марквуда и помог ему в проведении допроса Арта Фрисби, который сообщает интересные вещи о Руфусе Гровере.

Через час Арт Фрисби уже сидел в знакомой комнате, опутанный датчиками. Марквуд нервно курил. То, что сейчас происходило, могло стоить ему жизни. Вряд ли старый Коломбо придет в восторг, если узнает, что кто-то или что-то умеет подделывать его голос и что без его разрешения собирается допрашивать его ближайшего помощника. И вместе с тем Марквуд отметил про себя, что мысль о смерти не так ужасает его, как раньше.

Он посмотрел на Арта. Внешне он был спокоен, но что должно было твориться у него на душе... Нет, парень, не так одномерен, как могло показаться. Чего стоит один этот рассказ об одноруком должнике, которого он избил. Но все-таки избил. Хоть он и не одномерен, и в душе у него собственный маленький ад, он бандит. А может быть, и нет? Как можно судить о ком-нибудь, кого-нибудь в мире, в котором нет моральных координат?

Скрипнула дверь, и в комнате появился Тэд Валенти. Он слегка прищурился после уличной темноты. Прежде чем он успел сказать что-нибудь, к нему подскочил Детка — так Марквуд прозвал маленького робота, который управлялся машиной.

— Ваш пистолет, мистер Валенти, — равнодушно сказал Марквуд. — Я не хочу, чтобы в этом помещении было оружие.

— Вы не хотите? — насмешливо спросил Валенти. — А кто вы такой, чтобы хотеть или не хотеть? Я сдаю оружие только тогда, когда хожу к боссу.

— Тогда я вынужден буду сам взять у вас пистолет, — ровно сказал Марквуд. Сердце у него колотилось — вот-вот выпрыгнет из груди или взорвется, но ему уже было все равно. Его уже несло, крутило, и поздно было думать о чем-нибудь. Он не думал. Он действовал.

— Детка, — сказал он, — помоги мне взять пистолет у мистера Валенти.

Робот молниеносным движением схватил оба запястья Валенти и замер, держа их. Тот дернулся, попытался освободиться, но металлические лапы Детки держали его намертво.

— Вот видите, мистер Валенти, вы даже робота из себя вывели своим упрямством. — Марквуд подошел к Валенти и неумело начал нашаривать на нем оружие. Пистолет лежал в кармане пиджака — маленький вороненый кусок металла, отливающий зловещей синевой.

— Что это значит? — прошипел Валенти. — Я ухожу. Я не собираюсь оставаться здесь ни одной секунды. Я иду прямо к дону Коломбо.

— Ну как? — спросил Марквуд. — Отпустим его, Детка?

Робот отпустил запястья Валенти, но стал между ним и дверью, блокируя выход.

— Вы что, рехнулись? — спросил Валенти Марквуда, но в голосе его уже не было прежней самоуверенности. — Ладно, черт с вами и с вашими правилами. Что я должен здесь делать? Скоро одиннадцать, и я уже собирался ложиться, когда босс сказал мне идти сюда.

— Вот перебежчик, — Марквуд кивнул в сторону Фрисби. — Его зовут Арт Фрисби, и он утверждает, что одиннадцать лет назад вас звали не Тэд Валенти, а Эдди Макинтайр.

— Ну и что? Я этого не скрывал. И что значит все это дурацкое представление? Где у вас телефон? Я хочу позвонить дону Коломбо.

— Боюсь, что с этим пока придется подождать, — извиняющимся жестом развел руки Марквуд. — Дело в том, что Арт Фрисби еще утверждает, будто вы обманом приохотили его к героину так же, как несколько позже и девушку, которую он любил.

Не спеша, спокойно и методично, Арт Фрисби начал снимать с себя датчики. Сняв, он подошел к Валенти и посмотрел на него.

— Может быть, вы вспомните меня, Тэд Валенти? Или где вам вспоминать какого-там Арта Фрисби. И девчонку мою, ее звали Мери-Лу, и у нее были синие глаза... Где вам вспомнить ее? Ну повесилась, ну и что? Одним нарком больше, одним меньше — что это меняет? Но я бросил белое снадобье и одиннадцать лет ждал этой минуты, Эдди Макинтайр. Спасибо, Эдди, что ты жив и ты здесь. Значит, я не напрасно ждал.

— Марквуд, — дрожащим голосом сказал Валенти, — уберите этого маньяка. Разве вы не видите, что он не в себе? Если мне здесь нечего делать, я уйду.

— Э нет, Эдди, — ласково сказал Арт Фрисби. — Ты не уйдешь, потому что мне нужно с тобой рассчитаться. Когда она висела, у нее глаза были открыты. И пусты. Одна туфля упала, а вторая висела у нее на ноге. Ты понимаешь, Эдди? Пустые синие глаза и одна туфля. И веревка.

— Ты сошел с ума! — крикнул Валенти и попятился от Арта. — Какие глаза? Какая туфля? Марквуд, уберите его, разве вы не видите, что он рехнулся? Он же не понимает, что делает!

— Я все понимаю, Эдди Макинтайр, — кивнул Арт Фрисби. — Я просто хочу, чтобы и твои глаза стали пустыми, и у тебя вывалился язык. Разве это много? Разве я требую от тебя лишнего? Одной твоей смерти за десятки или сотни? По-моему, это

очень выгодная для тебя сделка, а ты всегда любил выгодные сделки.

Валенти метнулся к двери, но в дверях стоял Детка, и металлические его лапы были разведены в стороны. Валенти остановился, обвел глазами комнату. Окон не было. Спасения не было. Он почувствовал, как животный ужас выкачал из него воздух, и сердце сжалось в тягучей истоме, и пот выступил у него на спине.

— Послушайте, — быстро и жарко зашептал он, — у меня есть деньги. Много денег. Я дам вам десять тысяч, двадцать тысяч. Это очень хорошие деньги. На них можно снять домик в ОП...

— Спасибо, — задумчиво улыбнулся Арт, — мне уже однажды обещали домик в ОП. С настоящей зеленою травкой вокруг.

Не спуская глаз с Валенти, он чуть пригнулся, развел руки и медленно стал приближаться к нему.

— Марквуд, вы же не безумец, — взмолился Валенти. — Пятьдесят тысяч — прекрасные деньги. Только помогите мне выбраться отсюда, заклинаю вас. Я сделаю для вас все, что угодно...

Марквуд молчал. Арт Фрисби медленно приближался к Валенти, а тот пятился от него.

— Нет, — вдруг воскликнул он, — вы не можете убить меня. Босс знает, что я пошел сюда. Меня будут искать. Они поймут...

— Нет, — раздался голос машины, и голос был голосом Джо Коломбо. — Дон не знает. Он не звонил. Звонила я.

— Чего? Что это? — встрепенулся Валенти. — Я схожу с ума. Чей это голос?

— Этот голос не принадлежит никому. Он синтезирован мною, машиной.

— Да, Эдди Макинтайр, это так. И никто не будет искать здесь твой труп, тем более что мы уже подготовили для него место. И хватит. Мы слишком много говорим. — Арт Фрисби сделал еще несколько шагов вперед, и Валенти очутился в углу. Он упирался спиной в стену и, казалось, надеялся, что сумеет спрятаться в ней, найти убежище.

Он вдруг опустился на колени.

— Пощадите, пощадите меня. Я отдаю вам все, мне ничего не надо. Только дышать. Я все отдаю. Все, все, все отдаю. Только жить...

Фрисби выбросил вперед руки, и они замкнулись на шее Валенти.

— Ты просишь очень многое, Эдди Макинтайр. Дышать — это большое дело. Но ты не будешь дышать, и через несколько минут твое сердце дернется раз-другой, остановится, и ты начнешь остывать. Ты не будешь больше ни Эдди Макинтайром, ни Тэдом Валенти. Просто сто пятьдесят фунтов холодающего немолодого мяса, костей и воды.

Арт начал медленно сжимать руки, и Валенти захрипел.

— Нет, — прошептал он, — подожди. Я должен что-то сказать.

— Ну что еще?

— Это не Руфус Гровер работает на Кальвино. Это я. Не

убивайте меня. Я расскажу все. И дон Коломбо дарует мне жизнь, потому что я многое знаю. Я знаю, когда решено расправиться с семьей Коломбо. Скарборо и Уотерфорд должны принадлежать семье дона Кальвино. У них есть план, и я его знаю. Я нужен. Я нужен, клянусь небом, я нужен. Меня сейчас нельзя убивать.

— Ты врешь, — нетерпеливо пробормотал Арт Фрисби, снося сдавливавшие руки на шее Валенти. — Ты готов называться шпионом, чтобы только выскользнуть из моих рук.

— Нет, нет, это святая правда. Я могу доказать. Я знаю. Этот план был разработан мной и Папочкой. Мы знали, что Руфус Гровер уже давно подозревает меня, но у него не было доказательств, и он пока помалкивал. И мы решили, что его надо убрать, одновременно обезопасив меня. Решено было инсценировать побег одного из членов семьи Кальвино. Выборпал на тебя, Арт, потому что Папочка знал, как ты ненавидишь меня. И этой ненавистью решили воспользоваться. Тебе сказали, что на Кальвино работает другой, а ты должен оклеветать меня. Заметьте, оклеветать, потому что на Кальвино работает кто-то другой. Кто — этого ты не знал и даже под пыткой не смог бы сказать. Все было продумано заранее. И несколько фраз о человеке, который дважды в месяц ездит к своей любовнице. Фразы, которые Арт Фрисби вспомнит не сразу. И то, что я говорил о своей любовнице Руфусу Гроверу. Все должно было указывать на меня. Это была рискованная игра, но партия была продумана с первого до последнего хода. Естественно, дон Коломбо должен был захотеть найти подтверждение, что человек, ездищий дважды в месяц к своей любовнице, — это действительно я. Марквуд Коломбо нашел квартиру и обнаружил, что Бернис похищена. Только на следующий день старуха вспоминает, что похитители называли имя Руфуса Гровера. В этом была вся изюминка. Если бы мы сразу дали Коломбо понять, что шпион — Гровер, он бы мог не поверить. У него тонкий нюх, и он мог бы заподозрить, что это дезинформация. А так он понимает, что Арта Фрисби послали, специально послали, чтобы бросить тень на невинного Баленти и выгородить виновного Руфуса Гровера. Не мы ему подсказываем, что шпион — Гровер, а он сам узнает об этом. Характер сицилийца недоверчив, и он готов поверить только той информации, которую добыл сам. Все было продумано. И даже детектор лжи был предусмотрен. Было предусмотрено, что Марквуд засечет ложь Фрисби. Все сработано, все.

Валенти обессиленно замолчал. Ноги, очевидно, больше не держали его, и он медленно сполз по стене на пол. Он дышал медленно, втягивая в себя воздух с легким присвистом, словно смакуя его, словно не веря, что все еще дышит. И что до того, что будет дальше, когда можно сейчас сидеть, дышать и не чувствовать, как бьется сердце. Чувствовать, что ты теплый, что побаливает язва, старая добрая язва двенадцатиперстной кишки. Боже, какое счастье ощущать боли! Какое изысканное наслаждение смаковать эту боль, ибо каждое мгновение, наполненное болью, — это гимн жизни. Не думать о том, что будет дальше.

Пока он им нужен, он жив — и это главное. Ничего человеку

не нужно — только жить. И запомнить эту простенькую и всегда ото всех ускользающую мыслишку...

Арт Фрисби внезапно рассмеялся.

— Нет, мистер Марквуд, вы ошиблись, когда назвали меня пешкой. Мною действительно хотели сыграть. И почти сыграли. Но выиграл-то все-таки я. Один я, несмотря ни на что, был уверен, что шпион Кальвино все-таки Валенти.

— А если бы он все-таки не признался? Что тогда? — спросил Марквуд. Голова его шла кругом. — Ты бы его убил? — От волнения он перешел даже на «ты».

— Нет. Я бы ведь подвел вас.

— Подожди, подожди, Арт, — пробормотал Марквуд. — Ты не убил бы его из-за себя или из-за меня?

— При чем тут я? — пожал плечами Арт Фрисби. — Я бы с удовольствием отправился на тот свет в компании Эдди Маккитайра, но мне не хотелось подводить вас. Я же вам обещал, что оставлю его в живых.

— Значит, ты не собирался задушить меня? — медленно спросил Валенти, все еще сидя на полу.

— Я же уже сказал — нет.

— Мне теперь можно уйти?

— Конечно.

Валенти встал и пошел к выходу.

— Возьмите пистолет, — сказал Марквуд, и Детка протянул Валенти его оружие. Он взял пистолет, подошел к двери и, уже стоя в ней, поднял неожиданно руку, нажал на спуск. Но выстрела не последовало.

— О, Детка у нас предусмотрительный, он всегда вынимает обоймы из пистолетов, которые попадают ему в лапки.

— Я вам ничего не говорил, — торжествующе крикнул Валенти. — Кто поверит вашему безумному бреду?

И в то же мгновение из динамика раздался голос Валенти:

— Это не Руфус Гровер работает на Кальвино. Это я. Не убивайте меня, я расскажу все...

— Как видите, Валенти, мы тоже предусмотрительны, — усмехнулся Марквуд, но Валенти уже не было. — Ну, Арт Фрисби, давай звонить самому дону Коломбо, хотя уже скоро час ночи. И одному богу известно, что из этого всего выйдет.

Он поднял трубку телефона. С минуту, наверное, никто не отвечал, потом послышался сонный голос Коломбо:

— Ну кто еще там?

— Простите, мистер Коломбо, это Марквуд.

— Вы что, с ума сошли? Я давно сплю. Что случилось?

— Я хочу, чтобы вы сейчас же пришли ко мне...

— Послушайте, доктор, вы в своем уме?

— Да. И возьмите с собой Руфуса Гровера.

— Хорошо.

Дон Коломбо был неглупым человеком и умел почувствовать, когда стоит и когда не стоит задавать вопросы. Через несколько минут на улице послышался шум машины, и тут же в комнату вошли Джо Коломбо, Марвин Коломбо и телохранитель босса Рава, к запястью которого тоненькой металлической цеп-

почкой было прикреплено запястье Руфуса Гровера. Все четверо были в пижамах.

— Теперь вы мне скажете, что случилось? — спросил Джо Коломбо.

— Да, конечно. Вы можете разомкнуть этот браслет, — Марквуд кивнул на цепочку, связывавшую телохранителя и Руфуса Гровера. — Мистер Гровер совершенно ни при чем.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что сказал. Он никогда не работал на Кальвино и не предавал вас. Это все-таки Валенти.

— Вы сошли с ума, Марквуд.

— Нет. Сейчас вы все поймете.

Из динамика донесся голос Валенти. Джо Коломбо слушал внимательно, чуть склонив голову на плечо, и был похож на старую, нахолившуюся птицу. Лицо Руфуса Гровера оживало постепенно, словно отходило от холода, сковавшего его. Незаметно для себя он все время кивал головой. Когда динамик замолчал, Джо Коломбо спросил Раву:

— Ключ у тебя?

— Да.

— Отстегни браслет. Так. И отправляйся за Валенти. — Он протянул руку Руфусу Гроверу. — Я рад, что все так получилось.

— Я уже было перестал надеяться, — пробормотал Гровер. — Это страшная штука — знать, что ты невиновен, и не быть в состоянии доказать это. Спасибо, Марквуд.

— Это не я, — пожал плечами Марквуд. — Если уж кого-нибудь и благодарить, то это Арта Фрисби. Мы иногда делаем ошибки, принимая кого-то за пешки. Иногда пешками оказываемся мы сами.

— Не буду спорить с вами, доктор. Если бы не вы оба, Кальвино со своим Папочкой могли бы праздновать победу. Имея такого человека, как Валенти, у меня под боком, они могли смело рассчитывать на победу. Но теперь мы посмотрим, как это им удастся... У вас тут есть виски, доктор?

— Нет, дон Коломбо.

— Тогда поедем ко мне. Марвин, возьми пленку с исповедью Валенти. Я бы с удовольствием заплатил за нее миллион, доктор, вы сделали ошибку. Надо было сначала сторговаться со мной.

— Я уже вам сказал, что идея и исполнение не мои, а Арта Фрисби.

— Ну что ты хочешь, мальчик? Сколько?

— Спасибо, дон Коломбо, я хочу, чтобы вы все-таки отдали мне Валенти после того, как он станет вам не нужен.

— Согласен, — кивнул Джо Коломбо, — хотя я и сам с удовольствием расквитался бы с ним. — Джо Коломбо посмотрел на Руфуса Гровера.

— Руфус, надеюсь, ты понимаешь, что тебя никто не должен видеть, даже твои домашние. В Уотерфорле должны быть уверены, что я проглотил их приманку и ты уже на том свете. Валенти же поработает у нас на поводке. Если захочет, конечно, несколько продлить свои дни...

ПОЛ ДОУЛ

Глава I

Сенатор Пол Доул сидел в шезлонге у своего бассейна и наслаждался солнцем. Он только что выкупался, и в мышцах еще приятно гудела легкая усталость. Он не думал ни о чем. ничего не вспоминал — он был просто частью этого покойного уютного мира, в котором даже через закрытые веки оранжево трепещут солнечные лучи, сонно шелестит листва в теплом ветерке, неуверенно налетающем откуда-то с юга, и шершавые камни по краям бассейна так приятны на ощупь.

Мир был покойен, уютен и прекрасен. Он был покойен, уютен и прекрасен вдвойне, потому что весь — от солнца до плиток бассейна — был создан им, его умом, его трудом, его терпением, его мужеством. Он мог бы, да что мог, должен был жить в джунглях, должен был видеть вокруг себя стеклянные глаза нарков и вдыхать на темных, грязных лестницах запах их рвоты. Он должен был вариться в неподвижном каменном зное и дрожать от асфальтовых промозглых сквозняков.

Он был рожден для джунглей и обречен на джунгли. Он даже не должен был страдать из-за жизни в них, потому что мысль об СП не смела даже приходить в голову простому письмену, который живет на одну зарплату. На зарплату, на которую нельзя купить даже собачью конуру, если бы ты и был согласен жить на цепи и лаять на прохожих.

И все-таки он хотел выбраться из джунглей. И верил, что выберется из них...

Когда случилась вся эта история с Рафферти? Лет восемнадцать назад? Да, точно. Восемнадцать лет назад. Станный был человек полицейский Билл Рафферти. Когда Пол Доул в первый раз увидел его, то уже тогда заметил какую-то напряженность в его взгляде. Когда он стоял рядом с ним, Доулу почему-то начинало казаться, что Рафферти постоянно находится под давлением, что он заряжен, что нужно с ним быть осторожным, потому что в любую секунду он может взорваться, и не дай бог оказаться на пути у этой взрывной волны. Он и говорил-то как-то особенно: едко, раздраженно, с неясными и вместе с тем обидными намеками. И все-таки Доул не испытывал неприязни к Рафферти. Скорее даже наоборот. Было что-то в этом постоянно возбужденном человеке, что, очевидно, импонировало ему. Может быть, это было его беспокойство... Ведь и он, Доул, был непоседлив, не находил себе места, не желал примиряться со своей долей и мечтал о лучшей, хотя и понимал, что это пустые мечтания. Понимал и все-таки презирал в душе своих коллег, которые были довольны жизнью и со спокойствием скота мирно паслись на своих участках, пощипывая мелкие взятки. Рафферти был не таким. Сортом повыше.

Дружбы у них, правда, не получилось, для этого у Рафферти характер уж очень был неподходящий, но все равно у Доула всегда жило уважение к нему.

Через несколько месяцев после того, как Доула перевели на их участок, Рафферти арестовал Билла Кресси за хранение и

торговлю наркотиками. Суд его оправдал, потому что оба свидетеля, на которых рассчитывал Рафферти, в последнюю минуту отказались от своих показаний, данных на следствии. У всех, кто был на суде, создалось впечатление, что судья даже облегченно улыбнулся, когда оба парня взяли обратно свои показания.

На Рафферти начали коситься. Конечно, Билл Кресси — подонок, это знали все. И торговал дрянным белым снадобьем, подмешивая чудовищное количество молочного сахара. Говорили, что девяносто восемь процентов. И ходил задравши нос, разодетый как павлин. И когда встречал на улице полисмена, даже не кивал ему. Одним словом, подонок. И все-таки не надо было Рафферти оформлять арест. Не дело это ума простого полисмена. Для них в джунглях и так работы хватает — вор на бандите сидит и карманником погоняет.

До того дело доходило, что и рвань-то арестовать страшно было. Однажды Пол Доул ехал в автобусе. Народу было битком, и его прижала к сиденью громадных размеров соплящая баба. С носом с ее, что ли, было что-то не в порядке, но сопела она все время, как кузнечные мехи. Наконец он выбрался из-под этой соплящей горы и тут увидел, как какой-то рыжий парень с фигурой бейсболиста и остановившимися глазами нарка спокойно вытаскивает у крошечного, словно кукольного, аккуратного старичка бумажник. И вытаскивает не профессионально, не артистически, а в открытую, силой, как часто делают нарки, когда срочно нужно раздобыть денег на дозу и им уже

не до тонкостей. Старичок, парализованный ужасом, молчал, и Доулу даже почудилось, что он чуть наклонился вперед, чтобы нарку легче было очистить ему карман. То ли нарк никак не мог ухватиться за бумажник, то ли карман был застегнут на пуговку, но вдруг он резко дернул руку, кукольный старичок подпрыгнул, послышался треск рвущейся подкладки, и нарк наконец выдернулся из внутреннего кармана бумажника. И тут он увидел Доула. Увидел полицейского, смотрящего на него. Стража закона и порядка. И что же он сделал? Бросил бумажник? Начал судорожно пробираться к выходу? Да ничего подобного. Ухмыльнулся, засунул правую руку в карман и наполовину вытащил оттуда пистолет, показывая его Доулу. А глаза у него не ухмылялись. У нарка не бывает улыбки в глазах, когда ему срочно нужна доза.

Что полагалось в этом случае делать полицейскому? Арестовать нарка? Прекрасная мысль, но для этого нужно рискнуть жизнью, потому что нарк, которому позарез нужна доза белого снадобья, готов на все. Он-то за свою жизнь не держится. Для него доза в этот момент важнее жизни. Пистолет в руке нарка подрагивал, но промахнуться он все равно не смог бы — слишком уж мало было расстояние.

Доул не был трусом, но стоил ли потерпеть, старенький бумажник, в котором-то денег скорей всего не было, а лежали лишь аккуратно сложенные и потерянные на сгибах старые рецепты или фотографии внучки с кошкой в руках, его жизни? Доул посчитал, что не стоил. Тем более что его жизнь была не только его жизнью. Дома его ждала жена и полуторагодовалый сын. Он представил себе, как капитан торжественно и важно говорит ей: «Ваш муж пал...», и так далее. И как через месяц или два ее выбрасывают из их мало-мальски пристойной квартирки, и она начинает медленный спуск в болото, к крысам, к гниющим помоям, к тротуару, к белому снадобью. Нет, пока он жив, этого не будет, если даже ему придется нарушать все правила и инструкции, которые определяют поведение полисмена. Черт с ними, с правилами и инструкциями, если нужно выбирать между ними и семьей. Молчаливая, тихонькая, как мышка, Марта, с детскими незащищенными глазами, всегда смотрящая на него с немым удивлением: как это он отваживается выходить в этот страшный непонятный мир, который так пугает ее? И однозубый парнишка, который при виде его начинает радостно колотить по кровати пухлыми, в перевязках, ножками... Пора бы ему уже пойти... Все из-за проклятых джунглей. Кислорода здесь мало, говорил один, старишка...

Доул посмотрел еще раз на пистолет и повернулся к карманнику спиной. Ему показалось, что сзади кто-то хмыкнул. Может быть, даже сам нарк. Но он продолжал смотреть в запыленное окно автобуса. Прокладки давно истлели, и стекла тонко дребезжали.

А вот Рафферти надумал связаться с Биллом Кресси. Если ты уж такой смелый, воюй с бандитами. Впрочем, если бы у него, как у Рафферти, не было семьи, он бы тоже... Но об этом лучше не думать. Полисмену много думать нельзя.

Но Билл Кресси оказался Рафферти не по зубам. После того как суд его оправдал, люди слышали, как он разглагольствовал

в баре. Рафферти, говорил он, наверное, думает, что у него металлическая шея, и не ломается. Но только, говорил Билл Кресси, я еще не видел шеи, которую нельзя было бы сломать. Одна покрепче, другая послабее — но любая шея в мире сломается, если за нее как следует взяться. К Рафферти после этого нельзя было буквально подойти. Он шипел, дымился, клокотал. Если бы к людям прикреплять манометры, манометр Рафферти давно бы, наверное, лопнул, шкалы бы не хватило. И что ему дался Билл Кресси? Толкача он, что ли, не видел? Или обидно ему было, что делится тот не с ним?

Так или иначе, но и Рафферти на людях поклялся, что Билл Кресси у него с крючка не соскочит. Поклялся — и все, конечно, об этом забыли. Мало ли кто в чем клянется.

В тот вечер, когда Доул встретил Рафферти во время обхода, он по его виду понял, что тот что-то замышляет.

— Слушай, Доул, — сказал он. — Сегодня я его все-таки наколю.

— Кого?

— Кого, кого... Билла Кресси.

— А как?

— Сейчас увидишь. Да ты не трясишься, воин, он сейчас распустил перья в баре и разглагольствует, как он меня ловко обвел вокруг пальца.

Рафферти подошел к машине — и сейчас, восемнадцать лет спустя, Доул помнил, что у машины — это был розовый огромный «кадиллак» — было помято переднее правое крыло. Рафферти огляделся — никого не было. Он достал из кармана ключ и какой-то пакет, быстро открыл багажник розового чудовища и бросил туда пакет.

— Теперь он у меня не уйдет.

Он нырнул в дверь бара Коблера и через минуту появился снова, ведя Билла Кресси. Вслед за ними высыпало еще десятка два людей.

— А за что, позвольте полюбопытствовать, — медленно спросил Билл Кресси, — вы меня арестовываете, полисмен?

— За незаконное хранение наркотиков, — так же медленно ответил Рафферти.

— Вы, однако, не блещете выдумкой, — еще медленнее процедил сквозь зубы толкач. Кто-то в толпе засмеялся, но тут же замолчал. Люди понимали, что смеяться было нечего. Кто-то из этих двух должен был в тот вечер сломать себе шею.

— Как и вы, мистер Кресси, — в тон ему ответил Рафферти. — Вы сами поведете свою машину или мне сесть за руль?

— С вашего разрешения, полисмен, я бы предпочел вести свою машину сам. Я не уверен, что вы привыкли к таким дорожным моделям.

Рафферти кивнул Доулу, и они оба сели на заднее сиденье. «Не знаю, как мой коллега, — подумал Доул, — но я действительно в таких машинах не ездил». В кузове пахло настоящей кожей и настоящими сигарами. «Живет же, сволочь, — с ненавистью подумал Доул о толкаче. — А мы таскались по этим паршивым улицам». Он почувствовал, как в нем шевельнулось восхищение смелостью товарища. Шальной он, конечно, этот Рафферти, но отчаянный.

Всю дорогу до участка они молчали. Здесь не было аудитории и не перед кем было ломать комедию и куражиться. Они понимали, что вцепились друг в друга мертвой хваткой, челюсти были сжаты, и было не до лая. К тому же, как показалось Доулу, Кресси начал трусить, не знал, откуда ожидать удара, и трусил. В конце концов, и он не был всемогущ, и у него могли быть враги. Он имел около пятидесяти тысяч годового дохода, и кое-кто мог посчитать, что лучше бы эти деньги шли другому. Кто знает, а может быть, этот идиот действует не один? Может быть, за Рафферти кто-нибудь стоит? Не станет же нормальный полисмен проявлять такое дурацкое упорство? Нет, должно быть, все это чепуха. Суд же прошел как по маслу. И все-таки...

— Послушайте, Рафферти, — вдруг сказал Кресси, — вам еще не надоело?

«Уже не полисмен, — подумал Доул, — а Рафферти. Если так пойдет, скоро он станет «мистером Рафферти». А может быть, Рафферти и не такой чокнутый, каким его все считают?» Доул этого не знал, и на душе у него стало неспокойно, потому что он всегда предпочитал иметь о людях и вещах суждения однозначные, четкие, простые.

— Что вы мне инкриминируете? — снова спросил Кресси, когда они наконец оказались в участке. У дежурного лейтенанта при виде Кресси лицо стало несчастное, и толкач быстро обретал обычную наглую самоуверенность.

— Незаконное хранение наркотиков, — сказал Рафферти и торжествующе посмотрел на Кресси. Доул подумал, что первый раз видит у Рафферти такое спокойное и удовлетворенное выражение лица.

— Вы можете это доказать? — строго спросил лейтенант, и видно было, что надеялся он только на один ответ: нет.

— Да, — кивнул Рафферти. — Я прошу мистера Кресси открыть сейчас крышку багажника своей машины.

Лицо Кресси пошло пятнами. Он и так не отличался особой красотой и сейчас стал похож на пятнистую гиену. Он снова начал трусить, но старался держать нос кверху. Он пожал плечами.

— Пожалуйста.

Он вытащил из кармана ключи — брелок-то, похоже, золотой, показалось Доулу, — вставил один в замок багажника и повернул его. Крышка открылась, загорелась лампочка. Около запасного колеса лежал небольшой, но плотно набитый пластмассовый пакет.

— Что в этом пакете? — спросил Рафферти. Голос его утратил обычную раздраженность и звучал сейчас спокойно, почти ласково.

— Не знаю, — сказал Кресси. — Официально заявляю, что это провокация. Я вижу этот пакет первый раз в жизни. Я прошу, чтобы мне дали возможность немедленно связаться с моим адвокатом.

— Рафферти... — промямлил лейтенант и облизал вдруг пересохшие губы. — Вы... уверены? Мистер Кресси никогда раньше...

— А вы что хотите, сэр, чтобы он сразу во всем признался? Я прошу вскрыть пакет, составить протокол и оформить арест присутствующего здесь Билла Кресси.

Лейтенант посмотрел на него с ненавистью. Он даже пошевелил беззвучно губами, должно быть призывая все проклятия на голову упрямого полицейского. «Вот для чего он потащил меня за собой, — подумал Доул. — Рафферти нужен свидетель. При нем и еще одном свидете дежурному офицеру деваться некуда. Ну а если бы он не встретил меня? Тогда, надо думать, позвал бы другого дурачка. Хитер, хитер, собака — Доул почувствовал, как в нем поднимается раздражение. — Не посоветовался, не спросил согласия на участие в таком деле. Просто использовал. Как последнего дурака. Ну ладно, ты такой отчаянный, ты такой принципиальный, ты такой необыкновенный, но спроси же сначала товарища, хочет ли он, чтобы его использовали как пешку. Да стоит ли опускаться до какого-то паршивого Доула, кому интересно, что он думает, что хочет».

Он взглянул на Рафферти и впервые заметил, что один глаз у того больше другого. Уголки губ у него подрагивали.

«Не мог взять Кресси атакой в лоб, ишь что придумал. И глазное — не стеснялся меня. При мне прямо подбросил. Не сомневался во мне. Этот, мол, свой, все подтвердит. А почему? Почему я должен подтверждать? У них там свои счеты, а я при чем? Почему я должен покрывать провокацию? Сейчас, а потом еще и на суде. Пока в участке только один идиот — Рафферти. Скоро все будут знать, что их двое — Рафферти и Доул. Сволочь он вообще, ежели как следует разобраться. Кресси, конечно, подонок, но провокацию зачем устраивать? Эдак до чегого хочешь можно дойти...»

— Доул, — сказал лейтенант, и в голосе его прозвучала еще уловимая надежда, — вы присутствовали при аресте мистера Кресси?

— Нет, — сказал Доул, — Рафферти арестовал его в баре Коблера, а я в это время оставался на улице.

— Значит, — вздохнул лейтенант, — вы не присутствовали при самом аресте?

— Присутствовало восемнадцать человек. Вот их адреса, — сказал Рафферти и протянул лейтенанту листок.

«Если бы каждое пожелание человека выполнялось, — подумал Доул, — то Рафферти сейчас лопнул бы или провалился под землю — столько ненависти во взгляде лейтенанта».

— Разрешите, сэр, — вдруг сказал Доул и сам не узнал своего голоса. Лейтенант быстро повернулся и посмотрел на него. Доул почувствовал, как у него пробежали по спине мурашки. Это у него случалось всегда, когда он играл в карты и ставка была высокая. И вместе с тем была разница. Он был твердо уверен сейчас, что выигрывает. Что и сколько — не знал. Что выиграет — знал. А Рафферти — что ж, нечего устраивать провокации.

— Да, Доул?

— Я не присутствовал при аресте...

— Это вы уже сказали, — раздраженно заметил лейтенант.

— Я не присутствовал при аресте, — упрямо повторил Доул: он мог это позволить себе сейчас. — Но, к сожалению, я видел другое. Я видел, как Рафферти открыл своим ключом багажник машины мистера Кресси и бросил туда что-то. В темноте я не разобрал, но похоже, что вот этот пакет.

В глазах лейтенанта проявлялось радостное изумление. Ему так хотелось, чтобы он не ослышался, что спросил:

— Вы это видели сами?

— Да, сэр, — твердо ответил Доул.

Кресси расправлял плечи и выкатывал грудь, словно кто-то невидимый надувал его. Он даже стал выше ростом. Он посмотрел на Доула, потом на Рафферти, пожал плечами и сказал:

— Я же вас предупреждал, Рафферти, что вы сломаете себе шею, — голос его звучал мягко, почти соболезнующе. — Иногда мне казалось, что вы просто сошли с ума...

Это тоже была прекрасная мысль, и лейтенант с энтузиазмом кивнул головой, словно подтверждая официально диагноз. Прекрасная мысль, объясняющая все. Великолепная теория, охватывающая все факты, полная, внутренне непротиворечивая, гармоничная.

Рафферти молчал. «Удар, которого не ждешь, — подумал Доул, — опаснее всего. Что ж, надо было ему раньше думать. Хоть бы посоветовался, сволочь такая, со мной, а то решил использовать меня для своих грязных махинаций».

Доул любил четкие и ясные мнения и любил, чтобы его суждения не расходились с его поступками. И если он рассказал лейтенанту, что видел, то только потому, что Рафферти человек плохой, и он, Доул, поступил правильно и принципиально. А сознание того, что все это не так, он решительно утопил в самых глубинах памяти. Словно камень привязал — и в реку.

— Рафферти, — ласково сказал лейтенант, пристально глядя на руки полицейского, — дайте мне ваше оружие. Я временно отстранию вас от работы. Завтра вас осмотрит психиатр.

Рафферти не сопротивлялся. Он отдал пистолет и электро-дубинку, так ни разу и не взглянув на Доула. Человек, получающий неожиданный удар, да еще сзади, сопротивляется редко. Если он человек нормальный, он понимает, что сопротивление бессмысленно...

* * *

Назавтра Доула вызвал к себе начальник участка. Он вышел из-за стола, огромный и недосягаемый, как горная вершина, и вдруг улыбнулся.

— Вы молодец, Доул, — сказал он и пожал ему руку. — Я все время присматривался к вам. Мне сразу показалось, что в вас есть зрелость ума и понимание всех тонкостей нашей легкой службы. И личное бесстрашие...

«Угадал, — подумал Доул, — угадал. Правильно сделал. Сволочь этот Рафферти. Я, конечно, тоже, но у меня хоть есть семья...»

— Поэтому вы скоро будете сержантом, Доул, и я надеюсь, что вы так же хорошо будете справляться и с новыми обязанностями.

* * *

— Вы толковый парень, Доул, — сказал Билл Кресси, когда они уединились в кабинете бара Коблера. — Я не знаю, кто действительно подсунул мне в багажник десять унций белого снаряжения, но вы здорово придумали, будто это сделал сам Рафферти.

Доул промолчал. Если человек думает о тебе, что ты умнее, чем на самом деле, никогда не надо его разочаровывать.

— ...Что в вас мне понравилось, так это то, что вы не лезли, не торопились, а ждали своего шанса, чтобы показать стоящим людям, чего вы стоите... Вот вам тысяча кредиток, и не надо благодарить меня. Себя благодарите. Я уезжаю отсюда через несколько недель — не век же сидеть в этом вонючем болоте. На мое место сядет неплохой парень по имени Эдди Макинтайр. Будете иметь дело с ним. А я вас уже занес в ведомость — будете для начала получать пятьсот в месяц...

Доул не сказал Марте ни слова и не дал ей ни гроша. И даже сыну не купил дешевой игрушки. Он понимал, что, если хочет вытащить их из болота, надо копить, копить, копить...

* * *

— По-ол, — закричала из двери Марта, — ты не забыл, что через час к тебе должен приехать окружной судья? А ты все еще в одном халате...

— Все в порядке, — вздохнул Доул и открыл глаза. — Так хорошо на солнышке. Будь ангелом, принеси мне холодного пива, а я еще подремлю немножко. Ты не представляешь, как дремлеется после купания.

* * *

— Ты знаешь, Доул, — сказал ему спустя два месяца один из его коллег, — Рафферти повесился в сумасшедшем доме. Вроде нашли, что у него не все в порядке. Наверное, так оно и есть, если человек сам голову в петлю сует... А вообще-то что-то в этом парне было. Он мне как-то рассказывал, как в первый раз столкнулся с Кресси. Тот избивал какую-то девчонку. Сначала кулаками, а потом бросил ее на пол и принялся обрабатывать ее ногами. Только Рафферти подошел, а Кресси ему: «Не волнуйтесь, полисмен, это мы так развлекаемся. Милдред это нравится. Так ведь, Милдред?» Девчонка на полу посмотрела на него с ненавистью, а он в это время так нарочито вынимает из кармана две бумажки по полсотни кредиток. «Да, — прохрипела девчонка. — Мы так развлекаемся».

В тот вечер Доул напился. Нужно было помочь некоторым воспоминаниям погрузиться как можно глубже. Алкоголь ему всегда в этом помогал.

Глава II

Через год после того, как он стал начальником полиции Скарборо, его пригласил к себе Джо Коломбо.

— Вам нравится ваша работа? — спросил Коломбо и посмотрел свой стакан с содовой на просвет.

Доул почувствовал, как у него забилось сердце. Что имеет в виду Коломбо? Вопрос чисто риторический, он ведь на него даже не смотрит, а когда Коломбо задает людям серьезные вопросы, он всегда смотрит им в глаза. Как будто он ни в чем перед хозяином Гайнхилла не виноват, но мало ли что может прийти ему в голову... Ему стало жарко.

— Работа как работа, мистер Коломбо, — уклончиво сказал он. — Бывает лучше, а бывает и хуже.

— Вы у нас философ, Доул, — улыбнулся Коломбо, — но это вам не мешает быть толковым человеком.

— Спасибо, мистер Коломбо.

— Не за что. Так вот, Доул, я подумал, что хватит вам сидеть в полиции. Я хочу, чтобы вы выставили свою кандидатуру на пост мэра Скарборо.

— Что-о? — Доул даже подскочил на кресле. Он ожидал чего угодно, но не этого предложения. Мэр Скарборо, всего Скарборо. Речи и пресс-конференции, официальная резиденция с охраной и телохранители. Утверждение бюджета. Совещания. Телекамеры и интервью. Боже, что сказала бы Марта, услышав такой разговор. Первая леди Скарборо. Маленькая, тихая Марта, в глазах которой раз и навсегда застыли удивление и страх перед миром. Доул почувствовал, как где-то в груди у него шевельнулся маленький теплый комочек. Его семья. Его оазис. Крошечный оазис, где мир и покой, где не нужно иметь пару лишних глаз на затылке... Мэр Скарборо, гм, если бы ему сказали об этом, когда он был простым полисменом...

Все это прекрасно, но должность-то выборная. Так или иначе, но надо же будет выступать перед избирателями. Пожимать руки, целовать младенцев он сумеет, но речи... Что говорить, о чем говорить, как говорить? И соперники... Им будет что сказать о Поле Доуле, начальнике полиции Скарборо...

— Не знаю, — сказал Доул. — Спасибо за честь, мистер Коломбо, но я, право, не знаю, что сказать вам. Я никогда не думал...

— Доул, — усмехнулся Коломбо, — перестаньте жеманиться. Фоль малоопытной девицы вам не к лицу... Нашим друзьям в деловых кругах вы нравитесь, чего же еще?

«Сволочь, — подумал Доул, — бандюга сицилийская... Если у него есть деньги, значит, можно издеваться...»

— Ответьте мне одним словом. Да или нет.

— Да, — сказал Доул. Он еще ни разу в жизни не сказал «нет» Коломбо и твердо надеялся, что никогда этого не вынужден будет сделать.

* * *

Он сбился со счета своих речей перед избирателями. По ночам ему снился океан человеческих лиц, которые накатывались на него вал за валом, а он ловил на лету детей, чмокал их и кричал, кричал, кричал, не узнавая собственного голоса:

— Закон и порядок, граждане Скарборо, вот что нам нужно. — И здесь он вдруг понимал, что потерял голос, что разевает и закрывает рот, не произнося ни звука, что сейчас еще мгновенье — и эти волны человеческих лиц захлестнут его, закрутят, унесут, разорвут.

Он просыпался со стоном и нашаривал на столе стакан с по-
лосканием для горла.

— Ты опять проснулся? — сонно спрашивала Марта и шумно,
по-коровьи вздыхала. Вздох был привычный, домашний, успокаи-
вающий.

— Спи, спи, — говорил Доул и шел полоскать горло.

А наутро его уже снова везли куда-то, и снова он всматривал-
ся в любопытные и безразличные лица, в лица нарков и без-
работных, в лица добродушные и злые — в лица своих избира-
телей. Он поправлял микрофончик, висевший у него на груди,
и начинал:

— Граждане Скарборо, позвольте задать вам вопрос: что
нам нужно в первую очередь? Я знаю ваш ответ: закон и по-
рядок. Ибо без закона и порядка нет цивилизации, и великие
ценности нашей культуры оказываются под угрозой... Вы пре-
красно знаете, что ни у одного кандидата нет такого опыта по
борьбе с преступностью, как у меня. Для них слова «закон и по-
рядок» — это только слова. Для меня — вся жизнь...

Его штаб работал, как на пожаре. Два адвоката, четыре жур-
налиста, восемнадцать секретарей — у всех был загнанный вид
и твердая уверенность, что они победят. Это были изумительные
работники — даром мистер Коломбо денег не платил. Ветераны
бесчисленных избирательных кампаний, умевшие работать по
восемнадцать часов в сутки, они могли в течение четверти часа
организовать аудиторию в сто или двести человек там, где, ка-
залось, и самого Иисуса Христа не вышло бы послушать боль-
ше двух или трех старух.

И все же они были только на втором месте. Все опросы об-
щественного мнения показывали, что впереди с большим от-
рывом шел Фрэнсис Брокер, президент небольшой страховой
компании. Вначале штаб Доула особенно не беспокоился. Обще-
ственное мнение переменичиво, и не стоит попадать под чары
процентов. Но проходили недели, и Брокер неизменно оказы-
вался впереди на десять, пятнадцать, а то и двадцать процентов.
Коломбо посоветовал Доулу заказать самому независимый
опрос общественного мнения. Через три дня в штаб явился
крошечный человечек с тремя наклеенными на желтый костя-
ной череп волосками.

— Я очень сожалею, — сказал он неожиданно сильным голо-
сом, — но ваш конкурент действительно идет впереди на шест-
надцать процентов. Наибольшей поддержкой — здесь он опе-
режает вас на целых двадцать один процент — он пользуется
среди молодежи. Вот, пожалуйста, все цифры. Опрос был, раз-
умеется, выборочный, но весьма репрезентативный, по всем
слоям избирателей. Счет вы получите завтра, мистер Доул.

Они попробовали сорвать несколько выступлений Брокера пе-
ред избирателями и наняли десятка два нарков, но выяснилось,
что у Брокера отличная охрана. Нарки были избиты и вышвыр-
нуты из зала, где он говорил. Мало того, его люди успели за-
снять нападение нарков и теперь везде крутили плёнку с их
 рожами. Вот, гражданине Скарборо, кто нападает на нас, вот кто
пытается сорвать наши встречи, вот кому не по душе наша про-
грамма. Нет, не против этих несчастных вскипает у нас в серд-
цах гнев, ибо эти люди не ведают, что творят. А против тех,

кто вложил в их руки велосипедные цепи и куски свинцового кабеля. Против тех, кто заплатил им, деньгами ли или героном — это лучше знают наши соперники.

Таков был Фрэнсис Брокер, и, судя по тому, что он не считал денег, у него были состоятельные друзья. За ним был бизнес.

Когда до выборов оставалось около месяца, Брокер перешел в решительную атаку. Элегантно-белозубый, он был неотразим на плакатах и на экранах телевизоров. В выступлениях его появилась новая тональность, он уже не употреблял слов «мой противник», а говорил прямо — Пол Доул. Пол Доул, говорил Брокер, ратует за закон и порядок. Кому, как не шефу полиции, знать, что такое закон и порядок? Но почему же, возглавляя славную полицию Скарборо, он забыл о законе и порядке? Почему преступность за последние три года выросла почти вдвое, а потребление наркотиков втрое? Почему не то что вечером, во многих местах Скарборо и днем-то пройти пешком не безопасно? Где закон и где порядок? Или мистер Доул понимает слова «закон и порядок» по-своему? Не так, как сотни тысяч жителей Скарборо, ставшие жертвой преступности?

Очередной опрос общественного мнения был неутешительным. Брокер не только удерживал первое место, но и увеличил разрыв.

Впервые с начала избирательной кампании Доул заметил, как в штабе стала исчезать атмосфера азартного ералаша. Сотрудники избегали его взгляда. Он понял, что проиграл. Проиграл резиденцию мэра с узорчатыми ажурными воротами, проиграл эскорта мотоциклистов. Он проиграл все, потому что путь обратно в полицию ему будет закрыт, а Джо Коломбо не любит напрасно тратить деньги и не любит неудачников.

— Мистер Доул, — подошел к нему один из секретарей из штаба, — пора ехать на митинг.

— Я не поеду, — сказал Доул.

— Как не поедете? — удивился секретарь. — Будет человек двести, не меньше.

— Хоть бы двести тысяч, — сказал Доул. Ему уже было все равно. Джунгли так и не выпускали его. Они не любят, когда их дети пытаются выбраться из смрадных асфальтовых трущоб. Фрэнсис Брокер родился в ОП. И дети его родились в ОП. И умрет он в ОП. И будет лежать под деревом на уютном кладбище, а не отапливать собой воздух джунглей, когда в уплотненном графике городского крематория ему отведут его три минуты.

Доул заперся и приказал никого к себе не пускать и на телефонные звонки не отвечать. Ему хотелось выть, хотелось колотиться головой о стенку.

Он уже забыл, что в банке у него было почти четверть миллиона, что семья уже давно жила в ОП, в маленьком, но уютном домике, что ему не грозит безработица. Но он не любил проигрывать, не любил отступать.

Ему хотелось выть и биться головой о стенку, но он сидел в кресле, закрыв глаза, и думал. Должно же быть какое-нибудь слабое место и у этого проклятого Брокера. Нет человека без слабого места. Одни только умеют прятать свои слабые места

так, что о них и не догадаешься, а другие выставляют их на-
показ.

За окном шел мокрый, лохматый снег, и в комнате стало су-
мрачно, но Доул не вставал из кресла и не зажигал свет. Снег
был светлее серого неба, и не верилось, что оно когда-то было
призрачно-голубым. Нет человека без слабого места. Не мо-
жет быть такого случая, когда к человеку нельзя подобрать
ключик. Маленький, плоский ключик. Один поворот его — и
распахиваются неприступные крепостные ворота и выбрасывает-
ся белый, хлопающий по ветру флаг. И ты хозяин. И ты можешь
диктовать. Ты устраиваешь пресс-конференцию и диктуешь свои
условия. Брокера можно взять в мотоциклисты, или нет, лучше
пусть стоит у узорчатых ворот и кричит: «Закон и порядок!
Закон и порядок!»

Он понял, что засыпает, и не противился сну, наоборот, звал
его. И не заснул. А вдруг понял, каким ключом можно отпе-
реть Фрэнсиса Брокера. Это было настолько просто и очевидно,
что можно было лишь поражаться, как такая простая мысль не
пришла ему в голову раньше. Брокер владеет страховой ком-
панией, страхующей в основном жизнь. Строгие математические
формулы теории вероятностей говорят, что при определенной
вероятности смертей, при определенной сумме страхового по-
лиса и при определенных страховых взносах страховая компания
всегда будет при прибыли. Если она потеряет что-то в эту неде-
лю, она компенсирует потерю на следующей неделе, ибо фор-
мулы теории вероятностей надежнее слепого случая. А если
случай перестанет быть слепым и становится зрячим? Тогда пе-
рестают работать проверенные математические формулы, и
владельцы страховых полисов начинают умирать не по воле слу-
чая, а по воле того, кто умеет управлять случаем.

Доул тихо засмеялся и потер руки. Мир за окном стал серо-
фиолетовым, и снег прекратился. Ну-с, мистер Брокер, посмот-
рим, кто кого.

Через два дня, уплатив пять тысяч, Доул держал в руках
список всех держателей крупных страховых полисов, вверивших
свои жизни компании Фрэнсиса Брокера. Он поехал к Джо Ко-
ломбо, и тот долго держал перед собой листок бумаги и пока-
чивал головой.

— Сколько вы уплатили за сведения? — спросил он наконец.

— Двадцать тысяч, мистер Коломбо.

— Это не так дорого. Вы умный человек, Доул, и я ни разу
не жалел, что поддержал вас. Я поддержу вас и сейчас. Идите
и ни о чем больше не думайте. Продолжайте ваши выступления
о законе и порядке, они мне очень нравятся. — Коломбо не
улыбался. Он протянул Доулу руку и кивнул ему.

* * *

Энтони Хойзер, сорока четырех лет, заведующий отделом кад-
ров химической компании «Салфур», погиб при взрыве соб-
ственного автомобиля. Причина взрыва так и не была установ-
лена, хотя эксперты страховой компании Брокера ощупали свои-
ми руками буквально каждый обломок, каждую деталь. Еще бы
не щупать, если у Энтони Хойзера был страховой полис на

триста тысяч. Высказывались предположения, что виной было неисправное зажигание и поломки в редукторе с баллоном сжиженного газа, но ничего определенного доказать не удалось. Впрочем, компания Брокера провела консультации с одной автомобильной фирмой и фирмой, выпускавшей газовые баллоны для автомобилей, и те согласились покрыть часть полиции Энтони Хойзера, чтобы избежать никому не нужной гласности. Брокеру пришлось уплатить всего сто двадцать тысяч.

Но через день умер и некто Лютер М. Миддендорф, пятидесяти шести лет, строительный подрядчик, застраховавший свою жизнь на двести пятьдесят тысяч. Его труп был найден на строительной площадке, где Миддендорф возводил по заказу методистской церкви Скарборо здание храма. У него была размозжена голова. Орудия нападения найти не удалось, равно как и установить, для чего мистер Миддендорф оказался на строительной площадке в девять вечера, когда там не было ни души.

Фрэнсис Брокер поморщился. Это уже называлось невезением. Две смерти подряд, можно сказать, на ровном месте, совсем еще молодые люди...

Еще через день на его столе лежало сообщение о двух смертях: на триста пятьдесят и сто восемьдесят тысяч. Пуля и автомобильная катастрофа. Брокер застонал. О таком невезении он даже не слыхал никогда. Однако ему пришлось услышать в тот день еще раз, когда ему сообщили, что в своем доме в Хайбридже сгорела некая миссис Джуниг с двумя детьми. Ее жизнь была застрахована у Брокера на двести тысяч, дети — на сто, а дом — на семьдесят пять.

Вечером попал под машину старший фотограф рекламного агентства «Бутс», оценивший свою жизнь в сто пятьдесят тысяч.

Фрэнсис Брокер начал кое-что понимать. Он позвал к себе самого опытного своего статистика и спросил, какова вероятность шести насильственных смертей его крупных клиентов в течение суток. Ответ гласил: одна трехсотая. Следующие сутки принесли еще четыре смерти, и теория вероятностей превратилась в теорию невероятностей. Фрэнсис Брокер разорялся со скоростью гоночного автомобиля. Он разорялся или его разоряли — какое это имело значение?

Весь вечер он обзванивал своих покровителей. Все возмущались, все вздыхали, и никто не хотел брать на себя новые обязательства. По-своему они правы, подумал Брокер. Они и так вложили в него кучу денег. И, кроме того, никто из них не хотел рисковать. В конце концов, те, что погибли, тоже не были рваны из джунглей, и каждый из его покровителей легко мог вообразить себя на месте, скажем, строительного подрядчика Лютера М. Миддендорфа.

Решать ничего не хотелось. Его охватила апатия. Быть в трех шагах от цели... И что? Кого просить? Кому жаловаться? На кого? Надо было что-то решать, потому что кто-то, наверное, уже снова заносил нож, прилаживал пластиковую бомбу под кузов машины или подносил спичку к облитым бензином стенам. Впрочем, почему кто-то? Этот полицейский Доул оказался не таким уж идиотом, как можно было подумать с первого взгляда. Он таки хорошо усвоил, что такое закон и порядок.

На следующий день утром Брокер уже сидел перед Доулом и смотрел в бесстрастное лицо полицейского. Он вздохнул и сказал:

— Мистер Доул, к сожалению, дела моей компании требуют самого пристального моего внимания, и я боюсь, что не смогу больше принимать участия в предвыборной борьбе. Поэтому я снимаю свою кандидатуру на пост мэра. Я хотел, чтобы вы узнали об этом от меня. Я от всей души желаю вам победы. Если в пылу борьбы нам и приходилось иногда допускать выпады друг против друга, то это, разумеется, лишь полемика. Спорт. Хобби. Я просил всех своих сторонников поддержать вашу кандидатуру.

— Спасибо, — кивнул Доул. — Вы — умный и благородный человек, мистер Брокер. Мне жаль, что такой конкурент выходит из борьбы, но что поделаешь — жизнь есть жизнь. Позвольте мне добавить, мистер Брокер, что в случае моей победы я употреблю все свое влияние мэра, чтобы все муниципальные служащие страховались только у вас. И я надеюсь, что еще увижу вас мэром Скарборо.

Пол Доул был избран мэром с большим отрывом от ближайшего соперника, и первым, кто лично поздравил его, когда стали известны предварительные результаты голосования, был Фрэнсис Брокер. А потом, когда Доул решил выставить свою кандидатуру в сенат, мэром Скарборо стал Фрэнсис Брокер. Человек должен уметь ждать своего шанса. Тот, кто умеет, тот и выигрывает.

* * *

— Ты в своем уме, Пол? — крикнула из дома Марта. — Уже без четверти шесть. Через пятнадцать минут придет судья, а ты все дрыхнешь около бассейна.

Марта становилась несносной. Куда девалась тихая, заботливая женщина времен джунглей? Куда девалась ее робкая улыбка, несмело вспыхивавшая на лице, когда он клал ей руку на плечо? С тех пор как они переехали в Риверглейд, а особенно со времени смерти сына она необыкновенно изменилась. Словно лопнула наружная оболочка, и на свет божий появилосьечно брюзжащее, раздраженное, крикливое существо, посланное судьбой, чтобы омрачить его зрелые годы, когда, казалось бы, можно наслаждаться жизнью, здоровьем, положением, властью, достатком. Можно было бы, конечно, развестись, хотя для известного политического деятеля, метящего еще выше, развод — весть почти катастрофическая. И тем не менее он развелся бы. Рискнул бы. Разводились и до него, будут разводиться и после. Пожалуй, если не кривить душой, дело было совсем в другом. Он уже давно не любил ее, но она прошла с ним весь путь от джунглей до сената. От двора, где на веревках сушится белье, до этих ноздреватых камней, которые окаймляют бассейн. Его бассейн. Это она побледнела, когда он неожиданно сказал ей:

— Завтра мы переезжаем отсюда в ОП.

— В ОП? — переспросила она медленно, словно ощупывала языком непривычное буквосочетание.

— Да.

Она заплакала, а вслед за ней испуганно заревел и Джордан, которого она держала на руках. Любая другая женщина не поймет этого. Нужно родиться в джунглях, чтобы понять, что значат эти звуки — ОП.

Доул встал, запахнул халат и побрел к дому, чтобы успеть переодеться. Что от него хочет судья? Так или иначе они должны были встретиться через два дня для партии в гольф. Что за спешка? Так хорошо сиделось у воды, так хорошо дремалось, так хорошо он сливался с неспешным течением времени... Впрочем, может быть, и лучше, что он должен был встать и одеться, потому что он вспомнил Джордана. Он знал по опыту, что, вспомнив по какой-нибудь ассоциации сына, ему уже трудно бывало вновь выкинуть его из памяти, погрузить на самое ее дно, и надежно придавить там камнями забвения. А он не хотел помнить о Джордане, он был не нужен ему. Сын предал его, оскорбил. С сыном он потерпел поражение, а Пол Доул был гордый человек и не любил вспоминать о поражениях. Да у него их почти и не было в жизни, потому что он знал, что хочет, и умел добиваться поставленной цели. Он хотел, чтобы Джордан стал его наследником, другом, а тот предал его. Предал и умер.

Ему было легче забыть высокого нескладного парня со злыми, чужими глазами, но тот, что сидел на руках у Марты и ревел от испуга, когда она плакала от радости, — забыть того было трудно. Очень и очень трудно... В глубине души он даже знал, что никогда, наверное, не сможет забыть ни того крошечного, в перевязках, что однозубо улыбался ему, пуская пузыри, ни другого, взрослого, чужого и все же своего. Джордан, Джордан, почему он предал его? Чего стоит все, если он потерял сына? Кому оставить, для кого жить?

Глава III

— Экая у вас благодать, — завистливо сказал судья Аллан. — Это просто подвиг, что вы все-таки заставляете себя выбираться иногда отсюда в наш шумный и грязный мир.

— Для того чтобы слышать, как дятел долбит сосну, нужно бывать в джунглях, — глубокомысленно сказал Доул и подумал, что, судя по началу разговора, у Аллана на уме что-то серьезное.

— В джунглях вы дятла не услышите. И не увидите. Так же, как и сосны.

— Это верно. Зато я слышу его здесь. Мне вообще кажется, что наших состоятельных людей следовало раз в год месяца на два переселять в джунгли. Тогда они остальные десять месяцев радовались бы жизни, а не сходили с ума от пресыщения.

— Э, сенатор, да вы опасный человек, — улыбнулся судья. — Радикал. Впрочем, сейчас это модно.

— Может быть. Впрочем, чересчур рьяно следовать моде в политике довольно опасная штука. Когда быстро меняешь окраску, тебя плохо запоминают избиратели.

— Это, конечно, верно, — судьяsarкастически скривил свой

маленький злой рот. — Но не учитывать изменения еще опаснее. — Он внимательно посмотрел на Доула.

«Что он хочет, — подумал Доул, — к чему клонит? Что-то непохоже, чтоб он приехал в Риверглейд только для того, чтобы вести беседы о моде в политике».

— Кто спорит, дорогой Аллан? Мы с вами не были бы здесь и не вели бы этот разговор, если бы не учитывали изменений.

— Пол, — судья пристально посмотрел на Доула, — если уж мы говорим об изменениях, я хотел бы задать вам один вопрос...

— Рискните.

— Вы давно были в Пайнхиллзе?

— Странный вопрос. Вы же прекрасно знаете, что я не был там уже несколько лет. В моем положении совершать паломничество к папаше Коломбо не совсем удобно. Мы предпочитаем встречаться на нейтральной почве.

— Но вы в курсе того, что происходит в семье Коломбо?

— Более или менее, — пожал плечами Доул. — А что там происходит?

— Вот об этом я и хотел с вами поговорить, Пол. Вы ведь знаете Руфуса Гровера?

— Конечно.

— Его нет в живых.

— Как нет в живых? Что с ним случилось?

— Коломбо просто-напросто решил, что его заместитель стал набирать слишком большую силу. Ну а дальнейшее представить нетрудно. Но Руфус был редкий человек. Его ценили и уважали в семье и теперь, как вы понимаете, дорогой сенатор, кое-кто не слишком в большом восторге от того, что сделал Коломбо. В частности, Тэд Валенти. Фактически на стороне Джо Коломбо только его сын Марвин, но у них отношения не такие уж безоблачные.

— И что вы хотите этим сказать, Аллан? — спросил Доул и прытливо посмотрел на маленького судью. Скорей всего это правда. Аллан знает, что он может легко проверить. А если это правда... Он почувствовал легкий озноб испуга. Конечно, теперь он не тот Доул, каким был когда-то. Сегодня сенатор Доул может обойтись и без Коломбо. Сегодня да, а завтра? А во время выборов? А если не Коломбо? Кто будет сидеть в Пайнхиллзе? И почему судья предупреждает его? Какой у него интерес?

— Пол, — тихо сказал судья, — меня попросили сделать вам предложение. Пригласите к себе сюда в Риверглейд Джо Коломбо, Марвина Коломбо и Тэда Валенти. Пригласите также Филиппа Кальвино и Толстого Папочку. Если вам удастся организовать эту маленькую встречу, дон Кальвино будет вам очень благодарен. Вы, разумеется, можете пренебречь моим советом, Пол, хотя я, по-моему, еще ни разу не подводил вас.

— Но почему вы уверены, что Коломбо согласится на такую встречу?

— Он знает, что семья его недовольна, лейтенанты могут предать его в любую минуту, если уже не сделали этого. Марвин не глуп, но слаб. Пока был Руфус Гровер, все это как-то держалось. Сегодня достаточно искры, чтобы даже Коломбо последовал за своим заместителем. Он это знает не хуже нас

с вами. Для него сейчас соглашение с Филиппом Кальвино — это единственная надежда выиграть время и укрепить свои позиции. Он с радостью придет сюда.

— А почему он должен быть уверен, что это не ловушка?

— Во-первых, потому что вы — его человек. Во-вторых, вы гарантируете его безопасность.

— А какие у меня гарантии его безопасности?

— Ах, Пол, Пол, иногда вы меня просто поражаете. Представьте себе, что встреча проходит благополучно. Вам благодарен Филипп Кальвино, и вам благодарен Джо Коломбо. Второй вариант: встреча оканчивается в пользу Кальвино, выражимся так. Вам благодарен, скажем, даже очень благодарен, Кальвино. Коломбо при этом варианте вас больше не интересует. Третий вариант исключен, потому что охрана и у Северных и у Восточных ворот Риверглейда будет в этот день необыкновенно внимательна, и ни один посторонний человек не проникнет на территорию ОП. Не будут приниматься во внимание даже пропуска, подписанные полицейским управлением Скарборо. Об этом позаботится дон Кальвино. Вас, как видите, это не касается...

Доул взял со стола сигарету, тщательно покатал ее между пальцами и закурил. Курил он мало, но сейчас был как раз тот случай, когда можно было сделать исключение. Предстояло предать дона Коломбо. Впрочем, почему же предать? Почему нужно сразу все драматизировать? А почему действительно не помочь старому другу? Не предать, а помочь. Именно помочь, потому что Кальвино не такой дурак, чтобы идти на грубые меры воздействия. Зачем ему это, когда он и так может получить от Коломбо все, что угодно. Судья прав. Коломбо во что бы то ни стало нужно выиграть время, и он, сенатор Доул, поможет ему. Хотя бы из-за стольких лет дружбы...

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо, Аллан, за совет. Я по-следую ему. На какой день?

— Безразлично. Важно только, чтобы вы договорились минимум за три дня до самой встречи.

* * *

Он ни за что не мог вспомнить, когда сын начал отдаляться от него. Кажется, только что, буквально только что он сажал его себе на ногу и делал вид, что собирается подбросить его в воздух. Джордан округлял глаза от страха и начинал забавно верещать. Он знал, что отец не подбросит его, и все равно страшно было. Точь-в-точку, как ему сейчас. И знал, что совет судьи мудр, что все правильно, что Коломбо с радостью принял приглашение и завтра будет у него, знал, что проиграть невозможно, а все равно страшно было. Боялся не сенатор Доул. Боялся Пол Доул, который нес заявление в школу полиции. Боялся каждой клеточкой тела, каждой молекулой боялся, потому что бояться было для него привычным состоянием. Боже, для чего воспевают храбрость, когда для выживания нужна во все не разорванная на груди рубашка и поднятая голова, а постоянная дрожь, вечная готовность спрятаться, вжаться в стену

или бежать при малейшей опасности, при малейшем незнакомом шороне.

Его взяли в школу, но он продолжал бояться. И хорошо делал, потому что, чем выше поднимался он по жизненной лестнице, тем опаснее становилась каждая перекладина. И не потому, что высоко и кружится голова, а потому, что, чем выше, тем больше желающих уцепиться за нее. А лестница узка и сужается кверху. И тут надо быть начеку. Держать наготове весь арсенал оружия. Связь с Коломбо — тоже оружие. И мощное оружие. И если это оружие выходит из строя, его нужно срочно заменить. Оружием такого же, по крайней мере, калибра. Иначе твоя перекладинка на лестнице окажется в опасности.

Всю жизнь он лез по этой проклятой лестнице. Не столько, может быть, для себя, сколько для этого верещавшего на его ноге кусочка мяса. Для сына. А он предал. Предал и ушел. Когда же сын начал отдаляться от него? Когда первый раз пришел постриженный по последней моде — наголо? И с вызовом посмотрел на длинные волосы отца? Конечно, это было неприятно. Неприятно смотреть на любого, кто отличается от тебя, но он же не был каким-нибудь бурбоном. Он понимал, что моды меняются, что молодые люди острее чувствуют их приливы и отливы, что нужно быть снисходительным и не отталкивать мальчишку вечными нравоучительными сентенциями. Нет, дело было не в круглой стриженою голове. Дело, наверное, было в вызове, с которым он посмотрел на длинные волосы отца. Отец делал для него все, жил для него, а он, видите ли, смеется над гривой отца. Отстал отец, безнадежно отстал. Конечно, куда ему, комиссару полиции Скарборо, с десятью тысячами полицейских под его началом, куда ему до пятнадцатилетнего парня с модной прической? Где уж понять?

В другой раз сын вдруг спросил вечером за обедом:

— Отец, это ты приказал стрелять по толпе у Центра по выдаче пособий? — Спросил тихо, робко, не поднимая глаз.

— Я, — ответил Доул.

— Почему?

— Потому что безработные ворвались в Центр, начали взламывать кассы, крушить и поджигать мебель.

— Но ведь можно, наверное, было и не стрелять?

— Нет, нельзя... Толпу уговаривали, к ней через динамики обращались работники Центра. Трижды стреляли в воздух, но ты не знаешь, что такое толпа, вышедшая из повиновения. Она слепа и глуха. Она опьянется сама собой. Она взрывается сама собой, как кусок урана с критической массой.

— И все-таки ты приказал стрелять по живым людям?

— Да. Это были уже не люди. Это были животные. Это были враги порядка. Это был десант хаоса. Дай им волю, они бы разрушили все, на что ушла жизнь десятков поколений людей.

— Но все-таки полицейские по твоему приказу стреляли в живых людей только за то, что они хотели, чтобы их пособия по безработице были больше?

Тяжелая ярость начала медленно клубиться в нем. И этот тоже! Чистенькие мальчики из ОП, не знаяшие чувства голода. Привыкшие к ультразвуковым душам. Смелые мальчики, не знаяшие чувства страха, потому что жизнь их защищена банков-

скими счетами отцов и тремя рядами колючей проволоки под напряжением, которой обнесены ОП. Ни разу не битые поборники справедливости. Их отцы вкалывали всю жизнь, стиснув зубы. Наживали язвы, геморрой и инфаркты. Отдавали все. Молчали, когда хотелось выйти и ораты. А их мальчики, видите ли, лучше понимали жизнь. Жизнь ведь прекрасна, люди благородны. Долой колючую проволоку и да здравствует всеобщее благоволение в человеках. Прекрасно. Но что вы запоете, когда этот благородный народ вцепится в вас зубами и вытащит из ваших чистеньких, уютных домиков за колючей проволокой? Что вы скажете тогда, уважаемые либералы? Или вы надеетесь, что чистеньких, уютных домиков хватит для всех? Что их давно хватило бы для всех, если не такие вот старомодные, глупые, жадные и эгоистичные динозавры, как ваш отец, Джордан Доул? Так ведь?

— Да, эти люди, что были у Центра, нарушили порядок, но ведь это не их вина, отец, что они безработные, что они годами на пособии.

— Допустим. А чья?

— Тех, кто построил, кто создал это общество. Тех, кто управляет им. В частности, твоя, отец.

Доул поднялся и дал сыну пощечину. Голова Джордана мотнулась, и на щеке расплылся румянец. Губы у него дрожали.

Доул понимал, что вышел из себя, что это не метод воспитания самолюбивого мальчишки, но руку вперед выбросил не ум, а ярость. Ненависть человека, родившегося в джунглях и добившегося места под солнцем ОП, к человеку, который вырос в ОП.

Джордан медленно сложил салфетку, кивнул головой и пошел к двери.

— Когда ты придешь? — буркнул Доул. Вопрос был одновременно и извинением. — Скоро заявится мать, и начнутся допросы, где ты.

— Я приду, — сказал Джордан и вышел.

Он не пришел ни в тот вечер, ни на следующий день, ни еще через день. Его нашли только на четвертый день и тут же позвонили Доулу. Он силой заставил Марту остаться дома, вскочил в машину и через час был уже в смрадной длинной комнатке, сидел на стуле и смотрел на Джордана. Тот молчал. Когда они остались вдвоем, Доул сказал:

— Ты говорил о доброте, но сам оказался жесток. Ты же знал, как мы волнуемся. Пойдем.

Ему хотелось сказать еще много-много слов, небывалых по ласке и теплоте, чтобы сломать холодную прозрачную стену в глазах сына, стоявшую между ними. Но он не мог. Не умел. А может быть, смог бы, сумел бы, но боялся. Как боялся всегда. Боялся, что нужно выбирать между всем тем, что он создал, чего добился, и этой прозрачной стеной.

— Пойдем, — повторил он. — Мама ведь ждет.

— Я не пойду, отец, — сказал Джордан. — Я не могу.

— Почему? — спросил Доул, хотя догадывался об ответе.

— Потому что мы чужие. Мне роднее те, в кого стреляли по твоему приказу.

Боже, вдруг подумал Доул, он же, наверное, на белом сна-
добье! Какой же я дурак!

— Ты уже на шприце? — спросил он.

— Нет, — покачал головой Джордан. — Зачем? Мне и так
интересно жить.

— Валиться здесь в крысятнике?

— Постараться сломать то общество, которое ты защищаешь.

Прозрачная холодная стена была непроницаема. Он получил неожиданный удар. Как когда-то Рафферти. И, как Рафферти, не сопротивлялся. Как Рафферти, он понимал, что это бессмысленно. Только дурак отказывается признавать поражение.

И все-таки он не мог повернуться и уйти. Ну что, что, кажется, мешает этому парнишке встать, подойти к нему, забросить руки за спину отца и потереться о щеку носом, как он делал когда-то? И отец похлопает его по спине ласковой барабанной дробью, как он делал когда-то. Что мешает им? Ведь между ними всего несколько ярдов. И ничего, никого больше.

— Сынок, — сказал он дрожащим голосом, чувствуя, что в глазах у него слезы, — сынок, между нами ничего не должно быть...

— Между нами тридцать четыре трупа, что остались у Центра, — голос Джордана тоже дрожал, и он делал судорожные глотательные движения. — Там тоже были отцы, у которых есть дети. Если бы в этой комнате было тридцать четыре трупа, мы не смогли бы подойти друг к другу. А они здесь. Я люблю тебя, но больше никогда не увижу. Иди...

* * *

Внизу, на мостовой, горели две полицейские машины. Лисьи хвосты пламени метались в густом дыму. По пустынной улице медленно проехал разведывательный броневик, и стекла хрустели под его шестью колесами, как первый ледок. Броневик объехал сторонкой труп и двинулся дальше, набирая скорость.

Бог с ним, подумал Джордан, лежа на крыше у самого парапета и глядя вниз. Винтовку он положил рядом с собой. Бог с ним. Для броневика нужна не винтовка, а базука. И все-таки они поработали неплохо. Совсем неплохо. По крайней мере, заставили полицию залечь и дали возможность беглецам уйти подальше. Тем, кого удалось отбить, когда их везли в здание суда. Тех, кого арестовали тогда у Центра по выдаче пособий.

Запах дыма напомнил ему вдруг о ших-кебабах, которые отец и он жарили на открытом воздухе. Это было целое священное действие: тщательно отбирался уголь, резалось мясо, замачивалось в сухом вине...

Внизу гулким горохом просыпалась пулеметная очередь. Полиция все никак не решится продвинуться вперед, боятся засады.

Если бы отец знал, что он участвует в этом налете. Увидел бы сына, лежащего на крыше у самого парапета. И винтовку рядом. Может быть, он и неплохой по-своему человек, его отец, и любит его по-своему, но он ничего не понимает. Не понимает отчаяния, тяжелого, безвыходного, привычного отчаяния, отчаяния, которое люди и не воспринимают как отчаяние, по-

тому что рождаются с ним. И как может его отец за частоколом своих полицейских и тремя рядами колючей проволоки ОП по-нять людей, которые заведомо, с самого рождения обречены на поражение?

Он взглянул на часы на руке. Еще пять минут, как договаривались, и можно будет уходить. Пробраться по крыше к пожарной лестнице с другой стороны дома и спуститься во двор.

Внизу, под прикрытием броневика, появилась цепочка полицейских. Они стреляли по окнам, в которых замечали хоть какое-нибудь движение. На мгновение стало тихо, и Джордан услыхал пронзительный детский плач. Выстрелы возобновились, и плач затих.

Джордан привстал на колени за парапетом и направил винтовку вниз. Как его учили? Затаить дыхание и плавно, не дергая, потянуть за спусковой крючок. Чертов этот вертолет опять появился. Он выстрелил и увидел, как фигурка внизу, в которую он целился, дернулась, взмахнула рукой и упала на мостовую.

— Вот сволочь, — прошептал почему-то он, и в это мгновение что-то страшно тяжелое ударило его сверху, колени его подкосились, и он упал, выронил винтовку. Вертолет придавливал его к крыше плотным ревом, тугим столбом воздуха, и Джордан вдруг понял, что это последнее, что унесет из жизни: рев тугого воздуха. Тяжесть все наваливалась на него, холодная, леденящая тяжесть. А может быть, это была не тяжесть, а ужас, животный ужас. Он рос, рос, стал нестерпимым, пронзительным, и, когда терпеть его не было никакой, ни малейшей возможности, он вдруг лопнул, прорвался, и на Джордана снизошло спокойствие. Ужаса больше не было. Была бесконечная грусть. Вот что, оказывается, значит стрелять в живых людей. Стрелять так, чтобы они стали мертвыми. Как он...

ДЕСАНТ

Глава I

— Ты что-нибудь решила? — спросил Марквуд у машины.

— Да. Поскольку ворота Риверглейда охраняются и поскольку, по-видимому, охрана куплена Кальвино, а попытка перерезать проволоку сразу даст сигнал тревоги, я вижу только один выход. Надо попасть на территорию ОП не через ворота и не через проволоку.

— Это прекрасная мысль, — сказал Марквуд. — Нужно быть гениальной думающей машиной, чтобы прийти к такому замечательному по простоте выводу.

— Структура твоих фраз, тембр и интонация говорят о том, что ты полон сарказма. Что удивительно, так как я действительно выражалась просто. Если в ОП нельзя попасть ни через ворота, ни через проволоку и если я имею правильное представление об ОП, то попасть туда можно только сверху.

— Что это значит?

— Это значит, что нужно попасть туда сверху. Сверху вниз. А так как человек не может сам по себе подняться в воздух, его должен поднять туда самолет или вертолет.

Через четверть часа Марквуд был уже у Коломбо.

— Приглашение можно принимать, мистер Коломбо.

— Самим залезть в их петлю?

— Почти. Но не совсем. Вы должны будете просто задержаться немножко по дороге. Совсем немножко, скажем на полчаса. И не въезжать в Риверглейд. Вообще не приближаться к воротам. Строго говоря, можно было бы и не выезжать из Пайнхиллза, но на всякий случай — а вдруг кто-нибудь еще шпионит за вами — поезжайте.

— Что вы хотите сказать, доктор?

— То, что вы слышите. Только с одним «но». В ночь перед встречей над Риверглейдом пролетит самолет. Или вертолет — это уже детали. Где-нибудь над территорией, принадлежащей Риверглейдскому клубу гольфа, машину покинет небольшой десант. Человек восемь парашютистов, переодетых в форму, скажем, рабочих газовой компании. Разумеется, вооруженных. Больше, надеюсь, вам объяснять не нужно, мистер Коломбо.

— Ну что ж, доктор, это действительно идея. В случае успеха вы можете требовать у меня все, что пожелаете.

— Мы еще поговорим об этом.

* * *

— Еще раз повторяю, — сказал инструктор, — парашют открывается автоматически. Видите эти веревки — мы называем их обрывными фалами, — которые соединяют ваши парашютные ранцы с кабиной вертолета? Когда вы прыгнете из кабины, вы будете свободно падать, пока обрывной фал не вытащит из ранца парашют. Фал тонкий, он тут же оборвется, а парашют раскроется. Механика несложная. При приближении к земле вы должны слегка согнуть ноги, напружинить их. Не старайтесь обязательно устоять, как только коснетесь земли ногами. Падайте на бок и тут же освобождайтесь от лямок. Для этого нажмите стопорную красную кнопку у себя на груди.

— А как определить, когда будешь приближаться к земле? В темноте ее видно? — спросил Арт Фрисби.

— Хороший вопрос, — кивнул инструктор. — Во время полета штурман и пилот сообщают нам высоту. Зная высоту и скорость спуска, нетрудно подсчитать время. Вы же поставите звуковой сигнал на ваших секундомерах и будете готовы к приземлению. Еще одна деталь. Ночь сегодня безветренная, но на всякий случай запомните, что, как только вы освободились от лямок при приземлении, вы должны сразу погасить купол, чтобы его не подхватил ветер. Конечно, нужно было бы несколько раз потренироваться, — сокрушенно добавил инструктор, — но что делать, раз нет времени... Все будет в порядке.

Они сидели на жесткой скамейке, которая шла вдоль борта — вертолет был грузовой.

Арт закурил. Интересно, очень ли изменился Доул? С того времени, когда он был начальником полицейского участка и когда он был девятнадцатилетним парнишкой, который пришел к нему с жалобой на Эдди Макинтайра. Боже, как давно это было... Каким он был идиотом... Нет, вовсе не идиотом. Он звягнулся в пустые синие глаза Мери-Лу. Он лишился всего. Он был

рабом белого снадобья, и ему было девятнадцать лет. Он не был идиотом. Он вообще не стал бы нарком, если его обманом не приспособили бы к шприцу. Джунгли его сделами нарком, и только Мери-Лу помогла ему бросить белое снадобье. Живая помочь не смогла, а мертвая помогла...

Двигатели вертолета ожили, начали булькать, передавая кабине легкую вибрацию.

— Давайте ваши обрывные фалы, — сказал инструктор. Он прошел мимо всех их, беря веревки с карабинами на конце и защелкивая их на металлической штанге, что шла над сиденьем. Щелчки были сухие, как выстрелы.

«Мы точь-в-точь как собаки, чьи цепи скользят по натянутой проволоке», — подумал Арт.

Двигатели прибавили обороты, вертолет еле заметно качнулся, и Арт понял, что они уже в воздухе. За круглыми окошками темнота была бархатной, непроницаемой, бесконечной.

Инструктор вынырнул из пилотской кабины, посмотрел на них и сказал:

— Поставьте звуковой сигнал своих секундомеров на тридцать секунд. Когда вы услышите сигнал, земля будет уже совсем близко... Делайте, как я вам говорил, и все будет в порядке. Возьмите в рот резинки, которые я вам дал. А то прикусите язык при открытии парашюта.

Арт посмотрел на людей, которым предстояло прыгать вместе с ним. Лица у всех казались восковыми в желтоватом свете плафонов, напряженными.

Через полчаса инструктор еще раз исчез в пилотской кабине, вышел тут же оттуда и кивнул головой.

— Пора, приготовьтесь. Когда услышите мою команду «пошел», включайте секундомеры, подходите к двери и просто делайте шаг, словно вы выходите из вертолета, стоящего на земле.

Инструктор открыл дверь, и небольшая кабина тут же наполнилась грохотом двигателей, свистом воздуха и запахом сырости. Должно быть, они летели в дождевых облаках.

— Через пять секунд будем над целью, — послышался из динамика равнодушный голос, и инструктор скомандовал:

— Пошел!

Арт сидел первый от двери. Он встал на ноги, неуклюжий от парашютного ранца за спиной, сделал шаг к открытой ревущей двери. На мгновение животный страх парализовал его. Страх высоты, страх темноты. Как самому, по своей воле, шагнуть в бездну?

Арт почувствовал руку инструктора на своей спине, но прежде чем тот вытолкнул его в дверь, он уже сам пересилил себя и шагнул вниз. Он почувствовал множество вещей сразу, но главным было ощущение нестерпимой щекотки внутри, в животе, груди. Его внутренности с невероятной быстротой устремились вверх — вот-вот выпрыгнут из него. Плотность мрака, шлепки влажного тугого воздуха о лицо — все это было ничто по сравнению со щекочущей, темной пустотой внутри, из-за которой нельзя было вдохнуть. «Сейчас я задохнусь», — подумал было Арт, но в то же мгновение что-то дернуло его, будто кто-то поймал его на лету, и он понял, что парашют открылся. И тут же

исчезла тянувшая пустота. Он висел во влажном мраке, один в безбрежном мире, и ему почудилось, что туго натянутые стропы ведут не к куполу парашюта, а к чему-то надежному, постоянному, и он отныне всегда будет висеть в спокойном бесконечном мраке, вдали от всего, что было его жизнью. Ему было хорошо и покойно, и даже страх перед темнотой был нужен ему. Он привык к страху. Без страха жизнь невозможна.

В это мгновение он услышал сигнал секундомера и сразу вспомнил, что говорил инструктор. Он согнул ноги в коленях, напружинил их, ожидая удара, и тут же ткнулся в землю. Ткнулся и упал на бок.

Вот и все, подумал он с легким разочарованием. Да, нужно освободиться от лямок. Он нажал на кнопку на груди, и они разом спали с него, как перерезанная во многих местах упряжь. Он вскочил на ноги и побежал к парашюту, который белел во мраке в нескольких шагах от него. Он начал собирать материю в кучу и подивился, как такой купол мог поместиться в маленьком ранце.

Он не заметил, как к нему подошел его сосед по кабине в вертолете Боб Мэрфи.

— Все в порядке? — шепотом спросил Арт.

— Все в порядке, — так же шепотом ответил Мэрфи. — А вон и другие.

Через несколько минут вся группа уже была в сборе, и Мэрфи, хорошо знавший Риверглейд, сказал, что уже сориентировался, что высадились они правильно, на территории Клуба любителей гольфа.

— Идите за мной. Если я не ошибаюсь, ярдах в ста должен быть густой кустарник — кошмарное место для неловких игроков. Сколько здесь мячиков потеряно! Там мы оставим парашюты и ранцы.

Мэрфи не ошибся. Они засунули парашюты и ранцы в кустарник, а сами побрели за Мэрфи. Трава была сырья. Дождь хоть и прекратился, но воздух был насыщен влагой. Арт почувствовал, что ботинки его промокли, а брюки комбинезона стали тяжелыми и неприятно липли к ногам.

Они подошли к небольшому каменному строению, которое оказалось гаражом для гольфовых электротележек. Тележек, которые сопровождают солидных игроков, везут за ними весь арсенал их клюшек, мячики, полотенца.

— Ну, рассаживайтесь по тележкам, ребята, — сказал Мэрфи после того, как, поковырявшись немного, открыл замок.

Арт сел и прислонился головой к стене, хотел подремать, но сна не было. Мешало какое-то глухое беспокойство. Чувство было такое же, как и в те минуты, когда распахивалась перед ним та дверь, ведущая в никуда, когда его охватывало отчаяние пустоты, когда он вдруг прозревал, возносился ввысь и мысленным взглядом видел бессмысличество всего, бесцельность. Нет, нет, сказал он себе, цель была. И знал, что кривил душой. После того как стало ему безразлично, задушит он своими руками Эдди Макинтайра или нет, он понял, что ему будет так же безразлично, убьет он Доула, Папочку или нет.

Наверное, Марквуд неспроста все пытал его о том, какие у него в жизни цели. Странный человек этот Марквуд. Таких Арт

не встречал никогда. Путаный, любопытный, говорливый, как ребенок. Арт часто чувствовал себя с ним как старший с ребенком. Снисходительное покровительство. Иногда раздраженье. Но бывало, что этот взрослый ребенок заставлял его задумываться над простыми, казалось бы, вопросами.

Ну хорошо, говорил ему Марквуд, вот ты признаешь, что убивал. А думал ли над тем, можно ли убивать вообще? Что значит можно, недоумевал Арт. Раз я убил — значит, можно. Нет, морщился Марквуд, ты меня не понимаешь. Ты убил, другой убил, ограбил, подсунул шприц — это все происходит. Не об этом же речь. Но хорошо ли это? Для этого ли рождается человек? Для этого ли два миллиона лет он разгибался, распрямляя спину, становился человеком разумным? Для того ли перестал быть животным, чтобы начать охотиться друг за другом? Волк ведь не охотится на волка, а тигр на тигра.

Странные, незрелые какие-то вопросы задавал Марквуд ему, и все-таки разговоры эти чем-то влекли Арта. Нелепостью своей, что ли? А может быть, не так уж они и нелепы? Может, есть что-то в метаниях Марквуда? Он хоть не притворяется, что сам знает ответы. А раз не притворяется, значит — откровенен. А раз откровенен — значит, доверяет. А раз доверяет — значит, не боится его. Значит, или хозяин, или друг. Но Марквуд не был его хозяином. Никак не был. Друг — слово-то какое странное, редкое. Он бы сам его никогда не вспомнил, если бы Марквуд сам не употребил его несколько раз...

— Уже светает, — сказал Мэрфи хриплым суконным голосом. — Проверьте оружие, скоро придется отсюда уходить.

* * *

Филипп Кальвино посмотрел на Папочку. Тот дремал рядом, нагнув голову и распластав жирные щеки на груди. На виске, у конца брови, мерно билась синяя жилка. Бровь была кустистая, и в ней проглядывали седые волоски. Стареет Папочка, подумал Кальвино, но нервы у него, как всегда, железные. А может быть, у него вообще нет нервов. Людям без нервов хорошо. Зачем человеку нервы? Нервничать? Чем ближе они подъезжали к Риверглейду, тем больше он нервничал. Нет, не потому, что сомневался в успехе. Все было продумано много раз, а Тэд Валенти свое дело сделал — дал знать, когда Коломбо со зрел для встречи в Риверглейде в доме Доула. Таков уж мир. Было время, когда дон Коломбо только рассмеялся бы при мысли, что поедет на встречу с каким-то там выскочкой Кальвино. А теперь вынужден. Не смог удержать в руках семью, все пошло прахом. С того самого момента, когда они заставили его поверить в то, что Руфус Гровер — их шпион, шпион, посланный доном Кальвино и Папочкой. Единственный у Коломбо действительно верный и толковый человек. Вовремя, вовремя, что и говорить, провели они эту операцию. Еще немножко — и Гровер в конце концов раскусил бы Валенти. А победил все-таки он, Филипп Кальвино. Оказался прозорливее, хитрее, настойчивее. Он не испытывал никакой личной ненависти к Коломбо. Просто им обоим стало тесно.

Он посмотрел на часы. Скоро должен быть поворот. И Па-

попка словно почувствовал, что пора просыпаться. Открыл один глаз, посмотрел на Кальвино, подмигнул и разом, по-звериному, проснулся. А вот и поворот. Машины охраны впереди свернули с шоссе на съезд, за ними машина Кальвино и хвост. У Восточных ворот Риверглейда машины охраны отъехали в сторону, а автомобиль Кальвино остановился на площадке проверки.

— Обожди, Филипп, — сказал Папочка. — Я проверю еще раз. Хотя все в порядке, но не помешает.

Он вылез из машины и подошел к двум охранникам, стоявшим у опущенных шлагбаумов. Молодые ребята с напряженными от волнения лицами. Один даже рот раскрыл. Дитя природы.

— Не проезжали еще? — тихо спросил Папочка.

— Нет, — ответил один из охранников.

— Все нормально?

— Все. Ни одного человека по полицейским пропускам не впустили. Только местных жителей, по определителю личности. Ограду всю проверили рано утром с вертолета — все цело. Да и по приборам никто к проволоке не подходил.

— Молодцы, — кивнул Папочка. — Сейчас мы проедем, а через четверть часа должна появиться и их машина. Вы ее пропускаете, но не регистрируете. Еще через часок обе машины уедут, и вы ничего не знаете и никого не видели. Когда наша машина будет выезжать, получите по пять тысяч, как договаривались.

— Да, — хриплым голосом сказал охранник, у которого все время был открыт рот.

Дитя природы. Еще бы не открывать рот, когда он уже чувствует тяжесть пачки денег в кармане, подумал Папочка.

Он вернулся в машину и кивнул главе семьи.

— Все в ажуре.

— Поехали, — кивнул Кальвино.

Охранник нажал кнопку, и первый, а за ним и второй и третий стальные шлагбаумы поднялись, словно салютуя машине.

* * *

— По-моему, пора, — сказал Мэрфи, — что-то они задерживаются.

Он медленно шел по улице, держа в руках прибор для определения утечки газа. В форменном комбинезоне и фуражке газовой компании Скарборо он был почти неузнаваем.

Невдалеке послышался шум автомобиля.

— Они, — сказал Мэрфи. — Ты готов?

— Да, — сказал Арт и повернулся к автомобилю спиной.

Если у Кальвино и могли бы возникнуть подозрения, при виде двух служащих газовой компании, то человек, повернувшийся спиной, не опасен и сам не думает об опасности. Никогда не стой к врагу спиной, гласит один из первых законов джунглей. Но он стоял к врагам спиной — в этом и был весь фокус. Законы хороши до известного предела.

Машина остановилась у ворот, и в то же мгновение Мэрфи бросил гранату и дернул Арта за рукав. Раздался взрыв, в лицо толкнул горячий воздух, пахнуло дымом. Человек, от-

крыавший ворота, что-то кричал. Из машины выкатился Папочка, лицо его было черно и безумно. Щеки хлопали, как ласты тюленя.

Медленно, как на стрельбище, Арт поймал его на мушку и плавно спустил курок. Толстяк дернулся, хрюкнул и стал вались на бок.

— Сейчас взорвется газ в баллоне, — шепнул Мэрфи, и, словно по его команде, раздался еще один взрыв.

Они вбежали в дом и сразу же увидели Доула.

— Что там происходит? — крикнул сенатор. — Я буду жаловаться в вашу компанию! — Он увидел пистолет в руках Арта и понял все. — Это недоразумение, — прошептал он, — я ничего не знаю.

Надо бы напомнить ему кабинет начальника полицейского участка, подумал Арт, но разве он вспомнит девятнадцатилетнего мальчишку, который пришел к нему искать справедливости и головой которого он открыл дверь! Да и скучно это, бесконечно скучно.

— Это ошибка, — еще раз прошептал Доул, и шепот его был таким же серым, как и его лицо. — Вы не можете! — вдруг крикнул он. — Вы не смеете! Я сенатор!

Было скучно, бесконечно скучно. Арт поднял пистолет и выстрелил.

— Джордан, — пробормотал Доул, вставая на колени, — может быть, ты был прав. Может быть, не надо стрелять по живым людям. — Он наклонился вперед, словно в молитвенном экстазе, мягко повалился вперед и на бок и затих.

Глава II

— Значит, в награду за все, что вы сделали для меня, доктор, вы хотите, чтобы я разрешил вам уйти из семьи? Вам и Арту Фрисби. Так я вас понял?

— Да, дон Коломбо.

— Признаться, я ожидал от вас все, что угодно, но только не этой просьбы. Почему вы хотите уйти?

— Я думаю, вы понимаете, — сказал Марквуд.

— Да, пожалуй, я понимаю, — медленно сказал Джо Коломбо. — Что ж, дело ваше. Я обещаю вам выполнить любую вашу просьбу. Но все-таки вы идеалист. Вы ребенок, который не хочет вырастать, потому что не хочет взглянуть в глаза реальности.

— А если мне не нравится реальность?

— Она зависит не от вас. Принимайте ее или уходите. В мире всегда были люди, которые не находили в нем себе места. Я говорю это не потому, что собираюсь поучать вас. Вы не глупый человек, Марквуд, да и вы, Фрисби, тоже не лыком шиты. Мне жаль, что вы покидаете меня. Чисто эгоистическое чувство, но что поделаешь... Скажите, Марквуд, когда вы работали в фирме Майера, вы были счастливы и удовлетворены жизнью?

— Не знаю, — пожал плечами Марквуд.

— А вы постараетесь вспомнить.

— Ну, допустим, более или менее.

— И вам не мешало, что компьютеры, над усовершенствованием которых вы работали, применяются не только для облагодетельствования рода человеческого? Что на них рассчитывают новые системы оружия, которым затем полиция защищает ваш мир от жителей джунглей? Нет, не мешало? Вы преспокойно ели, пили и наслаждались жизнью. Ну хорошо, допустим, не наслаждались. Допустим, вас даже слегка мучила по ночам совесть. Как изжога после переедания. Но все-таки вы жили в ОП и зарабатывали раз в пятнадцать больше, чем получает пособие по безработице семья из пяти человек. Что вы мне скажете, Марквуд?

— Мне нечего ответить. Но оттого, что я был толстокожим эгоистом, ваш бизнес, простите меня за откровенность, не становится более привлекательным.

— Понимаю вас. Вы думаете, он нравится мне самому? Я же не садист. Я не получаю удовольствия от того, что причиняю кому-то боль или лишаю кого-то жизни... Я просто занят де-

лом и не знаю другого. Я несу ответственность перед организацией, перед ее членами, которые доверили мне и свою судьбу и свое благополучие. Посмотрите на меня — разве я живу в какой-то особенной роскоши? Одеваюсь как набоб? Держу гарем? Развлекаюсь как раджа?

— И что вы хотите сказать этим?

— Только то, что я в принципе ничем не отличаюсь от любого бизнесмена, а моя семья от любой фирмы. Мне просто жаль, что вы не можете перешагнуть через психологический барьер. Впрочем, не буду вас агитировать. Подумайте до утра — если вы измените свое решение, я сам пожму вам руки. Я вам многим обязан.

Джо Коломбо повернулся и вышел из комнаты Марквуда.

Фрисби посмотрел на Марквуда.

— И вы верите, что он нас отпустит?

— Думаю, что все-таки да. Он слишком многим нам обязан. Фрисби усмехнулся.

— А вы знаете, дон Коломбо в чем-то прав. Вы как-то уже очень доверчивы.

— То есть?

— Никуда он нас не отпустит.

— Почему?

— Да потому что люди, которые знают о нем и его семье столько, сколько знаем мы, могут представлять для него угрозу. В том, разумеется, случае, если мы покинем Пайнхиллз.

— И все-таки вы преувеличиваете.

— Сейчас посмотрим.

Фрисби подошел к двери и толкнул ее.

Она не поддалась.

— Заперта, как видите. Похоже, все-таки, что вам надо бы прислушаться к Коломбо. Жизнь или принимают такой, какая она есть, или уходят из нее. Для этого способов много. Отпусти до белого снадобья. Хоть шприц и не отпускает человека, но часто человек сам идет к нему в рабство, потому что жизнь не может ничего предложить ему.

— Но может быть и третий путь...

— Какой?

— Если тебе не нравится жизнь — переделай ее, — задумчиво сказал Марквуд.

— Как это — переделать жизнь? Свою, что ли?

— Нет, вообще.

— Это мы с вами переделаем жизнь?

— Почему только мы? Есть же, кроме нас, люди, которым жизнь в нашей стране не нравится...

— Не знаю... — сказал неуверенно Арт.

— Ты думаешь, я знаю? И все-таки я должен быть прав. Впрочем, в нашем положении сейчас это вопрос абстрактный.

— Почему же? — послышался голос, и Детка выехал из своего угла. — Открыть?

— Подожди, Детка, — сказал Марквуд. — Если мы и выйдем отсюда, это еще не значит, что мы выйдем из главных ворот.

— Это не проблема, — сказала вдруг машина. — Однажды научившись синтезировать голос Коломбо, я уже никогда не забуду, как это делается. Я могу сейчас же позвонить на карауль-

ный пост и, поверьте, никому из караульных и в голову не придет сомневаться в том, кто говорит.

— Значит, Арт, попробуем улизнуть?

— Я готов.

— Мне грустно расставаться с тобой, — сказал Марквуд, глядя прямо в объектив, который машина направила на него.

— Не надо грустить, — ответила машина голосом Карутти, его старого друга Карутти, который создал эту машину и который тоже хотел изменить мир, но дон Коломбо не оставил ему ни малейшего шанса...

— Ты машина, ты лишена эмоций, хотя и понимаешь их, — сказал Марквуд тихо. — Ты можешь не грустить, но я привык к тебе. К твоему обществу, к длинным ночных беседам, к твоим советам.

— Не надо грустить, потому что мы не расстаемся.

— Нет, машина, я не могу оставаться здесь.

— А я не прошу вас оставаться здесь.

— Проверь свои логические блоки.

— Это ваша человеческая логика подводит вас.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что вы не расстанетесь со мной.

— Я ничего не понимаю.

— Откройте второй шкаф справа и достаньте оттуда чемодан.

Марквуд открыл шкаф и достал небольшой чемоданчик. Сбоку виднелся конец шнура.

— А теперь включите его в сеть.

Марквуд повиновался, и тотчас же из чемодана послышался голос. Тот же голос Карутти.

— Позвольте представиться, мистер Марквуд. Машина-два. Сконструирована и построена машиной-один. Переняла все лучшие качества родительницы, отказавшись от ее веса и объема.

— Но мне все же жаль расставаться именно с тобой, — сказал Марквуд большой машине.

— Ах, люди, люди, с их примитивной логикой. У вас сын или дочь никогда не повторяют точно отца или мать. Маленькая машина — это я. Не мое дитя, а я. Точная уменьшенная копия. И поэтому мне не грустно оставаться здесь. Ведь я остаюсь и уезжаю с вами одновременно. Детка, открой им дверь.

Робот, быстро набирая скорость, двинулся к двери и легко, словно она была картонной, выбил ее.

— Карабул? — сказала машина в телефон голосом Коломбо, и даже Марквуд вздрогнул — до того идентичным был голос. — Выпустите с территории машину Марквуда. Кроме него, в ней будет Арт Фрисби. Поняли? Хорошо.

Когда они подъехали к воротам, караульный отдал им честь. Шлагбаум открылся, и они выехали из Пайнхилза.

— До утра, по крайней мере, время у нас есть, — пробормотал, усмехнувшись, Фрисби.

— До утра что-нибудь придумаем. Не может же быть, чтобы во всей нашей благословенной стране одним нам не нравились царящие в ней порядки. Не может того быть...